игорь ефимов

новгородский толмач

Новгородский толмач

Игорь Маркович Ефимов

Аннотация
Игорь Ефимов. Новгородский толмач
Часть первая. ЛАЗУТЧИК
  Глава 1. Прибытие
  Глава 2. Новгород
  Глава 3. Псков
  Глава 4. В доме Борецких
  Глава 5. Война
  Глава 6. Царская невеста
  Глава 7. Мужи псковичи
  Глава 8. Посольство в Москву
  Глава 9. Утраты
  Глава 10. Бегство
Часть вторая. ОТСТУПНИК
  Глава 11. В посольском приказе
  Глава 12. Слуги князя Московского
  Глава 13. Враги подступают
  Глава 14. Стрелы и ядра
  Глава 15. Свадьба
  Глава 16. Гробы и колыбели
  Глава 17. Миряне и церковники
  Глава 18. На Тверь! На Тверь!

Глава 19. Две Елены
Глава 20. Разлука
Последнее письмо
Говорят историки
Говорит благодарный автор

Аннотация

Новый роман Игоря Ефимова, автора книг «Седьмая жена», «Архивы Страшного Суда», «Суд да дело», повествует о времени правления князя Ивана Третьего, о заключительном этапе противоборства Москвы с Великим Новгородом. В центре романа — молодой чех Стефан Златобрад, приезжающий в Россию в качестве переводчика при немецком торговом доме, но также с тайным заданием сообщать подробные сведения о русских княжествах своему патрону, епископу Любека. Бурные события политической жизни, военные столкновения, придворные интриги и убийства в Кремле всплывают в письмах-донесениях Стефана и переплетаются с историей его любви к русской женщине.

Кажется, это лучший роман автора. Драма одного человека разворачивается на фоне широкого исторического полотна и заставляет читателя следовать за героем с неослабевающим волнением.

Игорь Ефимов
Новгородский толмач

Роман

Часть первая. ЛАЗУТЧИК

Глава 1. Прибытие

Послание, отправленное в бочонке с воском Его преосвященству Бертольду Ольденбургу, епископу Любекскому, из города Новгорода, смиренным послушником и толмачом Стефаном Златобрадом в августе месяце 1467 года по Рождеству Христову

(латынь)

Ваше преосвященство, преподобный отец Бертольд!

Зная меня, Вы можете вообразить смущение, с которым я приступаю к этому письму. Для меня, Вашего преданного и послушного ученика, оказаться волею Божьей в положении, когда я могу поведать Вам нечто, чего Вы — во всем блеске Ваших знаний и мудрости — еще не имели возможности узнать, чревато сердечной смутой, окрашенной — как Вы можете догадаться — смесью самодовольства и насмешки над самим собой. Но, памятуя Ваш наказ описывать все, что увидят мои глаза и услышат уши в земле восточных вероотступников, и не пытаться отделять по своему разумению важное от неважного, я при-

ступаю к описанию нашего плавания и первых недель в Новгороде.

Наш корабль покинул остров Готланд, отплыв из порта Висби при хорошей погоде и благоприятных предзнаменованиях. Первая остановка была в Риге, вторая — в Ревеле. Руководители Ганзейского союза в нашем родном Любеке говорили мне, что эти города время от времени пытаются уклоняться от выполнения некоторых постановлений последнего съезда. Однако представители местных торговых сообществ явились на корабль одетые весьма торжественно и приняли привезенные нами послания центральной конторы со многими поклонами. В обоих портах на корабль погрузилось еще несколько ганзейских купцов со своими товарами. Все они дружно ругали фламандцев и англичан, которые недавно сделали попытку нарушить монополию Ганзы и тайно ввезти свое сукно в Новгород и Псков. И все сходились на том, что пора хорошенько проучить этих наглецов.

Прибрежная полоса здесь, на восточном берегу Балтики, покрыта невысокими соснами, научившимися цепко врастать в песчаные холмы. Морской ветер навеки наклонил их в сторону восходящего солнца, но вырвать из земли не

может. Пора белых ночей уже кончалась, однако мерцающий жемчужными переливами пейзаж наполнял души путешественников нежной меланхолией. Это возвышенное настроение разрушалось время от времени грозным силуэтом пустой виселицы с заготовленной петлей, торчащей из прибрежного тумана. Как мне объяснили, сии виселицы должны устрашать местных контрабандистов, которые все еще пытаются нарушать исключительное право Тевтонского ордена собирать янтарь в Прибалтике, дарованное ему самим Папой римским. Конечно, Орден наша главная опора против вероотступников в этих краях, он нуждается в деньгах постоянно. Но все же думается, что устрашать воров можно было бы какими-то другими способами. Право же, нет нужды так уродовать эту прекрасную часть Творения Господня.

Купец Густавсон, включивший меня в число своих помощников по Вашей рекомендации, оказался человеком весьма приветливым и изрядно начитанным. Он искренне удивлялся моим познаниям в языках и говорил, что иностранная купеческая община в Новгороде давно нуждается в хорошем переводчике. Правда, молодым помощникам вменяется в обязанность изуче-

ние русского языка. Но, по большей части, они относятся к этому занятию с пренебрежением и не достигают необходимого уровня. Вообще, поведение их в Немецком городке в Новгороде оставляет желать лучшего, они постоянно нарушают статьи устава.

Устав же этот, называемый «скра», представляет собой настоящий торговый катехизис. Новая редакция его была только что принята на общем съезде Ганзейских городов в Любеке. Мне приходится учить его всякую свободную минуту. За каждое нарушение устава полагается тот или иной штраф. Если я не буду прилежным, весь мой заработок утечет в казну Торгового двора в первые же месяцы.

Увы, благоприятные предзнаменования не оправдались. Когда мы бросили якорь в порту Нарвы, нам сообщили, что со дня на день возможно возобновление войны между Тевтонским орденом и Псковской республикой. В прошлом году Орден закончил свою тринадцатилетнюю войну с Польшей, потеряв по условиям Торуньского мира Гданьск и другие земли. Теперь он будет пытаться отвоевать на востоке то, что утратил на западе. А, как мы все знаем, звуки военных труб сильно заглушают уважение к

чужой собственности и жизни случайных путешественников. Нам пришлось изменить планы. Так как короткий путь по реке Нарве и Чудскому озеру оказался перекрыт, мы вынуждены были поплыть дальше на восток, намереваясь пройти по реке Неве в Ладожское озеро, а оттуда по Волхову подняться до самого Новгорода.

Да простит мне Ваше преподобие самоуверенность ума, если я выскажу предположение, что водный путь к Новгороду может представить особый интерес для любого военачальника, который в будущем возглавит крестовый поход против вероотступников. Поэтому позволю себе задержаться на нем подробнее.

Река Нева весьма широка и полноводна. Плавание по ней в летнее время не представляет трудностей. Но местные жители рассказывают, что при сильном западном ветре она иногда разливается так широко, что превращается в бескрайнюю водную гладь. Берега исчезают под водой, и любой корабль, не видя их, рискует потерять верное направление и сесть на мель.

В истоке Невы из Ладожского озера у новгородцев выстроена на острове крепость под названием Орешек. Ее каменные стены и башни выглядят весьма грозно. Наш капитан считает,

что и сотни смелых воинов, укрывшихся за этими фортификациями с достаточным количеством припасов, будет довольно, чтобы перекрыть вход в озеро. Крепость эта когда-то захватывалась то немцами, то шведами, но теперь, с появлением огнестрельного оружия, это будет нелегко. Я своими глазами видел несколько пушечных стволов, торчащих из бойниц. Говорят, что поначалу новгородцы покупали пушечные стволы в Богемии и тайно провозили их через Литву в тюках с шерстью. Но теперь научились отливать сами.

У входа из Ладожского озера в реку Волхов расположена еще одна крепость, тоже с каменными стенами. По преданию, именно здесь шесть веков назад построил свое первое укрепление основатель Русского государства, варяжский предводитель по имени Рюрик, якобы призванный местными племенами быть их военным вождем и судьей. Позже он переместился в Новгород, который и стал центром его власти. До сих пор среди русских князей провести свою родословную от Рюрика считается самым почетным делом и самым важным аргументом в борьбе за престол в том или ином княжестве.

Если наступающая армия сумеет захватить Ладожскую крепость и начнет подниматься по

Волхову, очень скоро она наткнется на полосу порогов. Для преодоления их на низком берегу реки устроен волок. Но, по существующим договорам с Великим Новгородом, ганзейским кораблям не разрешено подниматься вверх по реке. Пока артели местных крестьян перегружали наши товары на новгородское судно, ждавшее за порогами, мы имели возможность прогуляться по берегу и даже посетить большую деревню с церковью.

Вокруг нас сразу собралась ватага местных ребятишек, предлагавших купить у них лесных ягод и орехов. Все они были одеты в длинные домотканые рубашки, и волосы стрижены одинаково, так что лишь по голосам мы могли отличать мальчиков от девочек. Разговаривая с ними, я впервые имел возможность пустить в дело мой русский язык. Дети понимали меня, но очень смеялись над моим акцентом и тут же начали передразнивать. Дьякон православной церкви на Готланде, учивший меня русскому, был родом из южных краев, так что мой выговор должен звучать для северян диковинно.

Местный священник вынес для нас угощение — большое блюдо со свежей редиской и огурцами. Он извинился, что не может пустить нас, иноверцев, в свою церковь, но разрешил загля-

нуть в нее, не переступая порога. Мы разглядели в полумраке сцену Последнего суда, довольно искусно нарисованную на стене. Праведники возносились в Рай, грешники спускались в Ад. Всмотревшись внимательно, мы поняли, что все грешники были одеты в европейское платье. Священник смущенно подтвердил, что по их верованиям спастись могут только они, восточные вероотступники. О, слепота, о, мрак невежества! Я верю, что Господь поможет нам вырвать эти народы из бездны заблуждений, даже если для этого в конце концов понадобится пустить в ход мечи. Не сказал ли сам Спаситель: «Не мир, но меч принес Я в этот мир»!?

Через несколько часов мы продолжили наше путешествие по реке. И тут столкнулись с врагом, о котором должен быть предупрежден каждый рыцарь будущего похода. Тучи, полчища, облака кусачих насекомых! Слепни, оводы, комары, гнус шли на нас из окрестных лесов волна за волной. От них не было спасенья нигде. Ни днем, ни ночью. Уже к вечеру первого дня наши лица и руки были покрыты багровыми пятнами. В какой-то момент я увидел, как спина досточтимого мейстера Густавсона просто исчезла под живой шевелящейся накидкой из слепней. Представьте

себе, что будет с воином, если несколько десятков этих тварей проникнут под его доспехи!

Мне рассказали, что русские иногда используют насекомых в войне. Защитники крепости сбрасывают на штурмующих улей с пчелами. Искусанные лошади начинают метаться, скидывают всадников, топчут их копытами. Хотел бы я знать, в какой момент Господь создал этих кусачих тварей. Были они уже в Раю вместе с Адамом и Евой? Или Он создал их позднее, чтобы усилить наказание изгнанным из Рая? Что пишут наши богословы по этому вопросу?

Наконец, истомленные долгим плаванием, сильно искусанные и обгоревшие на солнце, мы увидели вдали купола новгородских церквей. Выше других возносится центральный, позолоченный купол храма Святой Софии. Говорят, он построен по византийским образцам. Точно такие же или похожие храмы есть в других русских городах: Киеве, Владимире.

Город широко расползается по обоим берегам Волхова. Снаружи он обнесен деревянной стеной с каменными башнями. Эта внешняя стена не производит впечатления очень мощной. Видимо, это связано с тем, что со времен последней войны со шведами, то есть больше ста лет, никакой враг

не смел приблизиться к Новгороду.

Зато центральная крепость, которую местные называют Кремль или Детинец, просто воспаляет воображение. Мощные каменные стены вырастают из крутого берега реки и поднимаются на такую высоту, что обычная штурмовая лестница просто не достигнет зубцов. О толщине стен я мог судить, заглянув в арку въездных ворот. Ясно, что даже очень высокий человек может улечься на земле под аркой, упереться ногами в ворота, вытянуть руки — и все равно не достанет до края стены. Там и тут в стене встроены круглые и квадратные башни с бойницами, нацеленными во все стороны. Думается, если бы турки, взявшие Константинополь, появились под Новгородом, они бы откатились в страхе от этих укреплений или были бы все перебиты во время штурма.

Со временем я постараюсь осмотреть Кремль внимательно и даже вычертить для Вас, преподобный отец, его план. Конечно, он будет послан Вам с соблюдением всех предосторожностей, о которых мы условились. Мне рассказали, что для пойманных лазутчиков у новгородцев существует особая казнь: варить заживо в котле с жиром. Но мейстер Густавсон заверил меня, что, после того как он ставит на бочонок с воском свою

торговую печать, никто не должен открывать его до прибытия в Любек. Глиняная трубка с моим посланием внутри, спрятанная в воске, должна незаметно пересечь морской простор и попасть в руки только Вам и никому другому.

Если же мне суждено принять мученическую смерть за наше святое дело, то да сбудется Воля Всевышнего. Вы, святой отец, знаете мою давнишнюю мечту: принять священнический сан и перейти из сонма званых в узкий круг избранных. Но я верю Вашим наставлениям, верю, что на избранном Вами для меня пути я смогу принести больше пользы для распространения Слова Божия на нашей грешной земле.

Последняя сценка нашего путешествия: когда наш корабль приблизился к причалу и матросы установили сходни, я поднял свой дорожный сундук и приготовился сойти на русский берег. Но мейстер Густавсон схватил меня за руку и жестами потребовал, чтобы я поставил сундук на палубу. Оказывается, по договору с новгородцами, все разгрузочные и погрузочные работы должны выполняться только гильдией местных грузчиков, которая получает за это с немецкого двора оговоренную плату. Перенесение мною собственного сундука могло быть объявлено на-

рушением договора, после чего подается жалоба в суд и налагается штраф. Поистине, наша страсть делить Творение Господа и распределять между собой мелкие права скоро дойдет до того, что мы лишимся права подносить ложку похлебки ко рту, а отдадим эту обязанность специальной гильдии кормильщиков.

Пользуясь Вашим великодушным разрешением, я вкладываю в глиняную трубку также письмо к досточтимой фрау Урсуле, вдове советника Копенбаха, моей бесценной благодетельнице и приемной матери. Как Вы увидите, в этом письме содержатся только житейские подробности моего устройства на новом месте. Ни одним словом я не приоткрываю истинную задачу моего пребывания в Новгородской земле, к выполнению которой приступлю в ближайшие дни. Вы, преподобный отец, будете получать мои отчеты так часто, как это позволит движение могучей Реки Воска, текущей с востока на запад и затем улетающей в небеса огоньками миллионов свечей.

Засим остаюсь вечно преданный и благодарный Вам,

Стефан Златобрад.

Письмо к фрау Урсуле Копенбах, в славный город Любек из далекого Новгорода, лето 1467

(писано по-немецки)

Бесценная моя приемная матушка и благодетельница, фрау Урсула!

Как и обещал, пишу Вам не откладывая, хотя со дня моего прибытия не прошло и десяти дней, так что у судьбы просто не было еще времени поднести мне какой-нибудь серьезный — злой или добрый — сюрприз. Но Вы заверили меня, что будете с нетерпением ждать от меня рассказов о любых, даже самых пустяковых событиях новой жизни, и я с готовностью подчиняюсь.

Ганзейские купцы владеют в Новгороде двумя дворами. Один расположен ближе к реке, и его называют Речным или Готским. Второй двор расположен на возвышении, поэтому носит название Горнего или Немецкого. В нем-то мой хозяин, мейстер Густавсон, и держит свою контору. Мы имеем все возможности смотреть на Готский двор свысока и не отказываем себе в этом удовольствии.

Двор представляет собой настоящую крепость, огороженную прочной деревянной стеной. На ночь ворота запираются и сторожа выпускают

собак. Меры эти абсолютно необходимы, потому что новгородские грабители дерзки и изобретательны. Рассказывают, что несколько лет назад они за одну ночь сумели построить помост к ограде, перелезли по нему во двор, отравили собак и украли несколько бочек меда и мешков с солью. Хорошо, что более ценные товары были спрятаны в амбарах под замком.

Посреди двора расположена каменная церковь Святого Петра. В ней есть подвальное помещение, используемое как склад для товаров. Если оно переполняется, товары складывают в самой церкви. Я своими глазами видел бочки с вином, стоящие у самого алтаря. На почетном месте, вместо ларца с мощами какого-нибудь святого, хранятся большие и малые весы для взвешивания серебра. Когда Спаситель наш явится во второй раз, он погонит нас из церкви Своей уже не бичом, а пламенным мечом обращающимся.

Меня поместили в доме, отведенном для купеческих учеников. Дом переполнен, кровати в каждой комнате устроены в два яруса. Общую залу называют «детской», и молодежь бесчинствует там круглый день: пьет, играет в карты и кости, горланит песни. В уставе строго запрещена торговля в розницу, но ученикам разрешается

подрабатывать, продавая приходящим русским купцам вино и пиво в разлив, а также перчатки, нитки, иголки, красивые пуговицы, кольца, сережки, браслеты и прочие побрякушки, на которые тщеславие местных дам разевает свой рот с такой же жадностью, как у нас в Любеке.

С первых же дней мне пришлось работать от зари до зари. Многие купцы не знают русского и буквально разрывают меня на части, требуя, чтобы я объяснил, чего хотят или чем недовольны новгородские перекупщики. Устав-скра строго запрещает торговлю в кредит: только обмен, товар на товар, который должен происходить тут же. Ганзейцы поставляют, главным образом, сукно, селедку, соль, вино, медь, олово, серебро, свинец, а получают в обмен воск, меха, икру или товары, которые русские привозят из своих поездок к Черному и Каспийскому морям: шелковые и бумажные ткани, ковры, ладан, перец, жемчуг. Казалось бы, чего проще: положи рядом товары, осмотри их и соверши обмен. Не тут-то было!

Обе стороны состязаются в хитростях и обмане, и, похоже, даже находят в этом удовольствие, непостижимое для честного простофили вроде меня.

Взять хотя бы сукно. Ганзейцы поставляют его в

виде свернутых рулонов, запечатанных торговой печатью цеха-производителя. Разворачивать их и измерять длину при продаже не разрешается. Почему? Во-первых, так велит Священная Скра. Во-вторых, купец имеет основания опасаться, что новгородец откажется от обмена и он останется с распечатанным рулоном на руках. Поэтому только придя к себе домой и развернув рулон, новгородский купец может обнаружить, что в нем, скажем, не сорок четыре локтя длины, как обещано, а всего лишь сорок. И кому он может пожаловаться? Ганзеец скажет, что не он сворачивал рулон, а цех суконщиков в каком-то из немецких городов. Больше он не станет брать товар у таких нечестных людей, а пока… Запомни их торговый знак и впредь обходи его стороной, бедный новгородец!

Или та же сельдь. Вчера разгневанный купец из Пскова бегал по двору, держа по селедке в руке, и красочно описывал, в какие места он засунет их продавцу-ганзейцу, если только отыщет его. Потому что в купленном бочонке сверху лежала селедка нормального размера, а в середине — такая мелочь, что ее и нищим-то совестно отдать.

Но и новгородцы не отстают в хитростях и жульничестве.

Привезет, например, десять кругов воска, который снаружи выглядит первосортным. А разрежешь — там грязь, мусор, дохлые пчелы, куски сосновой коры. Отколупнуть, проверить? Поднимет скандал, потому что, мол, от каждого круга можно столько отколупнуть, что потом круг уже станет непродажным.

С мехами еще больше мороки. Например, беличьи шкурки привозят из северных и уральских областей и продают связками по десять штук. Это такой ходкий товар, что часто такую связку используют как разменную монету — «одна куна». Но сколько брани и споров доводится мне слышать — и переводить — по поводу качества этих шкурок! В каждой связке должно быть хотя бы две шкурки превосходного качества (их называют «личными»), три просто хороших (называют «красными»), остальные могут быть похуже. Однако «похуже» — понятие настолько растяжимое, что спорщики могут лаяться не хуже собак, загоняющих несчастного зверька в ловушку.

Или горностаи. Оказывается, наилучшее качество их меха получается тогда, когда их ловят в правильное время года. Но хитрые новгородцы вырывают из меха те волоски возле головы и хвоста, по которым можно определить, когда пу-

шистая добыча была поймана. Если же вы хотите приобрести уже сшитый мех, нужно следить, чтобы он был составлен из кусков с одной и той же части тушки. Если это будет мех с живота, про сшитый кусок скажут «черевий», если со спины — «хребтовый», и так далее. Когда вернусь в Любек, смогу наняться приказчиком к любому меховщику, а то и открыть собственное дело.

Пока мне больше всего нравятся меха черной лисы и рыси. Как только накоплю достаточно денег, непременно куплю шапку из черной лисы и пошлю ее Вам в подарок к Рождеству, моя бесценная фрау Урсула.

А как поживает моя любимица Грета? Неужели ей уже одиннадцать? И она научилась читать и писать? Пусть напишет мне хотя бы короткую записку. Я так скучал без нее весь последний год, который мне пришлось провести на Готланде. Как ее занятия музыкой? Только вспомню ее сияющее личико, и сердце наливается нежностью. Она ведь не знает, какое ей выпало счастье — расти с такой доброй матерью. Если бы Вы, моя бесценная, не приютили меня в своем доме десять лет назад, мои строгие родители своими побоями и бранью довели бы меня, наверное, до полного озверения. И ведь они делали это из луч-

ших намерений, считая, что только так можно внушить человеческой душе страх Божий. Страх, страх, страх!.. А кто же будет учить Божественной любви?

По воскресным и праздничным дням небо над городом залито звоном колоколов. В русских церквах нет скамей. Люди молятся стоя или опускаются на колени. Даже зимой, на холодный каменный пол. Стоят так часами. Души их тянутся к Богу, и это внушает надежду. Рано или поздно они осознают свои заблуждения и вернутся в лоно Святой католической церкви, под отеческую власть непогрешимого Папы римского. Но ясно, что пастыри их, все эти попы и монахи, будут сопротивляться возвращению изо всех сил. Ведь никто из них не знает латыни. На каком же языке они будут вести богослужение, читать молитвы?

Я же пока поспешу на вечернюю службу в нашу церковь Святого Петра и крепко помолюсь о том, чтобы это письмо застало Вас и всех Ваших домочадцев в добром здравии и мире сердечном.

С вечной любовью и вечной благодарностью,

Ваш приемный сын Стефан.

Ночной дневник, осень 1467

(писано по-готски)

Когда мы плыли на ганзейском корабле, я заприметил там одного матроса. В часы покоя он вырезал фигурки из кости и негромко напевал. Я не мог понять слов и спросил, что это за язык. «Эстонский», — ответил он. Эсты — я слышал про это племя. Кажется, их упоминает в своих книгах даже великий Тацит. Они жили к югу от Финского залива с незапамятных времен. Потом эти земли завоевывали и делили между собой викинги, немцы, шведы, датчане, русские.

Капитан нашего корабля рассказал мне, что эсты славятся своей честностью и трудолюбием. Почва их полей довольно жесткая, но они пашут ее с беспримерным упорством деревянными сошниками. Дерптский епископ, пожалев их, велел привезти им железные сошники. К сожалению, в том году засуха почти погубила урожай. Эсты решили, что боги прогневались на них за измену старинным обычаям, и вернулись к деревянной сохе.

Свет истины Христовой был принесен в эти края два с половиной века назад. Но среди местных племен остатки языческих верований еще

очень сильны. То, что принято называть Ливонией, вряд ли можно назвать страной. Здесь нет единого правителя, власть поделена между вольными городами, епископалиями и Тевтонским орденом. Кроме эстов здесь обитают ливы, курши, балты и другие народности.

Я спросил у матроса, не согласится ли он учить меня эстонскому за небольшую плату. Он страшно удивился тому, что можно получить деньги за слова, слетающие с его губ так бездумно. И с радостью согласился. А мне давно хотелось овладеть языком, который был бы недоступен окружающим меня людям. Есть мысли, которые тревожат, жгут, мучают меня. Если бы их можно было изложить на бумаге, мне кажется, я смог бы легче совладать с ними, укротить, прояснить для самого себя. Но они полны таких кощунств, что записывать их латынью, или немецким, или другим широко распространенным языком — слишком рискованно.

Конечно, на корабле мы успели только начать занятия. Но матрос сказал мне, что его брат служит поваром в Ганзейском дворе в Новгороде. Он тоже из Ревеля, и эстонский — его родной язык с детства. По прибытии я отыскал этого повара, и теперь мы с ним продолжаем уроки, начатые во

время плавания. В письменном виде эстонский не существует, мне приходится записывать слова латиницей. Попробую сейчас выписать то, что уже закрепилось в моей памяти.

Вода. Река. Море. Дождь. Пить. Питье.

Плыть. Парус. Матрос. Поет.

Язык. Немецкий? Нет. Шведский? Нет. Русский? Нет.

Какой?

Эстонский. Ээсти. Учить. Язык. Песня.

Буквы. Нет. Писать. Нет. Говорить. Петь.

Повар. Блины. Каша. Репа. Молоко. Квас. Пиво.

Бог. Богу. Бога.

Видеть. Смотреть. Смотрю. Вижу.

Любить. Любят. Люблю.

Хочу. Хочет. Хотим.

Грех. Женщина. Грешить. Любить. Страх. Бог. Женщина.

Суд. Вина. Грех. Смерть.

Озеро. Лодка. Рыба. Дерево. Птица. Полет. Летать.

Женщина. Девушка. Жена. Сестра.

Грех. Страх. Суд. Обманщик. (На эстонском нет слова «дьявол».)

Глава 2. Новгород

Его преосвященству Бертольду Ольденбургу, епископу Любекскому, январь 1468

Досточтимый отец Бертольд, учитель и благодетель!

Припадаю к Вашим стопам и прошу простить мне задержку с этим письмом. Но, видимо, мне не удастся отправлять к Вам послания так часто, как хотелось бы. Мы целиком зависим от движения грузов с воском, а мейстер Густавсон вынужден дожидаться, когда его русские поставщики завезут на склад достаточное количество.

Зато у меня было довольно времени, чтобы внимательно осмотреть Новгородскую крепость и составить ее план, каковой и прилагаю. На рисунке башни помечены номерами, а внизу — их список и названия. Конечно, я не мог открыто измерять высоту и толщину стен. На глаз две круглые башни с северной стороны имеют диаметр около 15 метров, высоту — около 16 метров, если считать с зубцами. Остальные башни — квадратные, но тоже с мощными стенами. В некоторых устроены ворота для проезда, а

в верхней части размещается церковь и даже небольшая трапезная.

Со стороны реки новгородцы не ждут атаки, поэтому, как Вы видите на плане, в восточной стене построена всего одна башня — Борисоглебская. Зато говорят, что именно от нее идет тайный подземный ход к воде. Постараюсь разузнать об этом подробнее.

Многие древние историки, которых Вы, преподобный отец, давали мне читать, уверяют нас, что стены крепостей не так важны, как стена доблести, проходящая через сердце воина. Но одновременно мы знаем, что слишком смелые воины в мирное время начинают скучать и устраивают бунты, мятежи, перевороты. Чтобы предотвратить эту опасность, новгородцы разрешают своей буйной молодежи отправляться в далекие военные экспедиции. Отряды отчаянных молодцов (их называют «ушкуйники») спускаются на ладьях по Оке, Волге, Дону и безжалостно опустошают южные русские княжества и города, точно так же, как викинги в свое время разоряли Северную Европу. При этом мусульманское население они вырезают вчистую, а у христиан только отнимают все до последней рубахи.

В ответ на громкие жалобы ограбленных

новгородские власти заявляют, что никакого отношения к этим речным бандитам они не имеют. Однако на местных рынках вы в любой момент можете увидеть вооруженных молодцов, выставляющих на продажу богатую одежду, золотую и серебряную посуду, дорогие ковры. И покупатели всегда находятся. Они ни о чем не спрашивают, следят только за тем, чтобы на купленном товаре не было пятен крови.

Главная святыня новгородцев находится внутри Кремля — великолепный собор Святой Софии. Позолоченный круглый купол его возносится почти так же высоко, как шпиль нашей Мариенкирхе в Любеке. Главная дверь собора покрыта изящными литыми барельефами числом 26, изображающими сцены из Священного Писания. Местные попы делают вид, что не знают, откуда взялось это чудо искусства, но сведущие люди сказали мне, что двери были отлиты в Магдебурге три века назад, по заказу новгородского князя. Сегодня это уже не могло бы случиться: по нынешним церковным постановлениям любые иконописные изображения могут считаться священными только в том случае, если они созданы православным. Тем не менее двери снять никто не решается. Вот Вам пример того, как

свет истины христианской, воплощенный в художественном творении, может прорваться даже сквозь мрак победивших заблуждений.

Здесь же, в соборе Святой Софии, хранится городская казна Новгорода, своды законов, постановления боярской думы и народного собрания, именуемого «вече». Система управления государством и городом весьма запутана, и я еще не готов описать Вам ее в деталях. Но ясно, что местный архиепископ обладает огромной властью и авторитетом. Народное вече выдвигает трех кандидатов, и потом всенародный жребий решает, кому из них главенствовать над всеми новгородскими церквами и монастырями. Однако старинный обычай требует, чтобы избранный был утвержден всероссийским митрополитом, престол которого теперь находится в Москве. И это правило, как Вам, наверное, уже известно, стало в последние годы поводом для ожесточенных споров.

Раньше московский митрополит утверждался патриархом, сидящим в Константинополе. Но теперь Константинополь находится под властью турецкого султана. «Что это за патриарх, которого назначают турки, — говорит одна партия в Новгороде. — Нашего епископа должен утверждать

киевский митрополит, как бывало в старину». «Ваш киевский митрополит изменил православию, отвечает другая партия. — Он принял проклятую флорентийскую унию!»

Да, именно так здесь принято называть великое деяние Папы Евгения IV, который сумел на Флорентийском соборе возродить мир между западным и восточным христианством. В королевстве Литовском, на территории которого находится Киев, униатская церковь за прошедшие тридцать лет утвердилась прочно. Поэтому одну партию здесь иногда называют «пролитовской», а другую «промосковской». И в связи с этим я позволю себе смелость пересказать Вам, преподобный отец, то, что мне довелось узнать и услышать о делах московских.

Мне кажется, у нас в Европе до сих пор князя московского представляют вассалом то ли Польши, то ли Литвы, то ли монгольских ханов. На самом деле в последние пятнадцать лет сила и богатство этого княжества очень возросли. Отец нынешнего князя по имени Василий сумел победить своих противников в долгой междоусобной войне и очень укрепил свою власть. Примечательно, что он достиг успеха уже после того, как враги в какой-то момент пленили его и выколо-

ли ему глаза. (Отсюда его прозвище — Василий Темный.)

Нынешний князь по имени Иван продолжает политику отца. Медленно и осторожно он расширяет свои владения, увеличивает казну. Говорят, что он соблюдает все православные обряды, но при этом в нем нет слепого страха перед «латинством» и Западом, как это часто здесь бывает. Недаром и по матери и по отцу он является потомком знаменитых литовских князей Ольгерда и Витовта. В прошлом году он внезапно овдовел и сейчас подумывает о новом браке. Вот если бы удалось подыскать ему в Европе невесту, воспитанную в католической вере, это могло бы иметь самые неожиданные и благоприятные последствия для нашей проповеди в этих землях.

Мейстер Густавсон свел меня между тем с богатым местным купцом по фамилии Алольцев. Этот купец регулярно приезжает в Новгород из Пскова (расстояние между этими городами 180 верст), где у него большое торговое дело. Густавсон очень дорожит дружбой с ним. Он объяснил мне, что любой конфликт Новгорода с Ливонией или с Орденом прерывает нормальный оборот товаров, и тогда ганзейским купцам приходится тайно везти их через Псков. А тут уж без местного

посредника не обойтись.

Родители жены Алольцева — новгородцы, и они сдают ему хороший дом на улице Кузмодемьянской. Когда Алольцев узнал, что я владею многими языками, в том числе фламандским и английским, он стал меня уговаривать поработать на него. Ему очень хочется расширить свои операции с купцами из Фландрии и Англии, которые не входят в Ганзейский союз. Он уверен, что сможет продавать свои товары с большей выгодой, если ему удастся обойти монополию Ганзы. Главный его товар — дорогая моржовая кость, которую здесь называют «рыбьим зубом», а добывают в северных морях. У Алольцева хорошие связи с охотниками, промышляющими в Белом море, он и сам ездил туда несколько раз.

Мы договорились, что я буду приходить к нему по воскресеньям, когда Немецкий двор закрыт. Надеюсь, преподобный отец, это не вызовет у Вас возражений. Ведь достоверные сведения о Пскове могут в будущем оказаться очень полезными. Город этот хотя и меньше Новгорода, тоже очень богат и влиятелен. Говорят, крепость его никто не мог взять вот уже двести лет, хотя и немцы, и литовцы, и шведы пытались не раз. А недавно стены и башни Псковского Кремля были пере-

строены и сильно укреплены.

Засим я припадаю к Вашим стопам и доверяю это письмо затвердевшему воску, надутым парусам и крепким рукам, держащим руль корабля.

Стефан Златобрад.

Письмо к фрау Урсуле Копенбах, посланное в город Любек в мае 1468 года

Бесценная и любимая фрау Урсула, мать и благодетельница!

Много дней пронеслось цепочкой и намоталось на свиток Вечности после отправки моего последнего письма к Вам. И где же хранится у Господа до дня Последнего суда этот свиток, со всеми нашими добрыми и злыми делами, греховными помыслами, слепыми порывами? Тайна, загадка.

Зато у меня теперь есть возможность посылать Вам письма не через нашего бесподобного и преподобного епископа, но напрямую, с купеческим кораблем, отплывающим из Пскова. А это значит, что я смогу писать Вам чуть свободнее и не перечитывать мысленно каждую фразу глазами добродетельного отца Бертольда. Хотя надеюсь

при этом удержаться и не впасть уже в полную развязность, какую я, кажется, позволял себе в пору моей юности в Вашем доме.

Большие перемены произошли в моей жизни за прошедшие месяцы. Дело в том, что мне удалось сблизиться с одним русским семейством, и я довольно много времени провожу под их гостеприимным кровом. Купец Алольцев сначала пригласил меня перевести для него несколько писем, которые он хотел отправить в Англию и Фландрию. Потом я помог ему провести деловые переговоры с купцами у нас в Немецком дворе. А потом он спросил, не соглашусь ли я давать уроки немецкого и латыни его десятилетнему сыну. И я согласился.

В зимнее время число гостей у нас в Немецком дворе уменьшилось, мои услуги требовались реже. Староста двора был даже доволен тем, что я нашел себе приработок на стороне, и аккуратно вычитал из моего жалованья за каждый день, который я проводил у Алольцевых.

Давайте я для начала опишу их дом. Он выстроен из толстых бревен, которые до сих пор остаются здесь главным строительным материалом. Пожары в городе из-за этого случаются весьма часто, но русские мирятся со злом огня,

считая зло холода — страшнее. Они полагают, что каменные стены высасывают тепло человеческого тела слишком быстро. Возможно, в их холодном климате это суждение справедливо. Из камня строятся только церкви или дома очень богатых людей. Но в церкви человеку нет нужды снимать верхнюю одежду, а богатые люди могут не жалеть денег на дрова и на утепление стен коврами.

Нижний этаж в доме Алольцевых, как это здесь принято, отведен под склад всевозможных припасов, инвентаря, инструментов. Здесь же устроена печь, отапливающая весь дом. Горячий дым поднимается по глиняным трубам, искусно проведенным сквозь верхние надстройки, и выбрасывается наружу. Даже в светелке третьего этажа, где мы занимаемся языками с мальчиком Андреем, зимой было довольно тепло.

Главные комнаты расположены на втором этаже. Мне довелось пока побывать только в горнице хозяина, где у него устроен рабочий стол, хранятся торговые книги, расписки, наличные деньги. Здесь он принимает посетителей, ведет переговоры с другими купцами, диктует мне письма. До чтения он жаден весьма и всякие писания, которые ему удается добыть, отдает

местным переписчикам, а снятую копию потом хранит в специальном нарядном сундуке под замком. Кажется, больше всего его интересуют описания путешествий и исторические хроники. Он оказал мне доверие, дав почитать интереснейший труд «Хождение на Флорентийский собор» — о поездке русских епископов на Вселенский собор, созывавшийся в Италии тридцать лет назад. Видимо, ему хотелось показать мне, что не все русские затыкают уши, как только слышат голос из Рима, что и они способны разумно обсуждать трудные вопросы веры.

С особенным интересом я прочитал в этой книге отрывок, относящийся к нашему родному Любеку. Русские путешественники были поражены его чистыми мощеными улицами, стеклянными окнами, фигурными фасадами зданий, бьющими повсюду фонтанами. Не укрылось от их внимания и то большое колесо, которое забирает воду из реки и одновременно крутит вал станка в сукнодельной мастерской. В монастыре им показывали множество книг, дорогих облачений, священных сосудов и ларцов со святынями. Но больше всего поразили автора «Хождения» механические фигуры в монастыре (помните, Вы водили туда меня и Грету?), когда ангел слетает

с небес, возлагает венок на Мадонну, а по небу движется звезда, а за ней идут волхвы с дарами и потом с поклонами кладут их к яслям младенца Христа.

К сожалению, российское духовенство не признало Унию, утвержденную Флорентийским собором в 1439 году. Митрополит московский Исидор, подписавший ее, был встречен на родине гневными протестами и низложен. Сейчас всякое упоминание об Унии считается делом опасным. Тем более я ценю доверие, которое оказал мне Алольцев, дав эту книгу. Он также обещал дать мне для прочтения житие весьма почитаемого им святого по имени Сергий Радонежский, когда переписчики закончат работу.

Жена Алольцева, по имени Людмила, очень хороша собой и приятна в обращении. По виду ей еще нет тридцати. У местных дам принято покрывать лица румянами и белилами, но ей они не нужны. Она, смеясь, рассказывала мне, как другие купчихи громко осуждают ее за то, что она является на общие праздники и церковные богослужения не накрашенная, как они, и они проигрывают рядом с ней в глазах своих мужей. Я позволил себе преподнести ей ручное зеркало хорошей кельнской работы, и она была очень

довольна. Настенных зеркал у русских в домах не бывает, церковь относится к ним неодобрительно. Нет на стенах и картин или эстампов, как это принято у нас. Считается, что украшать комнату должны только священные изображения.

Почитание икон здесь доведено до такого же идолопоклонства, как это было у греков в Византии. Ведь русские приняли христианство от восточных схизматиков и старательно копировали и повторяли их заблуждения в течение вот уже шести веков. Думаю, Алольцевы не приглашают меня в другие горницы, потому что верят, что даже взгляд иноверца может повредить изображениям святых. В случае пожара обитатели дома прежде всего бросаются спасать висящие там образа. Один ганзейский купец арендует дом у русского, который заранее убрал и унес весь иконостас, а перед иконой, нарисованной на стене, долго молился и просил у нее прощения за то, что оставляет ее на поругание «неверным».

Все же мне кажется, что сами Алольцевы не склонны очень строго выполнять все требования православной церкви. Но они не хотят смущать и огорчать своих домочадцев, слуг, родню и по возможности сохраняют внешние правила благочестия. Со мной они о вере не говорят. Но я

чувствую, что в их отношении ко мне — иноверцу — больше сострадания, чем презрения и осуждения. Ведь я, по их понятиям, обречен на вечные адские муки! Они, конечно, не могут позвать меня в свою церковь. Зато они недавно пригласили меня принять участие в празднике поминовения усопших, который проводится на кладбище под открытым небом. Все же они посоветовали — и я с готовностью согласился сменить немецкую одежду на русскую.

Видели бы Вы меня в этом наряде, бесценная фрау Урсула!

На голове у меня был нахлобучен красный колпак с меховой оторочкой и всякими побрякушками, колотившими меня при ходьбе по лбу и ушам. Поверх рубахи на меня напялили длинный зеленый кафтан, который называется «однорядка». Рукава у него откидные, свисают чуть ли не до земли, а полы спереди короче, чем сзади. На поясе у меня болтался ножик в чехле, ложка тоже в чехле и кожаный кошелек «калита». На ногах были красные сапоги до середины икры, с задранными носами и подошвами, подбитыми гвоздиками. Обувь здесь шьют по одной колодке, не отличая правого сапога от левого, и из-за этого к концу дня я натер себе изрядные мозоли.

Кладбище расположено на высоком берегу реки, так что все семейство Алольцевых с удобством добралось до него на ладье. Когда мы прибыли, то увидели там уже множество народу. Могилы были украшены красивыми расписными платками, на которых лежало принесенное угощение: пироги, оладьи, крашеные яйца, вяленая рыба. Плакальщики стояли кругом или опускались на колени в свежую траву. Между могилами ходил священник с дьячками, размахивал кадилом. Женщины буквально разрывали его на части, требуя, чтобы он помянул их покойных родственников в первую очередь. Ему зачитывали имена, он повторял их и возносил к небу мольбу о спасении их душ, закутанную в облачко ладана. Тут же получал плату пирогами и деньгами и двигался к следующей могиле.

Знаете ли Вы, что священник здесь не только не дает обета безбрачия, но, наоборот, не может получить приход, до тех пор пока не женится? Если же жена его умрет раньше него, он теряет право совершать многие важные обряды. Вдовый «поп» — это священник второго сорта, ему приходится уплачивать большие деньги, чтобы сохранить свой пост в церкви. Вы можете себе представить, какой трепетной заботой местные

попы окружают своих супруг! Завидная судьба в стране, где битье жены считается чуть ли не долгом каждого главы семейства.

Плач и причитания прокатывались по кладбищу волнами. Вдруг я услышал близко-близко пение, пронзившее мое тело сладостной дрожью. Казалось, от ушей к сердцу у меня протянулась трепещущая серебряная струна. Я оглянулся и увидел, что поет жена купца Алольцева, Людмила. Игла ее голоса улетала высоко-высоко и словно бы нанизывала на себя плывущие по небу весенние облачка. Из-под закрытых век слезы текли по щекам, избавленным от румян и белил. Имена деда и бабки, лежавших в могиле, слетали с ее уст с такой нежностью, что даже ангелы Божьи могли услышать эту молитву и полететь к престолу Господню, просить о милости для двух вероотступников поневоле. Ведь и преподобный епископ Бертольд разъяснял нам, что души отступников были только сбиты с праведного пути лжепастырями Восточной церкви, но не погублены навеки. И Христос сказал хананеянке: «Велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему». Да будет по желанию Людмилы, да спасутся души близких ее!

Муж ее слушал пение, полуприкрыв глаза, сто-

ял с непокрытой головой, заметно возвышаясь над другими плакальщиками и попами. Лицо его имеет сильно выраженный скандинавский характер, оно заострено вперед, как нос ладьи или острие топора. Помните, как Вы любили во время наших прогулок по улицам Любека испытывать мою способность угадывать характер встреченного человека по лицу? Так вот, если бы мы встретили Алольцева, я бы сказал о нем следующее: этот человек умеет выразить почтение богатым и знатным, но в глубине души всегда помнит, что перед Господом мы все равны; он способен честно соблюдать договор и первый не нарушит его; однако, став жертвой обмана, не станет жаловаться и попрекать нечестного, а затаится и в удобный момент нанесет ответный удар безжалостно; он не лишен сострадания к людям и способен отозваться на чужую беду, даже если видит, что человек сам навел ее на себя своими словами или делами; из Христовых заповедей ему легче всего исполнить «не судите, да не судимы будете»; но подставить левую щеку ударившему его в правую он не сможет никогда.

Торговля — мирное занятие, но Алольцеву, как и всем псковичам, уже не раз доводилось надевать латы и брать в руки меч. Сейчас снова

возникает раздор у Пскова с немецкими рыцарями из-за пограничных деревень, и жена Людмила мрачнеет каждый раз, когда разговор заходит о возможной войне.

Написал «как и всем псковичам» и вспомнил, как Вы, дорогая матушка, иногда посмеивались над моей страстью сразу кидаться от отдельного к общему. Помните, я объяснял маленькой Грете, что такое птица, и заявил, что это просто животное, которое умеет летать. И вы тут же, с серьезным лицом, начали перечислять: «Например, пчела, комар, майский жук, божья коровка, а с другой стороны, курица, страус, домашний гусь…» Так и теперь меня все время подмывает описывать Вам русских «вообще», как племя с такими-то нравами, обрядами, одеждой, обычаями. Ведь слово «вообще» дает нам соблазнительную иллюзию власти над хаосом и непредсказуемостью бытия. Но я не поддамся соблазну! Вот описал Вам сеьмю Алольцевых и торжественно заявляю: они именно такие, сами по себе, на других — ни псковичей, ни новгородцев, ни москвичей — не похожие. И я очень надеюсь, что судьба позволит мне пробыть с ними подольше, узнать поближе.

Засим прощаюсь с Вами, бесценная матушка, и молюсь о Вашем здоровье и благоденствии.

Стефан.

Ночной дневник, лето 1468 года

(по-готски)

Немецкий двор охвачен тревогой. Приехали послы ганзейских городов, ведут новые переговоры с Великим Новгородом о правилах торговли. Новгородцы настаивают на том, чтобы их кораблям разрешен был проход в Балтийское море и дальше, чтобы «путь морской был чист». Ганзейцы категорически возражают и требуют «подписания договора по старине». В противном случае грозят вообще закрыть Немецкий торговый двор.

О, Свиток времени — как хотелось бы научиться заглядывать в тебя хоть на один виток вперед! Неужели моя миссия, начатая так удачно, оборвется в самом начале? Но, может быть, это и лучше? Вернуться на родину, снова увидеть фрау Урсулу, Грету, старых друзей… Закончить срок послушничества в монастыре, принять

священнический сан. Укрыться от дьявольских соблазнов и искушений, которыми кишит этот город, поклоняющийся не Христу, а языческому Бахусу и Золотому тельцу. В любое время дня на его улицах можно встретить полуголых людей, которые пропили или проиграли в кости всю свою одежду. А вчера своими глазами видел, как из бани во дворе Алольцевых вышла совершенно нагая служанка, крикнула истопнику, чтобы принес еще воды, и спокойно ушла за дверь.

Встревоженные ганзейцы спешат распродать свои товары, спускают цены. Русские купцы пользуются счастливым моментом и требуют за воск и меха чуть не вдвое больше обычного. Мне приходится участвовать в переговорах с утра до вечера, уши болят от их криков. У Алольцевых бываю только по воскресеньям. Но все же после рабочего дня увожу повара в свою каморку, угощаю пивом и упражняюсь в эстонском. Чтобы убить двух зайцев, пытаюсь вместе с ним переводить заученные русские пословицы на эстонский.

(дальше на эстонском)

Женское «да» и женское «нет» так близко друг к другу — иголку не просунешь.

Садясь есть, книгу закрой — а то память заешь.

Кто любит попа, кто попадью, а кто попову

дочку.

Век мой прошел, а дней у Бога не убыло.

Себя уморишь, а на людей не угодишь.

Упражнения:

Я смотрю. Я буду смотреть. Я смотрел.

Лавка стоит. В лавке купец сидит. Купец продает браслет.

Я вижу. Я увижу. Я увидел.

Я видел. Я видел ее. Я смотрел на нее.

Она говорила. Она смотрела. Она пела.

Мы говорили. Мы смотрели. Мы шли. Мы смеялись.

Она вышивала. Она наливала. Она смеялась. Она смотрела в книгу. (На эстонском пока нет слова «читать».)

У нее кольцо. У нее синий браслет. У нее ожерелье. Янтарь. У нее желтые сапожки.

Соблазн. Грех. «У дверей грех лежит, но ты господствуй над ним». Господствуй, Каин.

Кто любит купца, кто купецкого сына, а кто купецкую жену.

Покаяние. Суд. Бог. Пропасть. (На эстонском нет пока слова «ад».)

Глава 3. Псков

Его преосвященству Бертольду Ольденбургу, в Любек, март 1469

(латынь)

Преподобный отец Бертольд, учитель и благодетель!

Итак, то, чего мы опасались, произошло: ганзейцы не смогли договориться с новгородцами и закрыли Немецкий двор на неопределенное время. Выполняя Ваше распоряжение, я остался в Новгороде, поступив на службу к Ермолаю Лукичу Алольцеву. Через него мейстер Густавсон будет продолжать вывоз воска, а значит, мои послания, как я надеюсь, будут по-прежнему достигать Вас.

Слова одобрения в Вашем последнем письме очень согрели мое сердце. А известие о том, что копия моего отчета была послана в Рим самому кардиналу Виссариону, наполнило душу таким тщеславием, что я сам себе назначил сто покаянных поклонов перед распятием.

Но как же не возгордиться! Ведь я только обронил в письме эту идею подыскать для московского князя Ивана католическую невесту в

Европе, — и вот она уже начинает воплощаться в жизнь. Мне удалось здесь встретиться с послом из Рима, Юрием Траханиотом, когда он проезжал в январе через Псков и Новгород в Москву. Он немного рассказал мне о принцессе Софии, племяннице последнего византийского императора. Так как она была крещена восточными вероотступниками и детские годы, до приезда в Рим, провела с ними, ей будет легче войти в доверие к московской знати и духовенству. Если этот брак состоится, я уверен, наша миссионерская деятельность в Московии получит могучий толчок вперед.

На зимний период семейство Алольцевых должно было вернуться в Псков, и Ермолай Лукич взял меня с собой. Я был этому весьма рад, потому что Псковская республика и Псковская крепость заслуживают отдельного описания, каковое и следует ниже.

Зимой здесь путешествуют на санях. Мне были предложены отдельные сани, и я самоуверенно согласился сам взять вожжи в руки, воображая, что моего опыта управления повозкой будет достаточно. Не тут-то было! Пока наш обоз катился по замерзшему Ильменскому озеру, все шло так гладко, как это и должно быть на све-

жем крепком льду. Но как только мы въехали в устье реки Шелонь, мои сани — и почему-то из всего обоза только мои! — начали налетать на каждый спрятанный под белым покровом торос. Я вылетал в снег вместе со своими пожитками, ко всеобщей потехе. На пятый раз Алольцев уговорил меня уступить вожжи одному из слуг и отдаться спокойному созерцанию русских снегов и небес. Зрелище колючих заснеженных вершин, плывущих на ослепительной голубизне, требует пера настоящего поэта и такого количества страниц, которое просто не вместится в наш глиняный свиток. Поэтому я упомяну лишь, что путешествие наше заняло три дня и что одну из ночей мы провели в городе Порхов, где Алольцева принимал его родственник и торговый партнер в весьма обширном и теплом доме. Ни дикие звери, ни злые разбойники не осмелились помешать нашей поездке.

Я, конечно, читал записки фламандского путешественника Гилберта де Ланноа, который посетил эти места пятьдесят лет назад. Как Вы помните, он считал, что в его время с Псковской крепостью в Северной Европе могли сравниться только крепости Мариенбурга и Дерпта. Но когда я увидел своими глазами стены и башни Псков-

ского Кремля, я испытал в сердце укол такого почтения и даже страха, будто сам уже находился в рядах будущих крестоносцев, которым вот сейчас предстоит идти на штурм этой твердыни. Естественный холм, находящийся на слиянии двух рек — Псковы и Великой, — был в свое время увеличен искусственной насыпью, в которую стены врастают мощным основанием на большую глубину. Храм Святой Троицы внутри Кремля возносится на высоту, может быть, трех башен, его сияющие под солнцем купола видны за много верст. Алольцев с гордостью рассказывал мне, что за всю долгую историю Пскова ни один враг еще не решился приблизиться к этим стенам вплотную. Хотя военные столкновения с соседней Литвой, Ливонией и Тевтонским орденом случаются весьма часто, они сводятся к стычкам на окраинах республики и разорению сельской местности. Твердыня Псковского Кремля стоит нерушимо.

Недавно мне довелось подслушать, как мой хозяин давал своему сыну урок военной географии. Он вычертил на листе бересты границу Псковской республики и стал рисовать стрелы, показывающие армии приближающихся врагов. Сын должен был назвать пограничную крепость,

куда следует срочно отправить подкрепления.

— Ливонцы подступают с севера! — кричал Алольцев.

— Дружине выступить на Гдов! — откликался сын.

— Немцы готовят удар с запада!

— Коней седлать! Скакать на подмогу Изборску.

— Ордынцы крадутся с юга.

— Конный полк — на Опочку! Пеший — на Велье, другой — на Воронич!

Каждый псковский мальчишка с детства знает, что рано или поздно ему предстоит военная служба. Даже малочисленные отряды псковичей бьются весьма упорно и коварно. Сорок лет назад литовский князь Витовт, которому помогали татары, пытался взять крепость Опочку. Осажденные заранее подпилили сваи моста, а дно реки уставили острыми кольями. Передовые всадники наступавших свалились в воду. Не в силах видеть мучения несчастных, корчившихся на кольях, их товарищи пытались прийти на помощь и гибли под стрелами со стен. Два дня Витовт штурмовал крепость и должен был отступить ни с чем.

Памятуя наставления Вашего последнего письма, преподобный отец, я отложил внимательный

осмотр боевых укреплений на будущее и в первую очередь попытался собрать побольше сведений о внутреннем устройстве этой маленькой республики. Правит здесь, как и в Новгороде, совет бояр и посадников, но все важные вопросы выносятся на утверждение всенародного веча, которое собирается на площади перед храмом Святой Троицы. Псковичи гордятся тем, что у них не бывает таких свирепых раздоров, как в Новгороде, где схватки между партиями часто выливаются в уличные драки и кровопролития. Действительно, я очень быстро мог убедиться, что нравы псковичей характеризует гораздо большая сдержанность и умение владеть своими страстями. Но и здесь неопытного новичка подстерегают всякие западни и ловушки.

Так, мейстер Густавсон два года назад чуть не попал здесь в судебную паутину. Он одолжил одному псковскому купцу — человеку проверенному и честному — изрядную сумму денег для закупки осетровой икры в Астрахани. Но купец, возвращаясь из поездки, уже всего за день пути до дома, провалился с санями под лед и утонул. Мейстер Густавсон, дав душе покойного вознестись и найти свое место в мире ином, пришел к наследникам, предъявил им расписку и попросил

вернуть долг — деньгами или товаром. Но наглые наследники заявили, что знать ничего не знают и что в завещании покойного никакой Густавсон не упомянут. А если он захочет судиться, то это будет его слово против их слова. И судья, как это положено в таких случаях, предложит решить дело Божьим судом, то есть поединком. Вот, как раз тут стоит племянник покойного, у которого давно не было случая поразмяться. И указали на молодца с кулаками размером со свиную голову каждый.

Алольцев потом объяснял Густавсону, что ему следовало расписку заверить и оставить копию в городском архиве, который называется «ларь». И первая работа, порученная мне моим нанимателем, был перевод на немецкий больших отрывков из местного свода законов, именуемого «Псковской правдой». Свод этот был недавно пересмотрен и утвержден собраниями всех пяти областей («концов»), из которых состоит Псковское государство. Алольцев уверен, что этот перевод будут покупать у него все приезжие купцы, а друзьям и партнерам он сможет дарить его, чтобы они не нарушили по незнанию местных порядков.

В основном я переводил статьи, касающиеся

соблюдения торговых сделок и обязательств, и правила судебного разбирательства. Должен сознаться, я был поражен вниманием, которое их законодательство уделяет охране собственности человека. Воровство карается весьма сурово, а за кражу в центре города, на территории Кремля, где ведутся основные торги, — смертная казнь. Немудрено, что купцы из всех стран так охотно везут свои товары в Псков, — они знают, что и сами они, и их имущество будут здесь в полной безопасности.

«А откуда же берутся у вас князья?» — спросил я Алольцева. Оказалось, князя приглашает совет бояр и посадников в качестве военачальника, наподобие того, как вольные итальянские города приглашают кондотьеров. Но в делах управления городом князь почти не участвует. Если город недоволен князем, он может его прогнать. Но и сам князь может отказаться от принятых на себя обязательств («снять с себя крестное целование»), если какие-то решения веча покажутся ему неправильными.

Алольцев с горечью рассказал об отъезде князя Александра Васильевича Чарторыйского, которого все псковичи весьма почитали. Это был военачальник смелый и успешный, водивший

псковские войска против Ливонии и Ордена много раз и возвращавшийся с победой. Но псковичи решили, что им не устоять против давления с севера без помощи Москвы. Они стали просить тогдашнего князя Московского, Василия Темного, о подмоге. «Подмогу дам, — сказал Василий, но пусть ваш князь Чарторыйский поцелует крест на верность мне и моим детям и станет моим наместником у вас». На это Чарторыйский сказал: «Моя верность — свята, а кто мне поручится за верность князя Василия? Сколько уже его верных слуг, да и кровных родственников поплатились за то, что верили его клятвам?» И уехал из Пскова в Литву, не слушая просьб и уговоров остаться.

В этом переплетенном треугольнике — Псков, Москва, Новгород — дела церковные (самые для нас важные) играют первостепенную роль. И, думаю, не хватит и ста Эвклидов, чтобы разгадать все теоремы и задачи, вырастающие из его углов. Но вот как мне объяснили положение дел на сегодня. По традиции московский митрополит утверждает архиепископа новгородского (проводим линию вверх от Москвы к Новгороду), а тот уже назначает епископа во Псков (линия вниз, на юго-запад от Новгорода к Пскову). Но недавно псковичи обратились с просьбой к московскому

митрополиту, чтобы он назначал им епископа напрямую, выбирая из псковских священников (проводим горизонтальную линию от Москвы к Пскову).

Ничего из этого не вышло, однако конфликт продолжал разгораться. И спорным вопросом оказалось положение вдовых попов. Как Вам известно, у вероотступников неженатый поп — это священнослужитель второго, если не третьего сорта. И вот в прошлом году Псковское вече вынесло постановление: овдовевших священников в церкви не допускать, а требовать, чтобы они, как это было заведено исстари, поступали в монастырь.

Это постановление как обухом по голове ударило друга семейства Алольцевых, отца Дениса. Мало того, что он только что потерял любимую жену, которая умерла в родах, теперь у него отнимали и смысл и дело всей его жизни — церковное служение. Конечно, в наших глазах женатый священник — то же, что корабль с пробитым дном. Но все же грустно видеть, как Провидение безжалостно разрушает все мечты человека достойного, по мере сил и обстоятельств стремившегося к Добру.

Теперь у него одна надежда: что архиепископ

Новгородский Иона не допустит изменений, принятых Псковским вечем. Дело в том, что канцелярия архиепископа получает с каждого овдовевшего попа изрядную мзду за разрешение остаться при своей церкви. Архиепископ этой зимой явился во Псков, собрал положенные подати и пригрозил отлучением, если псковичи не отменят свое постановление. Сейчас все с напряжением ждут, какой ответ придет по горизонтальной стороне треугольника — что решит московский митрополит, на суд которого передана тяжба. Как только это станет известно, я поспешу сообщить Вашему преподобию во всех подробностях. Ведь любой раздор в стане вероотступников нам на руку и может послужить славе Христовой и усилению папского влияния здесь.

Пока же заканчиваю это затянувшееся послание и остаюсь Вашего преосвященства покорнейшим слугой,

Стефан Златобрад.

Письмо к фрау Урсуле Копенбах, отправленное из Пскова в сентябре 1469 года

Бесценная матушка и благодетельница!

Чем дольше я живу среди русских, тем больше поражаюсь изобретательности, с какой Враг рода человеческого склоняет наши души когда они оставлены без надлежащего руководства — к самым диковинным причудам и греховным увлечениям. За полгода жизни в доме Алольцевых, а потом еще за два месяца в их вотчине — деревне Савкино, что на реке Сороть, — я насмотрелся на нравы местного народа и нахожусь под таким сильным впечатлением, что просто должен поделиться с Вами и услышать Ваш мудрый комментарий. Ведь это Вы первая избавили меня от панического страха перед самовольством нашего тела, объяснив, что не мог Господь сотворить нашу оболочку из глины только для того, чтобы отдать ее на потеху Дьяволу.

Местные же попы, похоже, до сих пор не уразумели этой истины. Насколько я мог судить, все их проповеди и поучения наполнены проклятьями бренному сосуду нашей души. С другой стороны, главная слава местных святых и чудотворных икон проистекает из сотворенных ими исцелений. Спрашивается: что же почетного и славного может быть в исцелении, то есть в починке сосуда, который сам по себе есть источник всякого греха и соблазна? Похоже, никто из местных не

видит тут противоречия, а я стараюсь помалкивать и держать свои сомнения при себе.

У православных церковников существуют длинные списки покаянных наказаний на все случаи, когда человек уступает требованиям плоти. Сколько дней поститься, сколько дней сидеть без воды, сколько отбить поклонов, сколько раз прочесть «Отче наш» — полный прейскурант воздаяний. При этом, во время исповеди священник не ждет, чтобы его духовное чадо само рассказало ему о своих прегрешениях. Нет, он по специальному, утвержденному церковью списку задает ему наводящие вопросы.

Недавно мне довелось слышать, как огорченный Алольцев советовался с другом их семьи, попом Денисом. Жена Алольцева, Людмила, вернувшись с исповеди у нового священника, присланного из Новгорода, спросила мужа, как может девка согрешить с девкой. Она никогда о таком не слыхала. А поп ее все расспрашивал, не взлазила ли она в бане на подругу или подруга на нее. И дальше все такие же вопросы: не дошла ли до греха с родственником мужа? С кумом или крестным сыном? А на пьяного мужа взлазила ли? В задний проход или сзади с мужем совокуплялась ли? Сама своею рукою в свое лоно пестом

или свечой или стеклянным сосудом тыкала ли?

Алольцев хотел знать, правда ли, что священнику положено такие вопросы женкам задавать на исповеди. Ведь этак и самую невинную и честную можно распалить словами до того, что она захочет попробовать. Отец Денис в смущении сознался, что, действительно, такие вопросники существуют и священники должны ими пользоваться. Сам он старается все неприличие пропускать. В Пскове ему это сходит с рук, но в Новгороде его могли бы вызвать на суд архиепископа и строго взыскать «за упущение».

Довольно строгие церковные кары полагаются за всякие увеселения, за пляски, за глазение на скоморохов и фокусников и ярмарочных шутов и даже просто за смех. «Посмеявшемуся до слез — три дня сухого поста, двадцать пять поклонов в день». Но строже всего караются те, кто, заболев, идет не к попу, чтобы заказать за деньги молитву, а к знахарю или к чародею или к волхву.

— Ну, хорошо, — говорит мне Алольцев, — допустим, что молитва святого может излечить больного. А что людям делать, когда болеет скот? Какой священник посмеет тревожить Господа молитвой о выздоровлении лошади, коровы, свиньи?

Этот разговор происходил в деревне Савкино, когда мы с моим хозяином и его сыном были с утра заперты в доме. Потому что на тот день в деревне было назначено «опахивание». Считается, что это последнее средство, которое может остановить падеж скота. На деревенских коров летом напал такой мор, что в Савкине их осталась едва половина. Мужчины не имеют права участвовать в «опахивании», даже на улицу им запрещено выходить. Всем заправляют бабы и девки. Но дом Алольцевых стоит на краю деревни, так что я мог из чердачного окошка тайком наблюдать за происходящим.

Сначала появилась чинная процессия. Впереди шла девица с иконой в руках. (Алольцев сказал, что эта икона изображает Святого Власия.) За ней следовали женщины с вениками, пучками соломы и сена. Я разглядел среди них и Людмилу Алольцеву. Потом появилась старуха верхом на помеле, в одной рубахе, с распущенными волосами. Вокруг нее — бабы и девки с ухватами и кочергами, другие — с горшками и сковородами. Они вскоре начали скакать, вертеться, грохотать посудой.

И тогда появилась обнаженная женщина с хомутом на шее, запряженная в соху. (Алольцев

сказал, что это должна быть непременно вдова.) Ее окружили тетки с зажженными лучинами. Воткнули соху в землю, и вдова потянула заповедную борозду вокруг деревни.

Процессия исчезла из виду. Но через какое-то время мы услышали грохот и крики на улице, стук в ворота дома.

— Ай! Ай! Секи, руби смерть коровью! — вопили женщины. — Ай! Ай! Пропади, черная немочь! Ай! Ай! Секи, руби!

Обезумевшая от страха дворовая собака выскочила за ворота — ее тут же забили ухватами до смерти. С воплями двинулись дальше. Бесчинствовали до самого вечера.

И что бы Вы думали? После «опахивания» мор стал слабеть. Только в двух домах подохли телята. Ну как тут темным людям избавиться от суеверий?

Вы помните, бесценная, как я в тринадцать лет, посреди Великого поста, съел кусок морковного пирога в еврейской лавке, а потом узнал, что там была подмешана курятина. И как я переживал свой грех, и как Вы, добрейшая, купили для меня недорогую индульгенцию во искупление. Какое это было облегчение! Местные вероотступники не верят в благодетельную силу купленных отпу-

щений и поносят нас, католиков, и насмехаются. Но при этом их попы вовсю гребут деньги на заупокойные молитвы об усопших. У богатых людей принято заранее делать большие вклады в монастыри, чтобы там молились за них многие годы после их смерти. Чем это отличается от торговли индульгенциями, моему слабому разуму не понять.

Вообще монастыри здесь часто играют ту роль, которую у нас выполняют банковские дома. Многие из них превратились в богатейшие хозяйства, со всевозможными угодьями, пахотными полями, рыбными и пчелиными промыслами. Если простой человек попытается дать кому-то деньги в рост, ему назначат покаянный пост длиной в двенадцать месяцев. Но сами монастыри дают ссуды под проценты и князьям, и боярам, и крестьянам. Да и как крестьянин может начать хозяйствовать на новом месте без ссуды? А переманивать хороших крестьян к себе — чуть не главное занятие местных землевладельцев, потому что много земель пустует и рабочих рук не хватает.

Обряды крещения, похорон и бракосочетания тоже оседают в церковных сундуках мешками с гривнами и рублями. Обычно брачный союз за-

мышляется и устраивается родителями молодых. Жених не должен видеть лица своей невесты вплоть до завершения церковного обряда. Конечно, такой обычай — отрада для всех дурнушек. Но обычай обычаем, а жизнь часто течет по-своему. Мои хозяева Алольцевы, посмеиваясь, рассказали мне, как они ухитрились нарушить добрую половину брачных правил.

Во-первых, взять жену из другого города — это уже был большой непорядок. Почему вдруг? Какие причины? Неужели в Пскове уже не осталось добрых семей, с которыми хотелось бы породниться? Ермолай Лукич уверял своего отца, что ему как раз выгодно породниться с новгородскими Корниенковыми, потому что именно от них он получает лучшую слюду для окон, на которую во Пскове такой спрос. И он не сознался никому, что во время визитов в корниенковский дом видел там их дочь Людмилу — румяную без румян, веселую без скоморохов, с распущенными по-девичьи волосами. Увидел несколько раз — и не смог забыть.

Он-то не сознался, но родня строила догадки, злобствовала, пыталась помешать сговору. Из уст в уста полетело страшное слово: приворожила! Наверное, хитрая девица помылась молоком с ме-

дом, да перемешала это с собственным потом, да с помывочной водой из бани, да подлила такого зелья в питье доверчивому псковскому молодцу — вот и результат. Рецепты всяких заговоров и приворотных смесей, написанные на берестяной коре (главный писчий материал здесь для повседневных записок), кочуют из рук в руки, вопреки всем проклятьям церковных учителей. Одна из теток Алольцева даже заготовила зелье «отвораживающее» и незаметно влила его Ермолаю Лукичу в кубок, когда праздновали Масленицу. Но он только крякнул на необычный вкус вина и продолжал пировать и веселиться. А Людмилу свою не забыл и от сватовства не отказался.

Кое-как Алольцеву удалось утихомирить родню. Отец его подписал брачный договор. Для свершения обряда Корниенковы приехали в Псков, где семья жениха арендовала для них дом по этому случаю. В этом доме и совершили обряд одевания невесты в присутствии ее родных и жениха. И в церковь Людмила послушно пошла с закрытым лицом. Там все шло благопристойно: священник надел молодым кольца, поднес кубок с вином, из которого они отпили все трое, а потом священник по обычаю бросил кубок на пол. Тут раздались злые смешки, потому что кубок явно

подкатился к ногам невесты, а это означало, что она будет верховодить в доме. Но Людмила, не обращая внимания, опустилась перед женихом на колени — это символизирует обет послушания мужу, а он прикрыл ее полой своего кафтана, обещая тем самым защиту и заботу.

По возвращении из церкви молодых провели в спальню по расстеленному белому холсту. У невесты в это время лицо уже открыто, на плечах была соболья накидка. Как водится, в постель им подали вареную курицу, от которой они немного поели, после чего остались одни. И вот тут-то и поджидала их каверза, которая чуть не испортила счастливый день.

Обычай их таков: отец или мать, или брат невесты, или кто-нибудь из ближайших ее родственников становится у дверей спальни и выжидает, пока не выйдет оттуда молодой объявить им, как он нашел свою жену: девственницей или нет. И объявляет он об этом так: выходит из спальни с полным кубком вина, в донышке кубка просверлено отверстие, и молодой, прикрывая его снизу пальцем, подносит в таком виде кубок родственнику: если полагает он, что молодая сберегла честь, то залепливает сперва то отверстие воском, так чтобы вино не могло пролиться; в противном

случае жених отнимает вдруг от отверстия палец, и вино льется оттуда на стоящего перед ним родственника жены. Тогда позор невесты всем становится виден.

И вот, насладившись брачными ласками и придя в себя, Алольцев собрался выйти к гостям и родне. Все проверил: кубок на месте, дырочка заделана, вино налито. Он оделся, зажал дырочку пальцем, пошел поцеловать молодую жену. Может быть, они слишком затянули этот поцелуй. Так или иначе, вдруг он чувствует, что по пальцу у него что-то течет. Вгляделся — что-то желтое. А потом и красные капли вина. Видимо, кто-то из его злых теток сыграл с ними такую шутку: залепил дырочку не воском, а топленым маслом. От тепла руки оно сразу растаяло, и вино начало выливаться.

Что было делать?!

В спальне горела одна свечка, можно было взять воск от нее. Но куда вылить на время вино? Они бросились искать. Ни кружки, ни бутылки, ни миски. Не было даже лампады перед иконой, потому что все образа были заранее вынесены, дабы не осквернять их зрелищем соития. Молодоженам ничего не оставалось делать, как наполнить вином собственные рты. Трудность

была в том, чтобы не рассмеяться, пока дырочку в кубке заделывали воском.

Алольцев вышел из спальни и торжественно поднял кубок. По злобно-радостной физиономии одной из теток понял, что это была ее проделка. Убрал палец. Ничего не пролилось. Тетка скривилась. Отец Корниенков с облегчением выпил кубок до дна. И они ему так и не сознались, что вино уже побывало в чьих-то ртах.

Мое положение в торговом доме Алольцева весьма укрепилось, после того как мы переехали в Псков. Оказалось, что здесь спрос на переписку книг и перевод писем еще выше, чем в Новгороде. Теперь я не просто домашний учитель, а еще и управляющий книжным отделением конторы. В моем подчинении имеются два переписчика и один художник, который рисует миниатюры для текстов и переплетов. С гордостью могу сказать, что за последние три месяца мы принесли Алольцевым неплохой доход.

Среди книг, прошедших через наши руки, много было интересных и поучительных. Доводилось нам уже переписывать и жития местных святых, и истории военных походов и битв, и повесть о том, как московский князь Дмитрий в прошлом веке разбил татар на берегу Дона, и

другую повесть, как год или два спустя татары оправились и их хан Тохтамыш захватил и сжег Москву, перебив и угнав в рабство русских людей видимо-невидимо.

Но больше всего меня заинтересовала книга о строении земли и человеческого тела, составленная, видимо, из переводов с греческого, из отрывков медицинских трактатов знаменитого Гиппократа и прославленного Галена. В ней описаны четыре стихии, из которых состоит мир — огонь, воздух, земля, вода, — и объяснено, как они соотносятся с четырьмя главными веществами нашего тела: кровью, мокротой или флегмой, красной желчью и черной. Автор полагает, что черты характера человека определяются именно этими четырьмя веществами.

У детей характер пылкий и податливый — это под влиянием крови, и потому они то играют, то смеются, и когда плачут, быстро утешаются. У юношей же характер пылкий и страстный — под влиянием красной желчи, и потому они быстры и вспыльчивы. У зрелых мужей характер сухой и холодный — под влиянием черной желчи; они суровы и тверды, и когда гневаются, утешаются с трудом. У старцев же характер холодный и податливый — под влиянием мокроты; потому они

печальны и дряхлы, медлительны и забывчивы, а когда сердятся, то надолго.

Что Вы обо всем этом думаете? Не кажется ли Вам, что автор любит прыгать от частного к общему еще больше, чем я? Откуда же берутся тогда столь разные по характеру дети, какими были мы с Гретой? И столь разные юноши, что одни идут в воины, другие — в торговые дела, а третьи — в монахи? И столь разные мужи, как Алольцев и отец Денис? И столь разные старики, как епископ Бертольд и мой отец?

Упомянутый мною отец Денис — давнишний друг семейства Алольцевых и Корниенковых, он крестил в Новгороде их детей. (После сына Людмила родила еще дочь, которая умерла во младенчестве.) Недавно он получил церковный приход во Пскове, но, возможно, ему придется вернуться в Новгород, потому что псковичи решили прогонять из церквей всех овдовевших попов. Кажется, это первый русский, который готов беседовать со мной — католиком — о вопросах веры. Я спросил его, не боится ли он. Ведь это строго запрещено церковными постановлениями. А вдруг я донесу? Он усмехнулся и сказал:

— В свое оправдание я заявлю, что пытался обратить тебя в православие.

На самом деле ничем таким он не занимается. Ум у него на редкость открытый, и он хорошо осведомлен об истории споров между восточными и западными христианами. Дал мне прочесть большое послание киевского митрополита Иоанна Второго Папе римскому Клименту Третьему, отправленное аж четыре века тому назад, в котором митрополит разъясняет позицию православных (так вероотступники именуют себя) по шести спорным вопросам.

Я, конечно, пощажу Вас и не стану мучить всеми этими богословскими мудрствованиями. Но помните тот случай, когда Вы, по поручению нашего священника, готовили тесто для церковных облаток, а я, играя на столе, опрокинул солонку? И как Вы испугались, что соль попадет в тесто, и огорчились? Так вот русская женщина испугалась бы обратного — если бы у нее не оказалось соли для теста. И этот вопрос — каким хлебом причащаться, пресным или соленым — разделяет две церкви вот уже пять веков.

Православные указывают на то, что в Евангелии употреблено слово «хлеб», а не «опресноки». Что опресноки — это еврейский пасхальный обычай, от которого Христос отступил. Я указал отцу Денису на то, что это может быть ошибкой

перевода с оригинала. Что в их тексте, совсем рядом, есть уж точная ошибка: сказано, что Христос обмакнул опреснок в «блюдо», когда во всех старинных рукописях говорится в «солило». Он же привел такой аргумент: евреи едят пасху стоя, а Христос с учениками во время Тайной вечери «возлежали». Что, по его мнению, подтверждает желание Спасителя нашего отказаться от еврейских обычаев и обрядов. И тут я не знал, что возразить.

Дорогая фрау Урсула! Только Вам решаюсь я передавать содержание этих бесед. Поделиться своими сомнениями с нашим преподобным епископом я не посмею. Вдруг окажется, что на каком-то из Вселенских соборов этот вопрос уже разбирался и был решен! Я просто боюсь в очередной раз обнаружить бедность своих познаний в церковной истории. А уж коснуться наших споров о безбрачии священников — побоюсь тем более.

Что я могу сказать отцу Денису, когда он мне читает из 1-го послания святого апостола Павла Тимофею (3:2): «Епископ должен быть непорочен, одной жены муж…»? Или оттуда же (3:12): «Диакон должен быть муж одной жены, хорошо управляющий детьми и домом своим». «Если

основатель Церкви Христовой, святой Павел, принимал иерархов женатых, кто мы такие, чтобы отменять это?» — говорит отец Денис.

Конечно, я всем сердцем согласен с правилами нашей Святой Католической Церкви, запрещающей священникам вступать в брак. Но, одно дело — правило, другое — живой человек. Когда видишь перед собой достойного, умного, глубоко верующего священнослужителя, трудно отнестись к нему с презрением и осуждением только за то, что он состоял в браке. Отец Денис очень любил свою жену, она умерла недавно во время родов.

Хотите в заключение — «уличный, с первого взгляда» — портрет отца Дениса? Извольте. Главное впечатление: этот человек смотрит на мир и на тебя из окошка. Смотрит с большим интересом, с участием, с желанием понять, помочь. Чуть ли не прижимается порой щекой к стеклу, чтобы разглядеть получше, заглянуть за край рамы. Но остается при этом всегда внутри дома. Внутри дома своей души. Немного даже стыдится того, что он всегда — в укрытии. Сочувствует тем, кто снаружи — под ветром, дождем, морозом, жарой. Не понимает часто, почему люди не прячутся под его крышу, в его душевный приют. Готов пустить

всех. Но того, что гонит людей наружу — под бурю и стужу и огонь, — понять не может.

На этом позвольте мне закончить, моя бесценная фрау Урсула. Боюсь, я наскучил Вам этими богословскими диспутациями. Пишите мне о своей жизни, о городских новостях и сплетнях, об успехах моей любимицы Греты. Как я хотел бы послушать ее игру на лютне! Когда наш преподобный епископ решит отозвать меня отсюда, мое сердце вздрогнет от радости при мысли о скором свидании с вами обеими.

С. З.

Эстонский дневник

Верую, Господи! Верую. Верую в Тебя Единого. Люблю Тебя всем сердцем.

Дьявол. Враг рода человеческого. Сатана. Не верю. Не могу. Какой еще дьявол? Кто он? Что он может?

Господь всесилен. Он Царь. Над всем сущим. Дьявол — не царь. Тогда кто он? Наместник? Наместник в царстве зла? Послушный наместник? Слуга?

Послушный — кому? Приказу? Чьему приказу? Кто приказал? Господь?

Страшно. Помыслы. Гордыня ума. Смирись пе-

ред тайной. Дьявол смущает. Путает мысли. Сам? Или по приказу? Испытание. Соблазн.

Испытание Иова. Восславит или проклянет Господа? Ведь Иов отрекся. Сказал: «Не хочу знать души моей». Но Господь оправдал его. Вот тайна!

Господи, помоги. Хочу любить. Только Тебя. Зла нет. Зла нет в Тебе. Должен быть дьявол. Царь зла. Не Ты, не Ты!

Помоги! Господи, помоги! Верить. Дай поверить. Поверить в дьявола. Помоги мне. Дай веру. Верить. Верить хочу. Сатана. Враг рода человеческого. Тебе не подвластный. Дьявол искушающий. Погубитель душ. Спаси и помилуй от него. Ты — не он.

Вот он. Он здесь. Берег реки. Река Сороть. Деревня на холме. Кусты бузины. Смотрю. Вижу его сквозь кусты. В новом облике. Девица из деревни. Одна, две, три. Много.

Потом она. Она тоже приходит. Одна, без мужа. Они смеются. Смеются и пляшут. Пляска. Хоровод. Венки. На головах венки.

Я смотрю. Я вижу. Я проклят.

Берег. Трава. Рубашки. Всюду. Рубашки на траве.

Плеск. Плеск воды. Визг, брызги, шлепки.

Я не вижу. Я закрыл глаза. Я заткнул уши.

Потом тишина. Никого нет. Рубашек нет. Дьявола нет.

Спускаюсь. Иду к воде. Вхожу. Вхожу по грудь. Пью. Пью воду. Вода ее омовения.

Приворожить. Приворотный. Пью приворотную воду.

Венок плывет. Ее венок. Ромашки и васильки.

Пью воду. Дьявол во мне.

Спасенья не будет.

Он во мне.

Глава 4. В доме Борецких

Его преосвященству епископу Любекскому, из Новгорода, март 1470

(латынь)

Преподобный отец Бертольд, учитель и благодетель!

С прискорбием узнал я о том, что торговый корабль, отплывший из Ревеля, попал в бурю и в полуразрушенном виде был выброшен на берег. Скорее всего, мое предыдущее послание сейчас изучают изумленные селедки на дне Балтийского моря, или оно блуждает по волнам в бочонке с воском, выпавшем через пробоину в борту. В этом письме я позволил себе описать свои впечатления от жизни в псковской деревне Савкино, принадлежащей моему хозяину Алольцеву. Возможно, я был в нем слишком многоречив и многословен, так что не стоит и тужить об этой пропаже. Повторю лишь вкратце то, что кажется мне существенным: отличия Вольного Пскова от других русских княжеств и городов.

Главное отличие: в Псковской земле среди крестьян нет холопов. Каждый крестьянин

— свободный арендатор, он договаривается с владельцем земли об условиях аренды, оба ставят свои подписи под договором и могут предъявить этот документ на суде, если между ними возникнут споры. Мне довелось присутствовать на суде в Опочке, куда Алольцев подал жалобу на своего арендатора за то, что он начал пахать участок, не включенный в договор. Крестьянин же заявил, что он пашет этот участок уже пять лет, и представил тому свидетелей. Оказывается, статья девятая «Псковской правды» гласит: «Если в течение четырех лет владелец не подал жалобу, участок остается за пахарем». Судья решил дело в пользу арендатора.

Думаю, такая охрана прав земледельца и есть причина того, что в Пскове всегда зерно в изобилии, даже в те годы, когда в остальной Руси недород и голодающие стекаются в эти края просить Христа ради. Крестьянин готов работать не покладая рук, когда уверен, что никто не покусится на плоды трудов его. Трехпольный оборот распространен здесь широко. Из зерновых сеют больше всего рожь, овес, ячмень, просо, гречу, горох, чечевицу, а для нужд ремесла — лен и коноплю. И уплатив аренду и положенные пошлины, крестьянин распоряжается собранным

урожаем как полный хозяин.

Еще я описывал в пропавшем письме, как я с семейством Алольцева вернулся с началом зимы в Новгород. Сейчас же я должен не откладывая доложить Вам, преподобный отец, о весьма важной встрече или знакомстве, которое было послано мне Провидением — видимо, недаром.

Случилось это примерно месяц назад. Как-то днем, когда я кончал заниматься с сыном моих хозяев, их друг, отец Денис, поднялся ко мне наверх, в комнату для занятий. Он сказал мне, что у него есть заказчик, который нуждается в моих услугах, чтобы перевести на греческий большое письмо. Только он хотел бы, чтобы об этом письме и тем более о его содержании никто не узнал. Согласен ли я взяться за работу и согласен ли дать клятвенное заверение в том, что тайна будет соблюдена?

Поколебавшись немного, я согласился. Он сказал, что зайдет за мной с наступлением темноты и отведет в дом заказчика. Зимой солнце уходит рано. Черный снег тихо скрипел под нашими шагами. Замечали ли Вы, что чем гуще темнота, тем острее хочется восславить Господа за то, что отделил Он свет от тьмы? Глаза слезились от мороза и огоньки звезд рассыпались на мелкие лучики.

Вскоре я понял, что мы свернули на Прусскую улицу, где живут самые знатные и богатые бояре Новгорода. Остановились у большого каменного дома, обнесенного стеной. Отец Денис тихо постучал в калитку, проделанную в воротах. Она немедленно открылась. Невидимый провожатый провел нас в боковые сени, открыл дверцу, за которой была винтовая лестница. Отец Денис поставил меня перед ней, провожатый дал в руки лампадку с огоньком и легонько подтолкнул в спину. Я начал подниматься один. Лестница завивалась так долго, что у меня закружилась голова. Наконец, в полумраке передо мной возникла дверь. Я толкнул ее, вошел.

И тут…

Нет, нужна была бы кисть живописца, чтобы изобразить роскошное убранство комнаты, в которой я оказался. Какой-нибудь итальянский Фра Филиппо Липпи или фламандский Роджер ван дер Вейден могли бы воспроизвести эти роскошные персидские ковры на стенах, обитые кожей кресла, сверкающие подсвечники, витражи на окнах. На полу была расстелена огромная шкура белого медведя.

Сначала мне показалось, что комната пуста. Но когда глаза привыкли к яркому свету свечей,

я разглядел женщину, сидевшую за большим дубовым столом. На вид ей было лет пятьдесят. Сухие узкие губы, казалось, вот-вот были готовы изогнуться в усмешке, но взгляд сверлил настойчиво и серьезно.

— Я знаю, кто ты. Знаешь ли ты, кто я? — спросила она.

— Нет, госпожа.

— И не нужно. Там на столе русский текст. И чистый пергамент. И деньги за работу. Приступай сразу. Я приказала, чтобы сюда никто не входил, пока ты не закончишь. Потом ты уйдешь тем же путем, что пришел.

— Слушаюсь.

— Подойди сюда. Вот латинская Библия. Положи на нее руку и поклянись, что никому не расскажешь о содержании письма.

Что мне было делать, преподобный отец? Я исполнил ее повеление. Но разве могу я не сообщить Вам о том, что было в письме такой огромной важности? Молю лишь, чтобы Вы отпустили мне грех клятвопреступления. И купили для меня из причитающихся мне денег индульгенцию соответствующей стоимости.

Мое рабочее место было устроено на маленькой конторке у стены, под эльзасским гобеленом,

изображавшим охоту на оленя. Конечно, в таких условиях я не имел возможности снять для Вас полную копию. Но я постарался запомнить все как можно лучше и той же ночью, вернувшись домой, перелил из кувшина памяти на бумагу все, что мне удалось донести. Как Вы понимаете, уже имя адресата заставило мое сердце вздрогнуть охотничьим азартом. Ибо письмо было адресовано не кому иному, как патриарху Дионисию, номинальному главе восточных вероотступников, все еще восседающему в захваченном турками Константинополе.

«Пресвятой Отец, Досточтимый и Всеблагой Патриарх Дионисий!

Припадаю к Вашим стопам, смиренно прошу Вашего благословения, а также совета и помощи не только лично себе и своему семейству, а всем богобоязненным и честным православным, живущим под сенью Святой Софии в Великом Новгороде, раскинувшемся от озера Ильмень до озер Ладожского, Онежского и далее до Белого моря, а также от реки Волхов до реки Нарвы на запад и до Уральских гор на восток.

Хочу верить, что доходили до Вашего слуха вести о том, какие обиды и притеснения доводилось терпеть в последнее время Великому Новгороду от князей московских. Как пятнадцать лет назад вторгся князь Василий Васильевич в нашу землю с войском, как убивал и жег православных людей от мала до велика, как грабил наши церкви и города, чтобы платить поганым татарам, которых нанял и привел с собой нам на погибель. И нынешний князь Иван Васильевич также чинит нашей земле горе и разорение, нарушает границы наши, преступает Яжелбицкий договор, по которому его отец крест целовал, что города наши Волок Ламский и Вологда остаются за Новгородом. И вольность нашу, исстари отцами нашими и кровью их защищенную, хочет навсегда отнять и в грамотах своих объявляет Великий Новгород своей вотчиной.

А хуже всего то, что митрополит Московский ныне имеет право утверждать или не утверждать наших епископов. И для того наш архиепископ, какового мы

испокон века сами избирали из своих лучших священнослужителей, должен просить у князя охранную грамоту для приезда в Москву и после там получать благословение от ихнего митрополита.

Сердца наши болят от всех этих обид и новых порядков. Не хотим мы получать благословение от Москвы, а хотим получать его, как это было испокон веков, — в Киеве, от тобою поставленного и утвержденного митрополита Киевского. И как нам стало известно, нынешний киевский митрополит Григорий объявил, что порывает с Флорентийской Унией и возвращается в веру отцов своих, в истинное православие, коего ты, святой отец, остаешься единым верховным вождем и главой. И если бы ты согласился благословить митрополита Григория на киевском престоле и дал бы ему право благословлять нашего архиепископа на престол Святой Софии, мы бы с радостью перешли обратно под твою пасторскою волю, а от московского надзора и гнета избавились бы.

Свет истины Христовой пришел к нам

из Константинополя, отцы наши и прадеды просветлялись им, и мы хотим, чтобы и впредь так было, чтобы наши души и души детей наших нашли жизнь вечную под крестом Святой Софии. Ведь не навсегда же поганые турки закрепились в Святом Граде твоем. Если будем крепки в вере сердцем, то и десницу нашу Господь укрепит и поможет изгнать неверных из твоего града, как изгнал их сто лет назад из Киева».

Конечно, настоящее письмо было гораздо длиннее, со многими отступлениями и ссылками на Священное Писание. На работу у меня ушло почти три часа. И все это время боярыня молча сидела за столом, читая различные книги и манускрипты, делая выписки. Казалось, она совсем забыла обо мне. Если кто и следил за мною, то только голова белого медведя, которая грозила мне с пола оскаленной пастью.

Наконец я кончил и с поклоном подал ей исписанные листы пергамента. Она взяла их своей маленькой цепкой рукой и так же молча начала читать. У меня было время рассмотреть шелковую вышивку на ее ферязи, серебряные пуговицы

в форме птичьих лапок, бирюзовое ожерелье. Обшлага и ворот были украшены оторочкой из рысьего меха.

— Ты перевел все правильно, — сказала она, и по губам ее скользнула то ли гримаса недоверия, то ли тень улыбки. — И почерк у тебя отличный. Я достаточно знаю греческий, чтобы читать, но в письме делаю слишком много ошибок. Было бы жестоко мучить Его Преосвященство моей безграмотностью. Думаю, ты понадобишься мне в будущем не раз. Но ты помнишь условие?

— Да, госпожа.

— Я умею награждать за верную службу. Но умею и карать за измену. Если я узнаю, что ты кому-то рассказал об этом письме…

— Этого не случится, госпожа.

— Ты доволен платой?

— О, да! Вы очень щедры.

Она взяла в руки перо, обмакнула его в чернильницу, но вдруг передумала.

— Ты ведь католик?

— Да.

— И знаешь множество языков?

— Не так уж много. Не больше дюжины.

— А когда ты молишься в душе — на каком языке?

— Пожалуй, чаще всего — на латыни.

— Я молюсь по-русски. Но как подумаешь: сколько же языков нужно знать Господу и ангелам его, чтобы выслушивать наши молитвы. Или молитвы, обращенные к святым. Покровителем моего покойного мужа был Святой Исаак. Что ж, выходит, ему нужно было выучить арамейский, чтобы молиться своему святому?

— «Мною преклонится всякое колено, Мною будет клясться всякий язык», сказано у пророка Исайи.

— На вече перед Святой Софией мы все говорим на одном языке — но как часто не можем понять друг друга! И тогда хватаемся за дубины и мечи. Язык меча — единственный язык, который не нуждается в переводе. Но хватит. Теперь ступай. Я пошлю за тобой вскоре опять.

Она уже не глядела на меня, снова потянулась к перу. Я чуть замешкался и успел краем глаза увидеть, как она вывела под моим переводом слова: «Марфа Борецкая».

Хорошо, что в этот момент никто не мог видеть ни моего раскрытого рта, ни испуганных глаз. Борецкие! Нет человека во владениях Великого Новгорода, который не знал бы этого имени. По богатству, по знатности эта семья не имеет себе

равных. Вот куда привело меня неисповедимое Провидение! Муж боярыни Марфы был здесь посадником, и один из сыновей сейчас имеет ту же должность. Вот почему письмо к патриарху Константинопольскому, которое довелось мне переводить, представляется мне таким важным, что я позволил себе, преподобный отец, отнять у Вас столько времени на ознакомление с ним.

Ведь если перемены, задуманные Марфой Борецкой, осуществятся, если новгородский архиепископ будет утверждаться не в православной Москве, а в католической Литве (Киев был отбит литовцами у татар около ста лет назад), это будет означать могучее усиление нашего влияния в государстве, силу которого местные кощунники порой сравнивают с силой Всевышнего, восклицая в слепом самодовольстве: «Кто против Бога и Великого Новгорода?!»

Фрау Урсуле Копенбах, Новгород, август 1470

Бесценная и любимая матушка!

Получил Ваше письмо, отправленное месяц назад. Хожу как оглушенный. Такая новость поистине может лишить сна, довести до безумия. Ведь мой отец всем говорил, что он убежал из Богемии, спасаясь от преследований за веру. И мы все были

уверены, что он бежал от еретиков-гуситов, от этих страшных таборитов. А теперь Вы обрушили на мою голову такой камень! Оказывается, он сам был таборитом! И сражался на их стороне в битве под Липянами. И убежал только тогда, когда табориты были разбиты.

Если он действительно смертельно болен и поехал в Богемию умирать, зачем нужно было ввергать всех близких в такую душевную смуту? Уехал бы тихо и незаметно — никто бы и не вспомнил о нем. Хорошо, что моя мать не дожила до такого позора. Уверен, что она тоже не знала правды о его прошлом, как и все мы. И как он ловко скрывал свою ересь в течение тридцати пяти лет! Копал себе железную руду в горах и не мозолил людям глаза. А теперь, видите ли, захотел принять предсмертное причастие из рук гуситского священника. Которые снова там захватили все церкви под покровительством Иржи Падебрада проклятого Папой еретика на троне.

Поневоле вспомнишь слова Христа: «Враги человека — домашние его». Грех так говорить и так чувствовать, но я очень надеюсь, что мы в этой жизни уже с ним не увидимся. Мало того, что он мучил меня в детстве, — теперь на прощанье ухитрился нанести такой тяжелый удар. Пред-

ставляю, как Вам было противно выслушивать его признания. Решил сыграть на Вашем сострадании — и не ошибся. Напрасно Вы отвечали ему на расспросы о моей жизни среди вероотступников. Простите, бесценная, что из-за меня Вам пришлось пережить этот тягостный и опасный разговор. Как — когда — я смогу искупить, загладить? Дайте мне знать. В Гиппократовой книге, о которой я Вам писал, сказано, что душа имеет три части: словесную, желающую и яростную. Сейчас мне кажется, что первые две части у меня испарились совершенно, осталась только последняя.

Тем временем жизнь продолжается. Наше книжное дело стало процветать и в Новгороде. Среди заказчиков не только купцы, но и монастыри, и священнослужители, и даже бояре. Среди местных пишущих людей сейчас весьма популярен некий Пахомий по прозвищу «Серб», нам доводилось уже переписывать сочиненные им жизнеописания местных святых и церковные славославия им.

С особенным старанием мы переписываем книги для боярского семейства Борецких. Ибо во главе этого знатного семейства стоит женщина властная и начитанная — ошибок она не потерпит. Ей послушна не только семья. Недавно

я оказался на вечевой площади, в то время как она обращалась к собравшемуся народу. Древней сивилле-пророчице, наверное, не внимали так самозабвенно. Но и врагов у нее в городе тоже немало. Чернь, как водится, ненавидит богатых и знатных, и эта ненависть порой выплескивается в настоящие уличные побоища.

В Новгороде ходит такая легенда: до принятия христианства местные жители поклонялись языческим богам, главным среди которых был Перун — бог грома и молнии. И статую этого Перуна новообращенные христиане сбросили в Волхов. И будто, проплывая под мостом, соединяющим правый и левый берега, статуя вдруг высунула руку из воды и забросила на мост палку, сказав при этом: «Вот вам, новгородцы, от меня дубинка на память, чтобы колотили друг друга». И с тех пор мост этот много раз был местом драк и побоищ между двумя враждующими партиями: правым берегом, где живут беднота и торговцы, и левым — где Кремль, храм Святой Софии и улицы, заселенные знатью.

А неделю назад мне выпала большая честь: я был приглашен в дом Борецких на пир. Конечно, не в качестве гостя, а лишь в качестве переводчика для венецианского посланника, проезжавшего

через Новгород в Москву. Он сидел по левую руку от Марфы Борецкой, а я стоял сзади и переводил их беседу. С правой же стороны от боярыни сидел знаменитый монах Зосима, прибывший в Новгород с Соловецкого острова, что посреди далекого Белого моря.

Несколько слов про этого монаха.

Хотя он едва притронулся к приносимым яствам и промолчал почти весь обед, у всех осталось впечатление, что старец Зосима принимал живое участие в беседе. Видимо, это оттого, что он умеет молчать красноречиво. Да-да, ему удается молчать удивленно, одобрительно, огорченно, радостно, недоверчиво, презрительно — все оттенки молчания ему доступны.

Мне рассказывали, что в Новгород он явился просить помощи у архиепископа и бояр для своего недавно созданного монастыря. Когда он вместе с молодым иноком основал его лет десять назад, им казалось, что выбрали они место на Соловецком острове совершенно пустынное, никому не принадлежащее. Постепенно к ним стали присоединяться другие монахи и послушники, начали строить жилье, а потом и церковь, и часовню, а потом и огороды копать, и рыбу ловить. Даже завели солеварню, так что к ним стали

заворачивать купцы на своих судах, привозить им в обмен на соль всякие нужные товары.

Само собой, на успешное дело нашлись соперники и завистники. Из прибрежных селений на материке стали приплывать к ним боярские слуги, требовали, чтобы убирались они подобру-поздорову, потому что, мол, островная земля давно записана за их господами. Рыбаки из племени карелов тоже чинили всякие пакости, крали сети, рубили лодки.

Марфа Борецкая обещала старцу послать своим слугам в беломорские деревни приказ, чтобы они оставили новый монастырь в покое. Довольный старец благословил дом, семью Борецких, гостей на пиру. Однако какая-то неясность, недоговоренность между ними оставалась. Во всяком случае, мне чудился во взглядах боярыни Марфы какой-то невысказанный вопрос, а в молчании старца потаенное и упрямое нежелание ответить.

Боярыня попросила меня остаться после пира, перевести названия книг, привезенных ей в подарок венецианским послом. Это оказались книги античных авторов: «Об обязанностях» Цицерона и три тома из собрания сочинений Платона, недавно переведенных на латынь итальянским схоластом Марцилио Фисино. Боярыня Марфа

читала в свое время отрывки из трудов этого язычника в греческом оригинале. Ее особенно заинтересовала его работа «Государство», и она сказала, что в будущем закажет нашей конторе перевод этой книги. Потом вдруг стала выспрашивать у меня мои впечатления об участниках сегодняшнего пира.

Я отвечал довольно осторожно. Разойтись с сильными мира в оценках людей — дело небезопасное. Но в какой-то момент не удержался и сам спросил ее, кто были те два боярина, которые просидели весь вечер с каменными лицами.

— Московские посланцы, — отвечала боярыня. — Даже если бы я ничего не знала о коварных планах московского князя против нас, достаточно взглянуть на рожи его подручных, чтобы взмолиться в душе: «Господь Всемогущий, не допусти нас и детей наших оказаться под властью таких людей!» Невозможно представить себе тень улыбки на их устах, проблеск мысли в глазах.

— Мне показалось, что и ваши сыновья, Дмитрий Исаакович и Федор Исаакович, ни разу не перемолвились с гостями.

— Князь Иван заигрывает с Борецкими. Дмитрию пожаловал титул боярина московского. Он не понимает, что тот, кто с детства привык к воле,

не может добровольно склонить шею под ярмо — даже под самое раззолоченное.

— Зато старец Зосима, в отличие от москвичей, показался мне человеком очень живого ума.

— Я перед ним виновата. Поначалу я думала, что это просто очередной попрошайка, явился клянчить подачки для своей обители, и отказалась его принять. Что тут началось! Промосковская партия сравнивала меня с Иезавелью — гонительницей пророков Божьих, с Иродиадой, погубившей Иоанна Крестителя, с императрицей Евдокией, сославшей Иоанна Златоуста. Хорошо еще, что мой покойный супруг облысел довольно рано, — а то сравнили бы с Далилой, остригшей Самсона. Нет, я не испугалась всей этой брани — но мне рассказали верные люди, как старец Зосима с помощниками создавали Соловецкий монастырь на голом месте, своими руками, своим трудом, сколько терпели они от злой непогоды и от злых людей. И тогда я послала за ним, умолила простить меня, почтить визитом и благословением мой дом.

— Все же мне показалось, что вы хотели задать ему какой-то вопрос и не решились.

— Вопрос все тот же, один и тот же. Самый главный для нас на сегодня. Который мы должны

задавать каждому новгородскому священнослужителю: примет он благословение от патриарха Константинопольского, посланное через киевского митрополита, или будет по-прежнему держаться Москвы? Ибо то, на что мы надеялись, произошло. Со дня на день это станет известно всему Новгороду, так что я могу не таиться: киевский митрополит Григорий подтвердил, что он порвал с Унией, и патриарх Дионисий принял его обратно в лоно православной церкви. Теперь не осталось препятствий к тому, чтобы наш архиепископ ездил за благословением в Киев, а не в Москву.

Возвращаясь из дома Борецких, я, конечно, был преисполнен греховным чувством гордости и тщеславными мечтами. Еще бы! Знаменитая и могущественная посадница явно выделяла меня, удостаивала доверительной беседы. Хотя, по совести, я должен был бы горевать: ведь выход киевского митрополита из Унии означает огромную потерю для католического мира и всего нашего дела!

И еще одно тревожило меня: текст книги Цицерона, привезенной венецианским посланником, был не рукописный, а печатный! И он сказал в беседе с Борецкой, что печатные мастерские

открываются по всей Германии и уже проникли в Венецию и Париж. Кто бы мог подумать, что изобретение этого Гетенбурга или Готентота так быстро начнет расползаться из Майнца. Ведь поначалу считалось, что это просто удобное приспособление для изготовления индульгенций. Если дело пойдет так быстро, завтра мы, чего доброго, увидим печатню в Новгороде! Представляете, какой это будет удар для нас переписчиков?

Единственный выход: попробовать нам самим обогнать конкурентов. Не могли бы Вы, дорогая фрау Урсула, выяснить в Любеке, где можно раздобыть чертежи печатного станка, рецепты красок, литеры различных шрифтов. Нечего и говорить, что я буду счастлив возместить Вам расходы по их приобретению.

Вкладываю маленький сувенир для моей любимицы Греты: колечко с персидской бирюзой, которое я купил у астраханского купца. Выбрал самое маленькое, надеюсь, оно не соскользнет с ее пальчика. А подарок для ее матушки в письмо бы не влез. Его вскоре привезет Вам добрый мейстер Густавсон.

Засим прощаюсь и молюсь о Вашем здравии и процветании.

Ваш Стефан, или, как дразнят меня местные, Степа Многоязыкий.

Ночной дневник

С закрытием Немецкого двора повар-эстонец остался без работы и собрался уезжать к себе в Ревель. Но я уговорил Алольцева нанять его, и теперь наши занятия продолжаются довольно успешно. Попробую пустить новые познания в дело. Есть вещи в душе, которые могу доверить бумаге только на эстонском.

Верую, Господи!

Господи, помоги моему неверию. Дай уверовать в таинство исповеди.

Исповедь. Вся правда. Но зачем? Ведь Ты видишь все и так. Каждый мой шаг, каждое слово, каждый умысел.

Не скрою ничего от Тебя. Да и кто может скрыть? Грешный стою пред Твоим взором, грешный уповаю на милость Твою. Покрыт грехом, как Иов струпьями.

И священнику готов признаться во всем. В злых

словах и гнусных деяниях, в корысти и зависти, в греховных помыслах и тайных вожделениях. Но не могу предать другого, другую.

Что делать, когда грешил не один? Что делать, когда твое исповедальное слово может обернуться для кого-то погибелью?

Тайна исповеди — пусть так. Но священник — не Ты. Он человек. Он знает и помнит. Судит и осуждает. Порой мстит и казнит. Лишен милосердия Твоего.

Да, это было. Ты знаешь все. Она приходила ко мне ночью. Там, в Любеке. Ласкала и учила. Утирала слезы счастья, приглушала стоны ужаса. Клала мою ладонь на себя, гладила, объясняла. «Ты хочешь стать священником, — говорила она. — Ты должен, по крайней мере, знать, чего ты лишаешь себя. Вот этого. И вот этого. И вот такого… Если не знать, твоя жертва будет слишком легкой».

Как я мог предать ее? Как мог открыться священнику? Чтоб ее объявили соблазнительницей и выжгли клеймо на щеках? Или ведьмой — и потащили на костер? А у меня пыткой вырывали бы показания против нее?

Ты знаешь ее грех, Ты будешь судить ее, как и всех нас. О милости молю для нее, о прощении!..

Но выдать ее не смогу никогда.

А нынче?!. Та была хотя бы вдовой, а эта — замужняя! Мы только коснулись пальцами. Я показывал ей тетради ее сына. Мы были одни. Ее пальцы легли на мои. Она говорила. Она улыбалась. Огонь жег мои пальцы. Адский огонь пылает во мне. Кто зажег его? Кто, кроме Тебя? Дьявол? Значит, дьявол сильнее Тебя? Или это Ты сам? Испытание, соблазн?

Ее голос. Ее лицо. Ее взгляд. Она видит. Видит все. Все в моих глазах. «Кто глядит на женщину с вожделением, тот уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». Прелюбодей сердца.

Удали ее. Молю Тебя. Не выдержу испытания. Соблазн сильнее. Боль. В горле и в сердце. Кинжал. Удали…

Его преосвященству епископу Любекскому, из Новгорода, декабрь 1470

Преподобный и святой отец!

Только что приказчик Алольцева сообщил мне, что караван с воском для Густавсона уходит в Псков завтра рано утром. У меня нет времени превратить разрозненные заметки в связный рассказ. Посылаю Вам свои записи в том виде, в котором делал их в течение последнего меся-

ца. После смерти архиепископа Ионы в начале ноября события в Новгороде помчались, как всадники, как гонцы, посланные разгневанным властелином во все стороны. Умоляю простить мне все ошибки и погрешности стиля. Верю, что для Вас важнее узнать суть происходящего — и как можно скорее.

8 ноября 1470

В городе плач, шум, стенания. Звон колоколов. Скончался архиепископ Иона. Не то чтобы его так уж любили. Но людям свойственно страшиться любых перемен. Иона занимал архиепископский престол в течение двенадцати лет. Говорят, сам был несметно богат, жертвовал много на строительство монастырей и церквей даже из своей личной казны. Очень заботился о прославлении новгородских святынь и святых, платил обильно Пахомию Сербу соболями и золотом за сочинение канонов и жизнеописаний. Но главное — умел ладить с Москвой. И князю Ивану, и отцу его, Василию Темному, всячески выражал покорность и преданность, исправно отправлял дань, собираемую для уплаты Орде. Литовская партия в Новгороде и подумать не могла о том, чтобы привлечь его на свою сторону.

Теперь, с новым архиепископом, все может пойти по-другому.

11 ноября 1470

Снова колокола, снова толпы. Но повод уже другой и настрой праздничный: огромное литовское посольство въезжает в город. Блеск доспехов, звуки труб, флажки на копьях, серебряные шпоры. Лошадиная сбруя из расшитой парчи. Бояре в высоких меховых шапках, посадники, попы с крестами на груди выстроились для торжественной встречи. Марфа Борецкая среди них, с обоими сыновьями. Благодарственный молебен в Святой Софии.

Во главе посольства — литовский князь Михаил Александрович Олелькович. Именно его король Казимир предлагает новгородцам в князья. Он и православный, и в боях уже отличился, обороняя Киев от татар вместе со своим братом Семеном. По знатности не уступит и князьям московским. Ведь его мать — родная сестра Василия Темного, так что он князю Ивану — двоюродный брат. Литовская партия празднует, московская — затаилась.

14 ноября 1470

Отец Денис пригласил меня встретиться с литовским книжником, приехавшим вместе с посольством. Среди привезенных им книг — латинская Библия, медицинские трактаты и — к моему изумлению — «Логика» Аристотеля в переводе на русский язык. Мы провели вечер, обсуждая различные отрывки из Ветхого Завета и расхождения в их переводах на греческий и на латынь. Наш гость показался мне человеком весьма сведущим и искушенным в вопросах веры. Но вдруг в какой-то момент он сказал:

— Нет, а в нашем тексте эта фраза отсутствует.

— Что вы имеете в виду, говоря «в нашем»? — спросил я.

— В еврейском, — спокойно ответил он. — На иврите.

Оказалось, что он вовсе не литовец и даже не христианин, а еврей. Зовут его Захария. Первый иудей, с которым мне довелось беседовать о вопросах веры. На губах — снисходительная улыбка: мы все это знали за тысячу лет до вас. Не знаю, согласился бы я прийти, если бы отец Денис предупредил меня заранее. Но он не предупредил. Намеренно? Или сам не знал?

18 ноября 1470

Солнечный холодный день. Смолкает гул колоколов. После торжественного молебна из Святой Софии выходит процессия священников, дьяконов, монахов.

На площади — море голов. Поднятые, ждущие лица.

На помосте — трое в рясах: Варсонофий — бывший духовник покойного архиепископа Ионы; Пимен — его казначей («ключник»); Феофил — домоправитель («ризничий»).

Под напряженным тысячеглазым оком пятилетнему сыну посадника Борецкого подносят перевернутую бобровую шапку. В ней — три свернутые бересты с именами. Мальчик запускает в шапку свою безгрешную ручонку и извлекает коричневую трубочку. Отдает ее отцу. Тот разворачивает ее, читает. Молчание. Лицо посадника непроницаемо. Он поднимает развернутую бересту над головой и оглашает имя:

— Феофил!

Приветственные крики, звон колоколов, пение.

Избранник кланяется народу, кланяется духовенству, кланяется собору.

Марфа Борецкая глядит прямо перед собой — губы сжаты, брови нахмурены, птичья рука сжимает ворот шубы у горла.

25 ноября 1470

Пир для литовцев в доме Борецких.

Я приглашен переводить. Литовцы все говорят по-русски, но среди них посланник патриарха Дионисия из Константинополя, епископ Пафнутий. Он знает только греческий и латынь. Я при нем, за литовским столом. Перевожу его слова для остальных на русский, делая вид, что литовского не знаю. Кубок с медом епископ подносит к губам, как святое причастие. Русские напитки ему весьма по душе. Особенно мед малиновый и вишневый. Просит меня достать для него рецепт.

После пира я снова в кабинете Марфы Борецкой. Востроглазая посадница заметила, что за столом я стеснялся есть, велит принести мне ужин. Управившись с гусиной ногой и гречневой кашей, я пересказываю ей, о чем гости толковали между собой по-литовски.

О том, что их король, Казимир Четвертый, поступил дальновидно, не придя этим летом на помощь татарам против Москвы. Что Москва, прогнав татар от Оки, чувствует себя уверенно. И

это от страха перед усилением Москвы Новгород стал искать союза с Литвой. Но и с новгородцами, скорее всего, король будет действовать в своей обычной манере: все обещать и ничего не делать, выжидая, чтобы соседи ослабили сами себя раздорами и войнами.

Еще они говорили о том, что Новгород, конечно, богат, но разучился ценить воинскую доблесть. Что если уж смелому человеку искать военной службы, то лучше ехать к князю Московскому. Похоже, он умеет ценить храбрецов и награждает их щедро. А новгородцы-де уже привыкли от врагов не отбиваться, а откупаться. Потому что больше всего боятся, чтобы какой-нибудь сильный военачальник не укрепился у них со своей дружиной навсегда и не покончил с их вольницей.

А после пятого-шестого кубка начали хвастать, что сейчас их королевство простирается от Балтийского моря до Черного, а в будущем сыновья Казимира, рожденные ему женой из рода Габсбургов, будут иметь права на троны Венгрии и Богемии. И если удастся и Новгород сделать литовской провинцией, то добавится еще и вся земля от Ладоги до Урала, от Ильменя до Белого моря. И станет их государство размером с Древ-

нюю Римскую империю.

Тут Марфа Борецкая перестала расхаживать взад-вперед по шкуре белого медведя и спросила, участвовал ли князь Олелькович в этом хвастовстве.

— Он же и начал, — отвечал я. — И первый поднял тост за Великое княжество литовское, омываемое тремя морями.

Она только кивнула и ничего не сказала.

30 ноября 1470

Алольцева вызывали в дом Борецких. Вернулся встревоженный. Его расспрашивали о настроениях во Пскове. Если разгорится война у Новгорода с Москвой — на чьей стороне будут псковичи?

Алольцев сознался, что Псков страшится союза Новгорода с Литвой. Если это произойдет, он окажется зажат между новоявленными союзниками, как между двумя челюстями. А с северо-запада — вечно враждебная Ливония и Тевтонский орден. У Пскова нет иного выхода, как взять сторону Москвы.

Тогда Марфа Борецкая стала расспрашивать о делах церковных. Ведь в прошлом году псковичи пытались избавиться от опеки новгородского архиепископа, но покойный Иона не допустил

этого. Новый архиепископ Феофил тоже будет во всем придерживаться старины. Но вот если бы на пост владыки удалось провести другого кандидата — ключника Пимена, — все могло бы пойти по-другому. Он всей душой на стороне литовской партии и согласен получить благословение от киевского митрополита Григория, а не от московского Филиппа. И по отношению к Пскову он будет гораздо уступчивей. Разве это не подтолкнет псковичей поддержать литовскую партию? А то, что эта партия никогда не отдаст Литве новгородскую вольность, в том Псков может быть уверен. Мы, сказали Борецкие, хотим союза с Казимиром только потому, что он дальше от нас, чем Москва, и воцариться над нами никак не сможет. Новгород и Псков как были испокон века в дружбе, так и останутся.

Алольцев обещал поговорить обо всем этом со своими земляками, разузнать их мысли. Но мне сознался, что Пскову все больше и больше нужен мощный союзник для борьбы с Тевтонским орденом. На Новгород в этом плане надеяться нельзя, потому что у них нет постоянного войска, которое можно быстро послать на помощь. А у Москвы есть. И она уже несколько раз посылала войска в помощь псковичам. Сам Алольцев готовится к

отъезду из растревоженного города, зовет меня с собой. А я не могу ему сознаться, что чем сильнее волнения в городе, тем громче голос долга велит мне оставаться здесь, чтобы доносить Вам о всех важных переменах. Ссылаюсь на дела в переписочной мастерской.

5 декабря 1470

Московская партия, вдруг осмелев, повалила на улицы. Загудел вечевой колокол. Ключника Пимена схватили, притащили на площадь, обвинили в том, что он грабил казну архиепископа, порученную ему, а деньги передавал Борецким. Тут же избили кнутом и бросили в тюрьму, требуя уплаты штрафа в тысячу рублей. Потом кинулись к домам богатых бояр, колотили в запертые ворота, кидали за ограду зажженные факелы. Где-то начались пожары, слышалась стрельба из пищалей.

Господи, сохрани и помилуй! Смилуйся, сохрани и сбереги!

18 декабря 1470

Две недели город гудел и бесчинствовал. Но вчера из Москвы вернулся посол Никита Ларио-

нов. И зачитал перед всем вечем послание князя Ивана Московского:

> «Отчина моя, Великий Новгород!
>
> Прислали вы ко мне бить челом о том, что взял Господь отца вашего, а нашего богомольца архиепископа Иону. И избрали вы себе по своему обычаю священноинока Феофила, и я, Князь Великий, вас на том жалую и велю тому Феофилу прибыть к себе в Москву безотлагательно, чтобы наш митрополит Филипп благословил его архиепископом Новгородским и Псковским, без всяких зацепок, но по прежнему обычаю, как было при отце моем Великом Князе Василии и при деде и при прадеде моем и при прежде бывших всех князьях, правивших Владимиром и Новгородом Великим и всеми русскими княжествами».

Наступила тишина. Вдруг на помост выбежал Дмитрий Борецкий, сорвал с себя шапку и закричал:

— Люди добрые! Братья новгородцы! Слыхали?! Слышали, как князь Московский вас величает? «Вотчина моя»! Вы-то думали, что вы мужи воль-

ные, одному Богу подвластные. А оказывается, князь Московский вас давно в своих холопах числит! Да и предки его испокон веков так вас почитали! Велит нашему архиепископу срочно мчаться в Москву на поклон. Вот тут два боярина московских стоят. Давайте-ка и мы все шапки перед ними снимем. Да поклонимся, да на колени встанем!

Посадник действительно рухнул на колени и стукнул лбом в доски помоста.

Площадь взорвалась криками:

— Не хотим! Долой Москву! Мы люди вольные! За Казимира! За Литву!

Но противная партия не поддалась испугу и стала вопить свое:

— Долой латинщиков! За князя Ивана! За православную Москву!

Замелькали палки, полетели камни. Вскоре схватки с площади выплеснулись на улицы.

И сейчас, когда я пишу эти строки, с улицы доносится гул, звон колоколов, удары дубин по воротам. Алольцевы поспешно укладывают последние сундуки. Мне еще нужно растопить середину воскового круга раскаленным пестом и спрятать внутрь это послание.

Прощайте, преподобный отец, и благословите Вашего верного ученика, остающегося в охваченном мятежом городе.

С. З.

Эстонский дневник

Как быстро Ты исполнил молитву мою! Удалил ее, удалил…

Как я хочу отыскать в душе струну благодарности к Тебе за это благодеяние!

Но не могу найти ничего, кроме горечи и разочарования.

Зачем, зачем Ты это сделал?

Как пуст, как бессмыслен, как темен каждый день без нее…

Глава 5. Война

Его преосвященству епископу Любекскому,
Новгород, май 1471

Преподобный отец, учитель и благодетель!

С печалью и стыдом все больше убеждаюсь в своей неспособности выполнить Ваш наказ — быть холодным наблюдателем и летописцем. Плыть в гуще событий это все равно что спускаться в лодке по порожистой реке. Не успеваешь разглядеть берега, не успеваешь запоминать изгибы и извилины русла, следишь только за тем, чтобы не перевернуться, не вылететь из лодки, не разбить голову о камень. Тем не менее, вот Вам мой отчет о том, что успел ухватить мой взгляд, слух, память за последние пять месяцев в бурлящем, охваченном смятением городе.

Посреди зимы явились вдруг послы из Пскова новгородцам, что московский великий князь Иван призывает Псков идти с ним вместе войной на Новгород за его непокорство и измену. Послы хотели все обсудить с посадниками и боярами келейно, без огласки, уговорить их подчиниться великому князю, предлагали себя в посредники

для переговоров, просили свободного проезда для псковских послов через Новгородские земли в Москву.

— Нет! — заявила Марфа Борецкая. — Не будем ничего таить. Пусть народ новгородский знает, как Москва ищет нашей крови.

Борецкие стали бить в колокол, собрали вече, заставили псковичей объявить о своей миссии всенародно.

Что тут началось!

— Кровопивец! Клятвопреступник! Ласковыми словами нас прельщает, а втихомолку готовится напасть! И других подбивает! Не дадимся Москве! Кто против Бога и Великого Новгорода!

Московская партия притихла. Только архиепископ Феофил пытался утихомирить ярость толпы, призывал остудить горячие головы. Но его голос едва был слышен. В конце концов, решено было отправить посольство к королю Казимиру, предложить ему принять Новгород под свое покровительство.

Меня несколько раз вызывали в дом Борецких переводить разные послания и беседы с приезжавшими иностранцами. В один из визитов мне довелось быть свидетелем спора между князем Олельковичем и посадником Дмитрием Борец-

ким. Олелькович пытался сдерживать свой гнев, но ему это плохо удавалось.

— Кем же я буду командовать? — говорил он. — Где мое войско? Вы хотите в последний момент посадить на коней гончаров, плотников, сапожников и послать их против московской рати? Думаете взять числом? Неужели память у вас так коротка? И пятнадцати лет не прошло с того дня, как Москва вас побила под Старой Руссой. Сколько их там было? Триста конных против ваших пяти тысяч! И бежал ваш Гребенка-Шуйский аж до самого Новгорода.

— Что же вы предлагаете? — спрашивал — тоже сдерживаясь изо всех сил посадник Борецкий.

— Набор! — твердо отвечал Олелькович. — Немедленно. Охочих людей нанимать и плату им положить такую, чтобы бежали записываться наперегонки. А не хватит охочих людей, положить, чтобы каждый конец выставил с пяти сох конного воина. По разрубу, как в Пскове делают. И тренировать их к бою каждый день. Пищальному огню обучать, сабельной рубке. Они ведь у вас еще и седла со стременами не видали, носками за землю по старинке цепляют.

— Да это же получится регулярная армия! Где ж таких денег напастись?

— Вот подступит князь Иван со своей ратью служилой, да разгонит ваших гончаров и плотников, да потребует выкуп тысяч в двадцать — тогда, глядишь, откуда-то найдутся денежки. А сейчас и пяти тысяч не хотите собрать, чтобы отвести беду. Моим слугам из вашего казначейства каждый рубль обещанного жалованья приходится то ли на коленях вымаливать, то ли хоть саблей вырубать.

— У нас уже есть один конный полк — архиепископский.

— Да, этот полк неплох. Но командир их во всем послушен архиепископу Феофилу. А верите вы, что архиепископ не изменит в последний момент? Его Москва утверждает в сане, он с утра до вечера зовет с ней мириться. Поклонитесь, говорит, великому князю Ивану и митрополиту Филиппу, а я за вас буду им челом бить. Для него союз с Литвой смерти подобен. Не станет он кланяться киевскому владыке Григорию.

— Если король заключит с нами союз, князь Иван не посмеет напасть. Да и архиепископу придется подчиниться.

— Нет у меня большой надежды на короля. После смерти моего брата он сейчас пытается оставить Киев без князя, посадить туда своего на-

местника. А киевская знать не поддается, грозит отделиться, зовет меня на княжение. Пока киевские дела не решатся, руки у короля повязаны.

Этот разговор кончился миром. Но, видимо, в другой раз у князя дошло до прямой ссоры с Борецкими. Потому что в середине марта он внезапно уехал к себе в Литву. И, по слухам, на выезде ограбил от злости несколько новгородских деревень, как бы в счет недоплаченного жалованья. Да и людей, говорят, побил.

В апреле вернулись наконец послы от короля Казимира. На вече торжественно зачитали договор, подписанный королем. Литовская партия ликовала — король согласился почти на все условия новгородцев: чтобы присылаемый литовский наместник был непременно православный; чтобы вместе с ним в резиденции на Городище (правый берег Волхова) было не более пятидесяти человек свиты и приближенных; чтобы литовцы в Новгороде были подсудны новгородскому закону; чтобы никакой литовский пан не мог в Новгородской земле покупать себе села или вывозить к себе крестьян; чтобы купцы литовские торговали здесь с немецкими только через новгородских посредников; чтобы римских церквей нигде в Новгородской земле не строили;

где нашему архиепископу принимать посвящение — в Москве или Киеве, — то нам самим решать; а если государь московский пойдет войной на Новгород, то король и вся рада литовская должны дать новгородцам скорую помощь.

Со своей стороны новгородцы обещали платить Литве положенные подати без обмана и утайки. А если король сумеет помирить их с князем Московским, то они в этом году уплатят вдвойне.

После зачтения договора многие в городе повеселели и приободрились.

— Ну, теперь князь Иван не посмеет на нас напасть! — говорили они. Это надо совсем разум потерять, чтобы поднять меч сразу и на Литву, и на Новгород.

Как мы знаем, сердце человека легко распахивает дверку гостям по имени Беспечность и Близорукость — только постучи! Стало труднее собирать деньги на вооружение, замедлилось укрепление наружной стены. Но были и недоверчивые. Их мнение яснее всего высказал мой знакомый — отец Денис:

— Слишком уж добрым выглядит король в этом договоре. Так легко уступают по всем пунктам только тогда, когда не собираются выполнять самое главное условие: скакать на помощь с

мечом в руке.

Среди темного люда все шире расползаются слухи о всяких грозных предзнаменованиях. Говорят, что на двух гробницах в соборе Святой Софии выступила кровь. Что в отдаленном монастыре сами собой зазвонили колокола. А в другом монастыре по лику иконы Богоматери потекли слезы. Когда буря сломала крест на соборе, это тоже было истолковано как знак гнева Господня.

Должен сознаться, преподобный отец, что и моя душа охвачена страхом и смятением. Как я хотел бы излить Вам на исповеди то, что переполняет ее, услышать Ваши мудрые утешительные увещевания. Умом я понимаю, что победа Борецких и литовской партии — это была бы и наша победа. Но сердце говорит, что она может обернуться катастрофой. Что души новгородцев еще слишком привязаны к старой вере, к старым заблуждениям. Если польется кровь, они могут только укрепиться к своей ненависти ко всему, что исходит из Рима.

От митрополита московского Филиппа пришло к новгородцам послание. Вот его приблизительный перевод:

«Слышу о мятеже и расколе вашем. Бед-

ственно и одному человку уклониться от пути правого; еще ужаснее целому народу. Трепещите! Да не сойдет страшный серп Божий на головы сынов ослушных. Вспомни сказанное в Писании: беги от греха, как от ратника; беги от соблазна, как от змеи. Этот соблазн есть латинщина, она уловляет вас. Разве пример Константинополя не доказал ее гибельного действия? Греки царствовали, греки славились в благочестии. Но попытались соединиться с Римом и теперь служат туркам. До сих пор вы были целы под крепкою рукой Иоанна. Не уклоняйтесь от святой великой старины и не забывайте слов апостола: Бога бойтесь, а князя чтите. Смиритесь, и Бог мира да будет с вами!»

Но никакие уговоры уже не могли подействовать. Весь город словно бы превратился в единое существо, опьяненное страстью, злобой, собственной силой, жаждой испытать ее, упиться бешенством смертельной схватки. Даже архиепископ Феофил не смеет уже возвысить свой голос в защиту мира и благоразумия. Вооруженные

отряды патрулируют улицы, часовые сменяются у пушек на стенах и башнях.

И вот вчера судьба ударила в свой колокол: из Москвы доставили «разметную грамоту» князя Ивана. Так здесь называют объявление войны.

Господь Всемогущий, сохрани и помилуй заблудшее стадо Твое!

Преданный Вам, Стефан З.

Фрау Урсуле Копенбах, в Любек, из Новгорода, сентябрь 1471

Дорогая мать и благодетельница!

С горечью и тоской сообщаю Вам, что того Стефана, которого Вы знали, пестовали и растили, больше нет на свете. После того, что мне довелось пережить и увидеть в Новгороде этим летом, душа моя выгорела дотла и превратилась в чадящую головешку. В ней не осталось ни любви, ни сострадания, ни надежды.

Сколько я прочел книг об ужасах войны, сколько слышал рассказов бывалых воинов! Но все это оставалось словами, излившимися на бумагу, словами, отзвеневшими в воздухе. Миллиона слов не хватит, чтобы передать вопли одного

раненного стрелой в живот или вой матери, прижимающей к груди обгорелый труп ребенка.

Если это послание доберется до Вас, в пакете Вы найдете хронику, которую я вел с июня месяца. Прошу Вас, передайте ее нашему дорогому епископу. Моя связь с ним прервалась, купцам сейчас запрещен въезд и выезд из Новгорода. Псковский гонец согласился отвезти пакет Алольцеву, а тот уже переправит его Вам.

Не знаю, хочу ли я, чтобы Вы прочли хронику. Боюсь, она изранит Ваше сострадательное сердце. С другой стороны, я, по слабости своей, так привык делиться с Вами даже самым сокровенным, что рука не поднимается написать: не читайте. Решите сами — хорошо? Во всяком случае, Вы теперь знаете, что, по милости Господней, тело мое уцелело. Единственный заметный след войны: моя исхудавшая оболочка болтается на костях, как ряса, вывешенная для просушки.

Храни Вас Бог, моя бесценная.

С. З.

Хроника военного лета 1471 года

1 июня

Из Пскова пришла весть, что московский дьяк Яков Шачебальцев привез туда от князя Ивана приказ выступать вместе с Москвой против Новгорода. Псковичи ответили согласием. Их поведет княжий наместник Федор Шуйский вместе с сыном своим Василием Федоровичем.

4 июня

Цены на хлеб выросли втрое, а мясо и птица так вздорожали, что не подступиться. «Не было еще такого, чтобы летом против нас воевали, — толкуют легковерные новгородцы. — Наши болота и топи любую рать летом проглотят, как кит Иону». Но дождей все нет, и земля суха и тверда под сапогами идущих где-то воинов, под копытами их коней.

8 июня

Лазутчики Борецких доносят из Москвы, что в мае месяце Иван собирал в Кремле всех своих братьев и бояр и епископов, прося совета. И все собравшиеся поддержали его намерение

— немедленно идти войной на Новгород. Отправлены послы и воеводы князя к вятчанам, и двинянам, и устюжанам, и тверянам с приказом поднимать рати против новгородцев.

Все против нас!

А кто «за»? Одни литовцы?

Борецкие срочно отправили верного человека к королю Казимиру с просьбой спешить на помощь.

12 июня

Отец Денис уговорил городские власти отдать ему пустующий дом рядом с его церковью под лазарет. Один тысяцкий хвастливо объявил, что раненых новгородцев не будет, а раненых москвичей никто врачевать не собирается. Но пожилые бояре, помнившие войну 1456 года, прикрикнули на него и выдали отцу Денису денег из казны на чистое полотно, на дрова, на муку.

Я помогаю в лазарете чем могу. Нанятый литовский лекарь сказал, что понадобится много горячей воды, и мы расчищаем колодец во дворе дома, чиним крышу на бане, затаскиваем лавки и топчаны в горницы. Женщины приносят с окрестных лугов подорожник — говорят, он хорошо вытягивает гной из нарывов, и зверобой

— его отвар помогает вылечивать раны.

14 июня

В городе появились первые беглецы с южной границы: с Валдайского озера, из-под Заборовья, Демона, Холма. Рассказывают страшные вещи. Видимо, московским ратникам велено нарочно нагонять ужас на людей. Они ведут себя хуже татар. Врываются в деревни, жгут дома. Христианские воины поднимают на пики христианских детей на глазах у христианских матерей. Насилуют жен на глазах мужей.

В одном селе согнали в церковь всех, кто не успел убежать в лес, заперли ее и подожгли.

В другом устроили себе потеху: загнали голых баб в баню и велели по одной выходить и бежать к реке, а сами тренировались в стрельбе из лука по ним. Успеешь спрятаться в воде — твое счастье. Но немногим это удалось. Скоро весь берег был покрыт мертвыми и ранеными женщинами. А стрелки только хохотали и поздравляли друг друга с меткими выстрелами.

Все это зверство достигает своей цели: волна ужаса катится по Новгородской земле, обгоняя московское войско.

18 июня

Вернулся новгородский посол, отправленный к королю Казимиру. Магистр Тевтонского ордена не дал ему проехать в Литву через Ливонию. Только теперь стало ясно, что мы отрезаны от всего мира: с запада — Псков и Орден, с юга и востока — Тверь и Москва. Поплыть Белым морем на север? Но сколько на это уйдет времени? Три месяца, полгода, год?

На вечевой площади ропот. Раздаются выкрики:

— Ну, где же ваш Казимир? А Иван — вот он, у самых ворот!

Но сторонники Борецких хватают недовольных и запирают их в тюремные погреба. Какая-то ожесточенная решимость появилась в их глазах, какой-то предсмертный восторг. Звенят доспехами проходящие по улице дозоры, гремят копытами конные отряды, стучат топоры лодочников, строящих новые ушкуи и насады. Подъемники со скрипом тянут на стены пушечные стволы.

22 июня

Привезли первых раненых с южного берега Ильменя. Московский воевода Холмский внезапно появился под Руссой. Новгородская рать едва успела запереться в городе. Но долго она не продержится.

Жара, грязь — раны быстро воспаляются. Отец Денис научил меня накладывать повязки с медом. Среди раненых — молоденький ученик ювелира. Он раньше и меча-то в руках не держал. Удар татарской сабли пришелся ему по кисти. Он ухитрился подобрать в пыли, под копытами, три отрубленных пальца, привез их с собой. Молча подсовывал их мне, будто надеялся, что я каким-то чудом могу медом приклеить их обратно. Из собора Святой Софии приходили с чудотворной иконой Богоматери, давали целовать раненым.

25 июня

Вчера московские войска взяли Руссу. Город горит. Новгородская рать, посланная на подмогу в лодках, через озеро, не поспела. Беглецы рассказывают, что победители не щадили никого: ни старых, ни малых, ни баб, ни попов. «Бей измен-

ников князя великого!» — кричат убийцы.

Теперь стало ясно, что отряд Холмского — левое крыло наступающей московской армии. Сам князь Иван с главным полком наступает в центре на Яжелбицы, в обход озера Валдай. Третий отряд обходит справа, по реке Мста. Когда выступят с запада псковичи и вятчане с востока, кольцо замкнется.

26 июня

Мы увидели их издалека. Они шли цепочкой, держась друг за друга, как нищие слепцы. Двое провожатых, в голове и в хвосте шеренги, расчищали дорогу, уговаривали народ расступаться. Но люди будто застывали при виде страшного зрелища, не могли двинуться с места.

Сначала мне показалось, что на них надеты смеющиеся скоморошьи маски. Да-да, первое впечатление было — застывший красноротый смех. Только когда они приблизились, я понял, что у несчастных были отрезаны губы. А у некоторых вдобавок — и носы, и уши. Измазанные кровью зубы скалились в беззвучном хохоте.

Женщины в толпе плакали, закрывали лица ладонями. Кто-то совал им за пазуху хлеб, кто-то пытался поднести питье. Но они только мотали

головами.

Провожатые рассказали, что их отряд прибыл в ушкуях к селу Коростынь, что на юго-западном берегу Ильменя, и напал внезапно на армию Холмского. Но их командиры не выслали лазутчиков, не разведали силы врага. А силы были не равны, и москвичи разбили их наголову. Нет, победители зверствовали не своими руками. Это они самих пленных заставили друг другу отрезать губы и носы. Не станешь? Рубили на месте, выталкивали следующего. И вот в таком виде отправили искалеченных новгородцам в устрашение.

Весь оставшийся день ушел у нас на уход за несчастными. Но что мы могли сделать? Они уже два дня были без еды и питья, потому что ничего не могли взять в израненный рот. Мы осторожно поили их, кормили овсяной кашей. Вдруг какая-то женщина с распущенными волосами ворвалась в лазарет, стала бегать между ранеными, вглядываясь в изуродованные, неузнаваемые лица. Муж ее сам должен был ухватить за руку. Только тогда она узнала его. Упала на колени, завыла.

Провожатые еще рассказали, что доспехи и оружие пленных москвичи побросали в воду. У них своего снаряжения было вдоволь.

30 июня

Отец Денис учит нас накладывать лубки на сломанные кости. Но кто научит меня не слышать воплей раненых? Тучи мух вьются над кровавыми тряпками, над красной водой. Невыносимо кричит молодой лодочник. У него рана в паху. Кажется, все его дети, которым не суждено теперь родиться, добавляют свои тонкие голоса к его стонам. Отец Денис падает от усталости. Порой не знает: то ли бинтовать несчастного, то ли поспешить исповедать и причастить его перед смертью.

6 июля

В городе смятение, крики: «Измена! Измена!» Ночью кто-то привел в негодность пять пушек, заклепал железом фитильные отверстия. К середине дня изменников нашли, притащили на площадь. Говорят, палач рубил им сначала кисти рук, потом локти, потом — у плеча. Один кровавый человеческий обрубок провезли мимо нашего лазарета в подводе. Он все еще кричал. Кричал, что невиновен. Может быть, и правда — невиновен. Озверевшая толпа не станет разби-

рать улики, слушать доказательства.

Заметил странную вещь. Если рана свежая и мы ее вовремя забинтуем, все равно довольно часто она воспаляется и загнивает. А если раненый полежал в поле два-три дня, на пораненных местах у него кишат отвратительные черви. Но под ними рана чистая и быстро заживает. Отец Денис говорит, что это Господь посылает ангелов своих под видом бабочек, и они откладывают на рану лечебные личинки. Понятно, что бабочки Господни не делают различия между новгородцами и москвичами, врачуют всех.

12 июля

Раненые, обожженные, искалеченные прибывают толпами. Лазарет переполнен, кладем прямо на землю во дворе, под навесами. Сегодня пришло известие, что с запада вторглась псковская армия, числом тысяч в десять. Кто мне рассказывал о благонравии псковичей?! Зверствуют, жгут, грабят не хуже других. Или война делает зверем любого?

Навстречу псковичам выступает главное новгородское войско. Удалось наконец вооружить и посадить на коней тысяч сорок. Но что это за воины? Те самые гончары, столяры и плотники,

о которых сокрушался князь Олелькович. Не умеют держать строй, не умеют правильно натягивать лук, не знают своих командиров. У одного — я видел — шлем так съезжал на глаза, что ему приходилось подхватывать его то одной рукой, то другой.

15 июля

Шелонь-река… Та самая, по которой я ехал в санях зимой, любовался снежными елями. Алольцев рассказал мне, что это в шепелявом псковском говоре название так переменилось. А изначально-то она была Солонь — из-за многих соленых источников и ручьев, текущих в нее. Но сегодня она солона троекратно. Солона от слез, солона от крови…

Главное новгородское войско шло вдоль нее на запад, по левому — то есть по северному — берегу, чтобы встретить и отразить вторгшихся псковичей. И вдруг новгородцы увидели, что по южному берегу туда же спешит рать московская, видимо, на соединение со своими союзниками. Этого нельзя было допустить. Но уже стемнело, поэтому оба войска заночевали, разделенные рекой. Битва завязалась лишь на следующее утро, в воскресенье.

Сведения, поступающие от беглецов и раненых, сбивчивы и противоречивы.

Одни говорят, что москвичи, под командой воеводы Холмского, перешли реку вброд в нескольких местах, а где и переправились — наученные татарами на надутых бурдюках, и ударили на новгородцев с рассветом и разбили их и погнали, разя и пленяя.

Другие — что нет, что первый натиск московской рати был отбит, что новгородцы погнали врага за реку, но так увлеклись преследованием, что сбили ряды, смешались, стали теснить друг друга. И тут-то, на правом берегу реки, на них обрушилась туча стрел. А потом из засады ударил татарский полк. И тогда непривычные к долгому упорному бою новгородские ремесленники и крестьяне бросились бежать. И москвичи преследовали их и порубили тысячи без жалости, а скольких взяли в плен — не счесть.

Но в одном все свидетели сходятся: что отборный конный полк архиепископа Феофила в бой не вступил. «Нас владыка послал биться с псковичами, — говорили конники, — а на войско великого князя Московского не велел руку поднимать».

Это ли не измена — самая позорная?!

Но конный полк не потащишь на площадь под топор палача.

20 июля

Дымная туча стоит над городом. Новгородцы жгут посады, жгут окрестные деревни, монастыри. Готовятся к осаде. Хотя ни хлеба, ни муки, ни даже гороха на базаре уже не купить ни за какие деньги.

Живут нелепыми надеждами. «Вот разобьет наш воевода Василий Шуйский вятчан на Двине и вернется в Новгород на подмогу со всей ратью». Но нет вестей от воеводы. Только бредут со всех сторон раненые и искалеченные и больные. И у каждого своя повесть — одна страшнее другой.

25 июля

Вой и стоны в доме Борецких. Пришло известие из Руссы, что явился туда князь Иван и учинил суд и расправу над пленными военачальниками новгородскими. Среди казненных — посадник Дмитрий Исаакович Борецкий. Вместе с ним казнены еще трое. Остальные закованы в цепи и отправлены в московские тюрьмы. Простых же пленников отпустил князь в Новгород.

Великодушие победителя? Расчет? Хитрость?

27 июля

Все кончено: рать Шуйского разбита на Двине. Бились упорно, до заката. Трех знаменосцев убили под новгородским знаменем одного за другим. Сам князь Шуйский едва спасся на лодке, сумел убежать в Холмогоры.

Чернь ропщет против бояр и воевод, их винит в бедствиях Новгорода.

Литовская партия обессилела, московская — подняла голос. Срочно собрано посольство во главе с архиепископом Феофилом — к князю Ивану, в Коростынь, просить мира по всей его княжеской милости. Но какой милости можно ждать от людей, сжигающих мирных жителей в церквах, отрезающих губы безоружным пленникам?

Эстонский дневник

Раны и стон кругом меня. Одежда затвердела от чужой крови. Сам я цел. Но душа пробита навылет.

Как жить дальше? Как забыть?

Вопию к небесам, вопию к Тебе, как вопил му-

ченик Иов.

«Пытке невинных посмеивается», — сказал он про Тебя.

Правда ли это?

«Воздаяние за грехи», — объяснит священник и в Риме, и в Москве.

А безгрешные дети, погибшие в пламени? А нерожденные, пробитые стрелой в животе матери? А те беглецы, которые возвращались в лодках к себе в Руссу уже после замирения, — посмеивался Ты, послав бурю и утопив в озере несколько сотен?

Или одни новгородцы покрыты грехами, что Ты всю муку и казнь послал на них? А их мучители — погубители — победители — все безгрешны?

«Господь карает вероотступников», — скажет мне епископ Бертольд. А когда английские и французские католики сто лет резали друг друга, кого Ты карал? А когда даешь поганым туркам и прочим мусульманам губить и теснить христиан по всей Европе, на чьей Ты стороне?

Наказание за грехи? Но вот я — весь в грехе и сомнении — стою среди страдальцев цел и невредим.

И что есть наш грех? Сами мы грешим или Ты нас толкаешь к греху? Если сами — значит, в

чем-то мы сильнее Тебя и Ты не всемогущ. Если не сами — то нет и вины на нас. Тогда за что же казнишь нас?

«Похули Бога и умри», — говорила жена Иову, пытаясь спасти его от страданий. И не выдержал Иов и возопил: «Не хочу знать души моей, презираю жизнь мою, будь проклят тот день, когда я родился!»

Не для того ли Ты попустил отрезать губы тем несчастным, чтобы они даже проклятий Тебе не могли прокричать?

«Поддались Сатане, сатанинскому искушению», — объясняют нам книжники. А того не помнят, что в их же священных книгах написано, что Сатана пришел к Господу «среди других сынов Его». И что ничего он не делает вопреки воле Твоей, во всем Тебе послушен. Разрешишь отнять у Иова детей, и скот, и богатства его — он отнимает. Разрешишь покрыть струпьями, кровью и гноем покрывает. Велишь не отнимать жизнь — он не отнимает.

Не знаю, как жить, не знаю — зачем.

Господи, помоги, Господи, дай услышать Тебя снова, дай верить!

Неисповедимы пути Твои, неведомы замыслы.

Но сказал же Ты друзьям Иова, возопившего

против Тебя: «Горит Мой гнев на вас за то, что вы говорили обо Мне не так верно, как раб Мой Иов».

Значит, можно возопить против Тебя и остаться правым в глазах Твоих?

Есть ли надежда, что и мне простишь Ты страшные богохульства мои и укроешь в длани Твоей измученную душу мою?

Глава 6. Царская невеста

Фрау Урсуле Копенбах, в Любек, из города Изборска, октябрь 1472

Бесценная мать и благодетельница!

Наконец-то у меня выдались свободные часы и даже дни, чтобы подробно описать Вам прошедший год. Те короткие записки, которые мне удавалось переправлять Вам до сих пор, конечно, не могли вместить и сотой доли того, чем хотелось с Вами поделиться.

А сейчас я застрял в городе Изборске, вместе с пышным посольством псковских бояр и посадников, выехавших торжественно встретить невесту князя Московского, Софию Палеолог, прибывающую сюда из Рима. По последним известиям, она благополучно приплыла в Ревель и оттуда должна была выехать в Дерпт. Но всю последнюю неделю дожди поливали эти края так, словно Господь задумал провести здесь репетицию нового потопа. Мы ждем вестей и бездельничаем. Нашему посольству отвели самый большой дом в крепости Изборска. По утрам он торчит над туманом, как Ноев ковчег, готовый к отплытию. Но

куда? Где нам искать заблудившуюся невесту?

Я знаю, что она садилась на корабль в Любеке. Удалось ли Вам увидеть ее? Вы не поверите, моя бесценная, сочтете хвастовством, но в этом великокняжеском сватовстве и мне довелось сыграть какую-то роль. Когда-нибудь, при встрече, расскажу подробнее. И наш добрый епископ подтвердит мои слова. А пока — вот Вам отчет о прошедших месяцах.

Из всего потока событий и впечатлений какое мог бы я выбрать и назвать самым, самым сильным? Все то же, все то же — снова и снова: благодарное ошеломление перед милостью Господней. Помните мое горестное письмо с описанием ужасов войны? Тогда мне казалось, что конец света наступил за двадцать лет до обещанного срока. Что ни жизнь вокруг меня, ни моя душа не смогут возродиться после всей крови и огня, заливавших эту несчастную землю.

И что же?

Через два-три месяца после окончания военных действий и подписания мирного договора откуда ни возьмись в город уже текли подводы с провизией, с дровами, с сеном, по реке прибывали лодки и суда, на месте сгоревших домов стучали топоры, вырастали новые срубы, звонили коло-

кола, горланили торговцы. Новый архиепископ Феофил, утвержденный московским митрополитом, служил в Софийском соборе, и новгородские бояре, посадники и купцы снова щеголяли друг перед другом роскошными облачениями, бобровыми шапками, золотыми поясами.

К зиме рынок на правом берегу реки так переполнился торговцами, что лавки начали ставить на льду реки. Ряды замороженных мясных туш, поставленных на льду стоймя, порой заставляли меня вспомнить шеренгу окровавленных воинов и вздрогнуть. Но тут же пар от дымящихся пирогов, звон бубенцов на шеях лошадей, зазывные крики, скоморохи, марширующие на ходулях над головами толпы, смывали тягостные картины войны.

Наверное, мы должны отдать должное победителям: они повели себя с дальновидной сдержанностью, которой, казалось, трудно было ожидать. Условия мирного договора, предъявленные ими, были нелегки. Но после окончания боев очень скоро прекратились грабежи и убийства, свирепым татарским конникам было уплачено сполна и велено отправляться обратно в степь. Новгородских пленников отпустили по домам, порядок управления в городе оставлен прежним.

Главное требование князя Ивана: чтобы новгородцы признали свое государство «вотчиной» московских князей, чтобы поклялись всем городом на вече не искать союза ни с Польшей, ни с Литвой, ни с киевским митрополитом. И это условие была исполнено: народ, собравшись на вечевой площади, принес клятву и целовал крест. Кроме того, побежденные обязались в течение года выплатить огромную контрибуцию: 16 тысяч серебряных новгородских рублей. (Разница между новгородским рублем и московским немалая: новгородский содержит серебра вдвое больше.) Оставленные для сбора контрибуции московские наместники, кажется, понимают, что выплатить ее город сможет лишь в том случае, если возродится его торговля и ремесло, и стараются не мешать людям строить и наживаться. Именно поэтому вновь шумят новгородские базары, вновь плывут по реке насады с товаром, стучат топоры и молотки.

И еще одна радостная для меня новость: вновь открылся Немецкий торговый двор. Его пришлось сильно ремонтировать после трех лет запустения и недавних пожаров. Но Вы можете себе представить, каким облегчением для меня было вновь войти в католическую церковь, ис-

поведаться католическому священнику, принять причастие.

Все же возвращаться на должность постоянного переводчика при Ганзейском дворе мне не захотелось. Предложенная плата была слишком мала. Да и тратить Божественный дар речи на то, чтобы с утра до вечера повторять на разных языках купеческое хвастовство, уловки, хитрости, вранье, казалось уже недостойным. Тем более, что Алольцев во Пскове набрал для меня много заказов на переписку и переводы и настоятельно звал приехать на лето к ним. Что я и сделал.

Работы действительно оказалось много. И еще Алольцев уговорил меня возобновить занятия языками с его сыном. А потом однажды вызвал к себе в горницу, закрыл дверь и со смущением сообщил, что его жена Людмила тоже выразила настоятельное пожелание присутствовать на уроках и изучать греческий.

Мне трудно объяснить Вам, насколько необычно и даже непристойно звучит такая просьба в устах русской женщины. Все поучения их попов, все правила поведения, собранные в разных нравоучительных книгах, говорят лишь о том, что женщина должна быть во всем послушна мужу, должна быть умелой хозяйкой в доме, доброй

матерью детям, богобоязненной прихожанкой в церкви, а главное побольше молчать. Нам доводилось уже несколько раз переписывать книгу «Измарагд», которая во многом повторяет проповеди великого Иоанна Златоуста. И вот какие там есть поучения для женщин:

> «А женам в церковь Божию ходить как удастся — и по желанию, и советуясь с мужем. В церкви же ей ни с кем не беседовать, молча стоять, пение слушать и чтение Святого Писания, никуда не оглядываясь, не прислоняться ни к стене, ни к столпу, и с посохом не стоять, не переступать с ноги на ногу; стоять, руки сложив на груди крестом, неустанно и крепко молиться Богу со страхом и трепетом, с воздыханием и слезами, из церкви не выходить до конца службы, прийти же к самому началу. По воскресеньям и в праздники Господни, в среду и в пятницу, в святой Великий пост и в день Богородицын пребывать в чистоте. А обжорства и пьянства, и пустых бесед, непристойного смеха остерегаться всегда».

Не странно ли? Три вещи Господь даровал че-

ловеку, которых нет ни у кого из других существ: способность заговорить, способность засмеяться, способность заплакать. И почему же русские попы с такой ненавистью относятся к смеху, с трудом выносят разговоры и только на слезы смотрят одобрительно? Кажется порой, что в их глазах лучший христианин — это тот, кто будет работать на них каждый день с утра до вечера, а в свободные минуты — молча стоять, сложив руки крестом, и обливаться слезами раскаяния и умиления.

Если это так, то Людмиле Алольцевой нелегко будет сподобиться их благоволения. Работает она, правда, много, с утра до вечера в хлопотах по дому и хозяйству. Но надолго застыть в молитвенной неподвижности она просто не сможет. Во время обеда за столом у них часто звучат разговоры и смех, что вообще-то церковниками строго осуждается. (Вот я опять даю волю своей страсти к общему! А ведь при этом отец Денис, обедая у них, всегда участвует в беседах и смеется громче хозяев.)

Людмила хорошо знает русскую грамоту и читает книги из сундука своего мужа. Но ей очень хочется читать Святое Писание, а оно по-русски существует только в отрывках. Оказывается, она

сама уже выучила греческий алфавит и многие слова и мечтает прочесть книги Ветхого Завета по-гречески. «Ведь Спаситель наш говорил совсем простым людям — рыбакам, пастухам, плотникам, и они понимали Его. Почему же я не смогу понять?» — говорит она. Я рад был помочь ей в этом благочестивом деле. Мы условились, что она будет приходить на уроки своего сына (он тоже начал учить греческий), а потом еще оставаться на какое-то время для дополнительных занятий.

Поначалу все шло хорошо. Людмила оказалась необычайно способной к языкам. Видимо, это как-то связано с ее музыкальными талантами. Стоит ей пропеть два-три слова — и они остаются у нее в памяти.

Из библейских книг русские больше всего любят Псалтирь. Людмила знает множество псалмов наизусть и чудесно поет их. Поэтому мы начали с чтения псалмов по-гречески. Зная русский текст, она легко запоминала слова. Ее муж и другие домочадцы порой поднимались к нам наверх, чтобы послушать ее пение на чужом языке. Как я жалел, что Вы и Грета не можете присоединиться к слушателям! Вы бы получили огромное удовольствие.

Потом моя ученица выразила пожелание по-

читать что-нибудь про автора псалмов, про царя Давида. Мы открыли Вторую Книгу Царств и медленно стали двигаться по строчкам.

Ах, лучше бы мы не делали этого, лучше бы остались в Боговдохновенных стихах Псалмов! Потому что моя ученица как-то сникла и помрачнела уже на первой главе.

— Что случилось? — спросил я. — Вам незнакомы эти слова? Вы не поняли текста?

— Знакомы, — уныло ответила она. — К сожалению, я все поняла.

— Что же вас огорчило?

— Зачем Давид приказал убить этого отрока?

— Тут же сказано: за то, что он поднял руку на помазанника Божия, на царя Саула.

— Но Саул сам попросил отрока убить его, чтобы не попасть живым в руки врагов. Он пытался покончить с собой… вот здесь: «Саул пал на копье свое, колесницы же и всадники настигали его». Отрок выполнил его просьбу, избавил от позора и мучений. Потом взял его венец и браслет и принес их Давиду. Разве не так должен был поступить верный слуга? За что же убивать его? Это несправедливо.

Я не знал, что ответить ей. Мы двинулись дальше, читали по главе в день. И каждый день

приносил Людмиле новые огорчения. В главах третьей и пятой ей открылось, что у Давида было множество жен и наложниц. В главе шестой — что он играл перед народом на цитрах, на систрах, на кимвалах, скакал и плясал перед толпой, то есть делал все, что запрещает православная церковь. А уж когда дошли до главы одиннадцатой, где описано, как Давид соблазнил жену своего военачальника Вирсавию, как послал военачальника Урию на верную гибель, чтобы завладеть женой его, Людмила не выдержала, швырнула священную книгу на стол и ушла в слезах.

На следующем занятии я предложил ей прекратить чтение Ветхого Завета или хотя бы почитать про других царей и пророков. Но она настояла на том, чтобы мы продолжали. И теперь чуть ли не радовалась каждый раз, когда проявлялись человеческие слабости Давида, его жестокость, коварство, трусость. Конец двенадцатой главы, где описано, как он поступил с жителями побежденного города Раввы, она читала чуть ли не с торжеством:

> «А народ, бывший в нем, он вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил

их в обжигательные печи».

Наконец, в том месте в последней главе, где Давид из трех предложенных ему Богом наказаний за грех его выбирает наказание не себе, а народу своему, и семьдесят тысяч погибает от язвы, Людмила только засмеялась злым смехом и оттолкнула книгу.

А я смотрел на нее и думал о том, как глубока мудрость нашей матери, святой римской церкви, которая вот уже тысячу лет стоит на страже и запрещает переводить Священное Писание с латыни на другие языки. Ибо не может душа простых смертных вместить тайну и откровение, все пытается мерить Великий Божественный закон своей малой человеческой справедливостью и от этого только впадает в соблазн и смущение. Прав был Экклезиаст, сказавший, что «во многой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь».

Смог бы ли я набросать для Вас «уличный портрет» Людмилы Алольцевой? Не знаю, не уверен. Есть в ней всегда нечто неуловимое, ускользающее из капкана слов.

Начать следовало бы с главного: эта женщина встречает взгляд нового человека так бесстраш-

но, словно она уверена в своей неуязвимости. Или скорее в том, что она всегда успеет укрыться в каком-то безопасном убежище. Или, еще вернее, успеет взлететь, как птица, на безопасную высоту. И каким-то образом эта высота связана с пением. Пение безотказно поднимает ее над нашим бренным миром, над нашей маленькой справедливостью, над нашей убогой…

Вынужден прерваться!

Прибежал слуга и сообщил, что прибыл гонец из Дерпта. Невеста князя Московского прибыла туда! Псковское посольство срочно выезжает из Изборска, чтобы встретить ее на берегу Чудского озера. Должен проститься с Вами, моя бесценная, закончу это письмо в другой раз.

Ваш С. З.

Его Преосвященству, Епископу Любекскому, из Пскова, декабрь 1472

Досточтимый отец мой и учитель!

Уверен, что главная новость достигнет Вашего слуха раньше, чем это послание. Но все же повторю ее: 12 ноября принцесса София въехала в Москву и в тот же день была обвенчана с великим князем Московским Иваном Васильевичем. Но можно ли это считать успешным завершением

плана, возникшего в Вашей переписке с кардиналом Виссарионом четыре года назад? Или только первой трудной ступенькой долгого пути? Не смею и не хочу навязывать Вам свое суждение. Но тешу себя надеждой, что какие-то из моих наблюдений помогут Вам уяснить детали этого знаменательного события.

Утром 11 октября псковское посольство, в которое я был включен в качестве переводчика, подплывало по волнам Чудского озера к устью реки Эмбах. (Русские зовут ее Эма или Омовжа.) После многодневных дождей солнце с какой-то удвоенной старательностью, будто спешило наверстать упущенное, освещало пожелтевшие рощи, блестело на ризах священников, золотило мех на шапках посадников и бояр. Маленькое пятнышко на далеком берегу вырастало с каждым ударом весел, распадалось на всадников, кареты, алебарды охраны, монахов в рясах. А впереди всех высился какой-то алый столп. Только подплыв на сто сажен, могли мы разглядеть, что это не столп, а человек, одетый в красное с ног до головы. Справа от него двое слуг держали на высоком древке тяжелое серебряное распятие.

Довелось ли Вам встретиться с папским легатом Антонием Бонумбре, когда принцесса

проезжала через Любек? Если да, то Вы, наверное, согласитесь со мной, что все римские статуи, слитые вместе, не смогли бы превзойти этого человека в искусстве притягивать все взоры на себя. Притягивать взоры и подавлять души. Псковские посадники и бояре, сходя на берег, прежде чем поклониться принцессе, кланялись алому столпу. И потом, наливая кубки медом, поднимая тосты в ее честь, нет-нет да и оглядывались на величественную фигуру легата. Красная мантия, красные перчатки, красный капюшон, красная кардинальская шапка, и под ней — белое лицо, с горящими черными глазами. Да, такого спектакля, такой ожившей фрески псковичи еще не видели.

Принцесса показалась мне поначалу то ли равнодушной, то ли сильно уставшей. Переводя для нее приветствия псковских посланников, я стоял довольно близко и мог хорошо рассмотреть ее полноватую фигуру, лицо и наряд. Видно было, что она старалась добавить какие-то русские черты к своему облику: волосы ее были убраны под богато вышитый убрус, поверх платья наброшен легкий плащ из вишневого сукна, который в России называют «однорядкой». Мне рассказали, что ей с детства пришлось вкусить хлеб изгнания: ее

отец, морейский деспот Фома Палеолог, бежал с семьей от турок сначала на остров Корфу, а потом — в Рим, где кардинал Виссарион взял их под свое покровительство. Однако в ней самой не было тех черт подобострастия, которые так часто вырабатывает привычка зависеть от чужих людей. Взгляд ее был тверд, недоверчив, губы сжаты, голова гордо откинута назад.

Вдруг все равнодушие и усталость куда-то исчезли. Это произошло в тот момент, когда очередь приветствовать высокую гостью дошла до посадника Терентия Андреевича. Он несколько раз открывал и закрывал рот, потом просто рухнул перед принцессой на колени и запричитал, запел, обливаясь слезами умиления:

— Матушка, царица наша, Богом посланная! Как же ты не побоялась приехать к нам в такую даль неоглядную? Как Господь сохранил тебя, такую мягкую, перенес через горы такие твердые, через леса такие колючие, через моря глубокие, реки быстрые? А уж как мы тебя ждали, как молились Пресвятой Богородице, заступнице нашей! Верим, что принесешь ты с собой свет старинной веры Христовой от Святой Софии константинопольской. Дозволь же поклониться до земли и тебе, царице Богоданной, и всем чадам

твоим, в лоне твоем сокрытым до поры, будущим князьям и повелителям нашим! А уж мы клянемся служить тебе и князю Московскому верой и правдой и, коли придется, голов и животов своих не пожалеем!

Растроганная принцесса сделала шаг вперед, протянула руку. Терентий Андреевич припал к ней губами. Потом поднялся с колен, поднес принцессе кубок с медом. Она отпила и озарила псковское посольство улыбкой:

— Благодарю вас, мужи-псковичи, бояре и посадники, за теплую встречу. Буду помнить ваше добро и в Москве, и супругу моему, князю Московскому, не забуду сказать про вас доброе слово.

Тут из свиты принцессы выступил вперед Джан Баттиста делла Вольпе — тот самый, который ездил между Москвой и Римом, устраивая сватовство, который заменял князя Ивана на церемонии обручения Софии в храме Святого Петра. Русские зовут его Иван Фрязин. В Москве он изображает из себя православного, в Риме — католика, и вообще, похоже, склонен возбуждаться от любой назревающей интриги.

— Славные псковичи, — сказал он. — Благодарим и приветствуем вас на немецкой земле. И приглашаем вас последовать за нами в близле-

жащий монастырь, где для всех приготовлено угощение.

Он говорил по-русски, но я тихо переводил его слова для Софии на греческий.

Лицо ее вдруг снова помрачнело.

— Какой монастырь? — воскликнула она. — Какое угощение? Я спешу к своему супругу, князю Московскому, и не хочу терять ни дня в чужих краях. Мы должны двигаться дальше немедленно.

— Но, принцесса, мы же уговорились, — начал было Иван Фрязин.

— Что значит «уговорились»? Кто-нибудь спрашивал моего согласия? На протяжении всего путешествия вы привыкли распоряжаться мною, как послушной школьницей. «Вставать во столько-то, надевать то-то, здесь молиться, там кланяться, тут улыбаться…» Довольно!

— Но ведь все ваши сопровождающие, вся свита…

— Вот моя свита! — воскликнула София, указывая на псковское посольство. — Достойные псковичи, найдется ли в ваших лодках и барках и насадах место для невесты вашего князя и ее спутников?

Послы радостно и согласно загалдели, а Терен-

тий Андреевич снова рухнул на колени.

Потом была минутная пауза — все взоры обратились на красную фигуру легата Антония. Во время приветствий и препирательств он стоял молча, пожирая взором заозерные дали, которые ему предстояло привести под власть римского престола. Людские голоса не могли отвлечь его от возвышенного созерцания — но наступившая тишина отвлекла. Он повернул голову, вгляделся в обращенные к нему лица. Слегка кивнул.

И вся толпа с гомоном двинулась к причалам.

Я так подробно описал сцену встречи, преподобный отец, чтобы Вы могли почувствовать напряженность этого противоборства двух сильных душ. И дальше, на протяжении плавания в Псков, во время торжественной встречи там со всем разодетым духовенством, во время молебнов и пиров, напряжение между этими двумя было главной струной происходящего.

Почти не глядя на окружающих, легат Антоний снова и снова вздымал литое серебряное распятие и шествовал во главе свиты принцессы. Сознаюсь, сердце мое замирало от восторга при виде этого рыцаря веры Христовой. Его пламенеющая фигура была для меня как огненный луч, посланный прямиком из окна папского дворца в

Риме. Но местные попы, монахи, бояре все больше и больше отстранялись от него, толпились вокруг принцессы Софии. Легат Антоний повсюду оказывался окруженным кольцом пустоты. А принцесса София блаженствовала, как пленница, вырвавшаяся на свободу.

Уж не знаю, каких католических учителей и наставников приставил к ней кардинал Виссарион. Но можно было подумать, что она разом выбросила из головы все, чему ее учили в Риме. Зато все православные обряды и молитвы, усвоенные ею в детстве, будто разом всплыли в ее памяти. Псковичи не могли нарадоваться, глядя на нее. «Крестится по-нашему, на колени опускается по-нашему, иконы лобызает по-нашему!»

Во время молебна в Троицком соборе произошла тягостная сцена. Когда все опустились на колени, легат Антоний остался стоять. Епископ Псковский, ведший службу, замолчал и уставился на непокорного посланца Римского престола. Принцесса София, не вставая с колен, что-то сказала легату на латыни. Он продолжал стоять. Она сказала какую-то фразу, в которой мне послышалось (я был на несколько рядов сзади) слово «плетьми». Только после этого алая статуя ожила, сделала несколько шагов вперед и поцеловала

икону Богоматери.

Принцесса пробыла в Пскове пять дней и потом двинулась дальше, осыпанная подарками, провожаемая благословениями. Такая же встреча была устроена ей в Новгороде, куда я последовал вслед за ней. А слух о папском посланнике, одетом во все красное, отказывающемся почитать русские святыни, обгонял путешественников и достиг Москвы раньше них. И митрополит Московский заявил князю Ивану, что если легат Антоний со своим католическим распятием будет пропущен в какие-нибудь ворота в московской стене, то он, митрополит, в тот же день уедет прочь из города через противоположные ворота.

Ходит слух, что князь послал своего воеводу Холмского навстречу посольству и тот отнял у легата серебряное распятие, а самого так запугал, что на торжестве бракосочетания в соборе тот не появился.

Само торжество, по рассказам свидетелей, не достигло той пышности, которую можно было бы ожидать. Во-первых, Успенский собор в Кремле сейчас перестраивается, поэтому пришлось воспользоваться небольшой деревянной церковью. Во-вторых, князь Иван женится вторым браком, а православная церковь это осуждает.

Как объяснил мне отец Денис, именно поэтому нынешнему митрополиту Филиппу было неудобно совершить обряд. Следующими кандидатами на роль венчающего были протопоп Успенского собора и духовник великого князя. Но они не годились, потому что оба были вдовцами. Так что для свершения бракосочетания пришлось вызвать протопопа из второго по величине города в Московском княжестве — Коломны.

Еще говорят, что впоследствии был устроен диспут между легатом и московскими богословами. С русской стороны митрополит выставил знаменитого книжника Никиту Поповича. Легат Антоний пытался поднять вопрос о возрождении Флорентийской Унии. На это русские отвечали: «Если хотите, чтобы мы с вами воссоединились, докажите сначала, что ваша вера правильная». И засыпали посланца Рима вопросами и цитатами из Священного Писания и из отцов церкви. В конце концов, легат вынужден был выйти из диспута, сославшись на то, что у него не было с собой необходимых книг.

Не знаю, какой отчет даст в Риме легат Антоний Его Святейшеству. Я могу лишь описать то впечатление, которое он произвел на псковичей и новгородцев. Увы, гипноз алой мантии и

серебряного распятия оказался недолговечным. Возможно, эти облачения и блеск, и грозный вид могли бы произвести переворот в душах язычников, каких-нибудь северных карелов или эвенков, поклоняющихся луне, волку, грому, Перуну. Но местные православные — при всем их вероотступничестве — несут в сердцах образ Христа. И их дети заучивают на уроках Закона Божьего те же слова, которые заучивают наши дети. И они читают и почитают те же священные книги, что почитаем мы.

Знаю, что самонадеянность ума — один из моих самых трудно одолимых грехов. Смиренно прошу Вас простить меня, если я опять впадаю в него. И все же не могу не поделиться с Вами мыслью, которая приходит мне в голову чаще и чаще: русские научились строить стены, которые не пробить нашим ядрам, их храмы и иконы не затмить нашим церквам и распятиям. Мы можем посылать католических жен в постели их князей, но нет никаких гарантий, что они не обратятся в православных в первую же брачную ночь. Лишь слово, проникающее в сердца, лишь невидимый Дух Святой может вернуть эти заблудшие души к свету, идущему из Рима.

Искать! Искать это слово — эти слова — вот что

я мысленно говорю себе каждое утро, вот к чему призываю себя и всех других неизвестных мне солдат нашей Священной бескровной войны.

Вечно преданный и благодарный, Ваш ученик

С. З.

Эстонский дневник

Искать слово. Искать слова. Но зачем? Ведь все кончится плотью, сведется к плоти.

Плоть самовластна. Недаром святые начинают с того, что идут войной на нее. Холодом и постом, власяницей и плетью, воздержанием и непосильным трудом.

Ну, а мысль, воображение?

Разве мы можем держать их в узде? Как мне изгнать непристойные картины, всплывающие в моем мозгу?

Принцесса Софья. Великая княгиня.

Великий князь Иван Московский.

Говорят, он высок и сутул.

Вот молодых провели в спальню по белому холсту. Подали вареную курицу. Вот оставили одних. Иконы убраны или задернуты.

Они снимают с себя одежды. Совсем? Наверное, это длится долго. Парадные одежды, много слоев. Может быть, они помогают друг другу?

Мужчина и женщина, оба обнажены. Никогда не видели друг друга. Она полная и белокожая, он — какой? Не знают языка друг друга. Молчаливы и наги. Как в раю до грехопадения. Заготовлен ли кубок с вином и дырочкой в дне? Но у принцессы нет здесь ни отца, ни брата, ни матери, ни тетки, которые должны ждать у дверей выхода новобрачных.

Или Алольцевы. Когда я живу в их псковском доме, мне трудно заснуть. Что там, за стеной? Я вслушиваюсь в тишину. Скрип лавки? Шлепанье босых ног по полу? Стон? Или это просто ветер в трубе?

Воображение летит по зарубкам памяти. Ведь я видел ее. Видел нагую. Тогда, в реке. Перенести мокрую в сумрак горницы, осушить простыней. Уложить на одеяло.

Жертва, заклание.

Он приближается. Муж, возлюбленный, жрец. С лицом острым, как топор, с широкими плечами.

Она покорна. Вся — ожидание. Как он обнимает ее? Как бы я хотел обнять ее. Нет, со спины нельзя — их попы запрещают.

Она протягивает в сумраке обнаженные руки вверх. И принимает его.

Принимает…

Принимает…

Глава 7. Мужи псковичи

Фрау Урсуле Копенбах, из Пскова, май 1473

Дорогая фрау Урсула, свет моей юности и добрейший друг!

Перечитываю Ваше последнее письмо и с грустью думаю о нашей затянувшейся разлуке. Боже мой, Грете уже шестнадцать! И она была на своем первом балу в доме бургомистра? Я мысленно возношусь и пролетаю над псковскими березами, над ливонскими замками, над немецкими коровами, над барашками балтийских волн, чтобы заглянуть хотя бы глазком в окно танцевального зала.

Вы пишете, что ухажеры клубились вокруг нее толпой. О, если бы я был там, я тут же набросал бы для Вас «уличный портрет» каждого из них. И это были бы такие портреты, что Вы ни одного из них не пустили бы на порог своего дома. Потому что никто — никто не достоин нашей Греты!

Здесь настоящих балов не бывает. Пляски, танцы — это забавы язычников и скоморохов, а потому церковью они осуждаются гневно и неустанно. Отвести в доме большое помещение

только для танцев — это показалось бы дикой и непростительной причудой. Но как-то и где-то мужи псковичи находят себе женщин по вкусу, идут с ними под венец и рожают детей — толпы народа на улицах, на базарах, в церквах тому неопровержимое подтверждение.

Конечно, молодежь и простонародье в деревнях и посадах устраивают для себя игрища, на которых просыпающаяся плоть учится науке первых касаний. И должен Вам сказать, что эти «учебные» касания оказываются часто весьма болезненными. В долгие зимние вечера во Пскове я несколько раз дал заманить себя на сборища посадских парней и девушек. Вам интересно послушать про них? Если ответ «нет», просто пропустите следующие пять страниц этого письма. А мне так хочется поделиться с Вами!

Собирались мы то в одном доме, то в другом — где горница побольше, да родители подобрее. Девушки поначалу усаживаются за прялки или за вышивание, а парни толпятся у противоположной стены. Все приоделись понаряднее: у кого-то на шее стоячий расшитый воротник, у кого-то поясок с серебряными бляшками. Недавно сюда проникла наша мода на шерстяные чулки, и местные вязальщицы теперь соревнуются в

придумывании разноцветных узоров.

После предварительного перешептывания и хихиканья, наконец кто-нибудь делает первый пробный ход: приближается к девушкам с длинным то ли удилищем, то ли кнутовищем в руке, с петлей на конце, и пытается с его помощью «выкрасть» веретено. Если ему это удается, девушка должна «выкупить» веретено поцелуем. Пара удаляется за занавеску и потом возвращается оттуда под смех и свистки.

Следующий этап — песенки-куплеты, которые здесь называются «частушки». То парень, то девица выходят на середину горницы и исполняют куплеты в четыре строки, притоптывая каблуками и кружась на месте. Чаще всего содержание куплета — насмешки над незадачливым ухажером или над неказистой подружкой. Но — без называния имен. Вот Вам примерный перевод некоторых:

«Мой милый раскудахтался и убежал от меня в овес;

ястреб принял его за курицу и в небеса с собой унес».

«Вы играйте, мои гусли, разгоните в поле туман,

чтобы сразу было видно, где любовь, а где обман».

«Этот парень так высок — головою в облаках;

я с трудом достаю до его гульфика даже на высоких каблуках».

«Нас побить-побить хотели на высокой на горе.

Не на таких напали — мы даже спим на топоре».

«Мне мой любимый изменил, думал — я с ума сойду;

да я получше ухажера в любой момент себе найду».

Слова «измена» и «побить, наказать» встречаются в куплетах очень часто и варьируются на все лады. Многие парни и девушки соединены в пары и говорят друг про друга: «мой игровой», «моя игровая». Полагается, чтобы они на посиделках держались вместе. А если кто-то из них будет оказывать знаки внимания кому-то другому, это считается «изменой», за которую полагается «наказание».

Тут следует сразу оговориться: все «наказания» полагаются только «изменницам». «Изменник»

всегда остается неподсуден. Вообще, здесь убеждены, что влюбляться и страдать от несчастной любви — исключительно женский удел. Я выучил двести пословиц про любовь — они все повествуют о преданности и страданиях женского сердца. «Миленок и не умыт — беленок»; «К милому и семь верст — не околица»; «Мил-перемил, руки-ноги перебил, хоть головы не сломил». А парню влюбиться — полный позор. «Влюбился — как рожей в сажу влепился»; «Влюбился — как мышь в короб свалился»; «Люби — не влюбляйся, пей — не напивайся». Так что эти посиделки — не только игра, но еще некая школа для испытания девичьего терпения, верности, надежности.

И мне тоже не дали остаться холодным наблюдателем в углу. Уже на первых посиделках одна девушка отодвинула свою прялку, вышла на середину и пропела: «К нам заморский гость явился, опершись на посошок; на носу его девять курочек усядутся, десятый — петушок».

Я мгновенно оказался окружен хохочущими лицами. Певица имела явно незаслуженный успех. Да, гость из-за моря — тут не поспоришь. Да, явился с палкой в руках, потому что без нее не перебраться через сугробы на улице. Но нос! Бесценная моя, к Вам взываю! Можно ли мой

нос назвать чрезмерно длинным? Это отличный моравско-немецкий нос, правильных пропорций и завидных очертаний. Только народ, состоящий наполовину из курносых, может себе позволить измываться над лучшей деталью моей внешности.

Отсмеявшись, парни шепотом объяснили мне, что дерзость певицы должна быть наказана. И объяснили, каким образом.

Я послушно вышел вперед, приблизился к девушке. И только тут узнал ее. Это была Катя, служанка из дома Алольцевых, взятая туда из деревни, от слишком суровых родителей. Я протянул руку и начал кружиться перед ней, притоптывая каблуками. Гусельщик мне подыгрывал в такт. Катя попыталась взять мою руку — я поднял ее над головой. Она, пританцовывая, ходила вокруг меня, но до руки достать не могла. Это означало, что ей нужно было «помочь подрасти».

Подученный парнями, я взял ее за руки, поднял их и взвалил девушку себе на спину. Понес по кругу под одобрительные крики. Откуда-то появилась лопата для выпечки хлеба. Каждый парень хлопал Катю лопатой по спине или пониже и передавал инструмент дальше. Звуки

получались громкие, но девушка ни разу не охнула. Когда ритуал был закончен, мы с ней уселись рядом на лавке. Мы оба прошли испытание и получили право назвать друг друга «мой игровой», «моя игровая».

«Дерзость» девиц наказывается, но и слишком скромное поведение может быть осыпано градом насмешек. Про такую будут говорить: «Мох в углу копает», или «лавку обтирает», или «угол сторожит», или «воды в рот набрала». Нелегка судьба русских девиц, по тонкой струнке приходится им бежать. А оступишься, обидишь кого-то — он тебе вымажет ночью ворота дегтем, опозорит на всю жизнь. Или подушку изорвет перед твоим домом, пустит пух по всей улице.

Ритуал игривого стегания девиц продолжается чуть ли не круглый год меняются только инструменты. На зимних посиделках это будет соломенный жгут или высушенный коровий хвост, в весенние праздники — ветки вербы по голым икрам («вербохлест — бей до слез!»), в летние — пучки крапивы. Был ведь и в Древнем Риме праздник Луперкалий, когда полуголые женщины и девицы носились по всему городу, добровольно подставляя себя под удары ремней из козлиной кожи. Считалось, что это помогает

женщине родить здорового ребенка.

Правда, есть один праздник, когда русские девицы могут отыграться. Называется он Кузьминки, в честь святых Козьмы и Демьяна, празднуют его первого ноября. Целую неделю перед ним девицы выпрашивают у своих родных муку, хмель, солод, дрова и варят пиво; собирают гречневую и пшеничную муку для блинов, пирогов. Чего не могут выпросить, украдут тайком. Во многих дворах в эту неделю не досчитаются яиц, молока, сметаны, кур.

В самый праздник девушки приглашают родных в дом для посиделок и днем пируют с ними. А вечером, когда гости разойдутся, являются парни, выряженные кто медведем, кто домовым, кто козлом, кто петухом, кто смертью. Девушки пытаются отгадать, кто из них кто. И если угадают правильно, узнанного начинают колотить чем ни попадя — за весь прошедший год.

Неделю перед Великим постом русские называют Масленицей — видимо, потому что во время этих праздников они съедают горы блинов, смазанных маслом. Каждый при этом может выбрать себе вид веселья по вкусу. Одни катаются с ледяных гор на санях, скамейках, корытах, рогожах. Другие строят крепость из снега и разбиваются

на две «армии»: конная армия штурмует, а пешая отбивает их метлами и швабрами. Разряженные толпы бродят по базарам, угощаются калачами, пряниками, орехами, пирожками. А в последнюю ночь молодежи разрешается устроить посиделки с общей ночевкой. Хотя спят все в одной горнице, на тюфяках, не раздеваясь, Вы можете представить, моя бесценная, сколько визга, смеха и стонов раздается в это время в темноте. Сознаюсь Вам по секрету, что и моим ладоням удалось совершить кругосветное путешествие вокруг моей «игровой» Кати и сделать много интересных открытий. Не буду описывать их подробно, чтобы не вгонять в краску мою любимицу Грету, — ведь Вы сообщили мне, что даете ей читать мои письма, а это должно удержать меня от чрезмерных фривольностей.

Вскоре после Масленицы произошел странный эпизод. Я попробую описать его языком судебного протокола, в надежде услышать Ваше умудренное истолкование.

В тот день мне пришлось вернуться из переписочной мастерской за нужной рукописью. Алольцев с утра уехал по делам, в доме было тихо. Но проходя обратно, через двор к воротам, я услышал странные звуки из конюшни. Мне

показалось, что лошадь бьется в испуге и жалобно ржет. Я подошел проверить, открыл калитку, заглянул в полумрак. И вот что я увидел.

Посредине, обняв центральный опорный столб, спиной ко мне стояла женщина. Она была обнажена по пояс. Другая женщина стояла справа от нее с кнутом в руке. Обе обернулись на стук открывшейся двери. Кнут держала Людмила Алольцева. У столба стояла моя «игровая» — Катя. Судя по рубцам на ее спине, ее секли всерьез. Это из ее гортани вырывались звуки, похожие на лошадиное ржание. Несколько секунд мы все трое были неподвижны. Потом Катя схватила рубаху и, прикрываясь ею, выбежала мимо меня наружу. Мелькнуло ее залитое слезами лицо.

А Людмила? Смутилась, растерялась, рассердилась?

В это трудно поверить, но мне показалось… Нет, я даже точно помню: она сделала жест, некое указующее движение кнутом… Будто она ничуть не удивилась моему появлению, будто ждала меня и вот теперь приглашала — или приказывала мне! — занять место у столба. Будто знала за мной какую-то большую-большую вину.

Я попятился и прикрыл дверь. Поспешил покинуть двор. Но в мастерской долго не мог

возобновить работу.

В довершение этого затянувшегося письма хочу сообщить Вам, что на днях у меня произошла встреча с самым знаменитым русским зверем — бурым медведем. Я принес переписанное житие Кирилла Белозерского в дом богатого заказчика как раз в тот момент, когда там происходило изгнание домового. Домовой очень досаждал хозяину ночными стуками и стонами, не давал спать. Ни молебны, ни чудотворные иконы не помогли, и было решено прибегнуть к старинному средству.

На моих глазах вожатый водил дрессированного зверя из горницы в горницу, бормоча ему одному известные заговоры. У каждой двери он отрезал клочок медвежьей шерсти и сжигал его. В довершение сам хозяин лег животом на пол, и медведь осторожно и как-то нехотя прошел взад-вперед по его спине. Как хозяин выдержал вес такой туши — ума не приложу. Потом мне было разрешено дать зверю пряник и почесать за ухом. Таковы эти вероотступники: сегодня он заказывает за большие деньги житие святого, завтра позовет колдуна и с верой будет совершать языческие обряды.

Еще мне рассказали, что некоторые князья

держат у себя дрессированных медведей, чтобы потом устраивать схватки между ними и смелыми охотниками на потеху гостям. Поневоле вспомнишь бои с быком, которые стали теперь так популярны в Испании и Португалии. Впрочем, на бой быков гораздо больше похожа русская охота на бизона — его здесь называют зубром. Собаки выгоняют зверя на открытую поляну, вокруг которой стоят охотники, прячась за деревьями. Один за другим они выступают из укрытия, зубр несется на врага, но тот всегда успевает нанести удар рогатиной и потом укрыться за стволом. Зверь разъяряется все пуще. Особенно возбуждает его вид красной шапки, которую нарочно швыряют ему под ноги. Забава может длиться и полчаса, и час. Каждый охотник старается щегольнуть смелостью и силой, пробегает чуть ли не в дюйме от страшных рогов.

Да, видимо, зрелище льющейся крови будет всегда манить и завораживать зверя в душе человека. Отрадно хотя бы то, что сегодня на аренах больше не льется человеческая кровь, как в Древнем Риме. Впрочем, для человеческой крови мы отвели площади наших городов. Колесования, обезглавливания, бичевания, сжигания… Только не говорите, что нет никакого прогресса! Ведь

на всех этих торжествах должен присутствовать христианский священник.

Прощаясь с Вами, я надеюсь, что Ваша мудрость и доброта подскажут Вам не передавать эти вырвавшиеся у меня слова нашему епископу.

Навеки преданный Вам,

С. З.

Его преосвященству епископу Любекскому, из Пскова, декабрь 1473

Ваше преосвященство, отец и благодетель!

Пишу Вам объятый паникой, почти отчаянием. Уповаю на Вашу мудрость и доброту, умоляю о совете и помощи. Вот что случилось.

Несмотря на тревожные слухи и ожидание новой войны с Ливонским орденом, мейстер Густавсон прибыл в прошлом месяце в Псков с изрядным грузом сукна и селедки. С ним приехал новый приказчик, Гюнтер Досвальд. Вернее сказать, в приказчиках у Густавсона он служит уже несколько лет, но до сих пор надзирал за конторой в Любеке. В Россию был взят в этом году впервые.

Поначалу он показался мне человеком обхо-

дительным, даже чересчур. Вы, наверное, знаете этот тип людей: оказавшись в новой обстановке, они первым делом пытаются разобраться, кто здесь распоряжается, а кто — подчиняется, и только после этого способны отыскать свое место на лесенке неравенства. Дружеские отношения на равных для них непостижимы. В переговорах с русскими купцами, которые я переводил, он делал вид, что совсем не разбирается в мехах, спрашивал названия по нескольку раз, разыгрывал простофилю. Но потом неожиданно — цап! цап! — выдергивал из кучи лучшие шкурки и оставлял псковича стоять с разинутым ртом и с полегчавшим кошельком.

Со мною он вел себя почти подобострастно. Поэтому, когда он попросил меня уделить ему полчаса для обсуждения важного дела, я думал, что речь пойдет о какой-нибудь услуге, в которой не принято отказывать соплеменнику в чужих краях. Мы уселись за столом в моей комнате в доме Алольцевых. Его ранние залысины блестели под светом свечи. Он сказал, что у него есть некая вещь для продажи и он полагает, что из всех возможных покупателей я захочу заплатить за нее самую высокую цену.

— Что же это за таинственная вещь, которая

может заставить меня раскошелиться? — насмешливо спросил я.

Он достал из-за пазухи глиняную трубку и извлек из нее несколько листков бумаги. Показал мне их издали. Конечно, я сразу узнал их. Помните, мы не могли понять, куда девалось мое мартовское послание? То, в котором я подробно описывал перестройку северной башни Псковской крепости, приводил размеры, указывал расположение ворот и бойниц? Он перехватил его, выкрал из бочонка с воском, сохранил, привез с собой.

Сердце у меня начало падать в пустоту. Оно летело все быстрее и больнее, будто его обдувало холодным заоконным ветром. Казалось, ему давно пора было стукнуться о дно моего живота. Но нет — оно все летело в ледяной пустоте.

— Думаю, псковские власти согласились бы выложить кругленькую сумму за этот документ, — сказал Досвальд. — Но вдруг вы захотите заплатить больше? Я решил предложить сделку сначала вам. Ведь соотечественники должны помогать друг другу, не так ли?

О, нет — теперь в нем не осталось и тени подобострастия. Он упивался моим страхом, упивался своей властью, моим унижением. Нечасто, на-

верное, доводилось ему держать в руках судьбу другого человека. Волк, вонзивший зубы в шею лося, не мог бы испытать такого торжества, какое светилось в глазах этого негодяя.

— Сколько? — хрипло спросил я. — Сколько вы хотите?

И не поверил своим ушам.

— Что?! Вы с ума сошли! Откуда я могу достать пятьдесят рублей?

— Ну, это уж не мое дело. Продайте мастерскую, займите под проценты, украдите у своего хозяина Алольцева. Я, видите ли, задумал жениться. И мне хотелось бы ввести жену в собственный дом. Вы не представляете себе, как выросли цены на недвижимость в Любеке за годы вашего отсутствия.

Я лихорадочно прикидывал расстояние между нами. Смогу я достать его одним прыжком? Или опрокинуть на него стол? Ростом он не выше меня, и плечи, пожалуй, у него поуже…

Словно угадав мои мысли, он расстегнул кафтан. За поясом блеснула рукоятка кинжала.

— Я мог бы набрать за неделю рублей восемь, — сказал я. — Может быть, даже десять. Если мне удастся получить долги с заказчиков.

— Нет, об этом не может быть и речи. За десять

рублей я не смогу купить в Любеке даже сторожку. Сорок — или я завтра же иду в Псковский Кремль, который вы так хорошо описали в своих посланиях.

С трудом мне удалось уговорить его дать мне отсрочку. Я вручил ему все серебро, которое у меня было, выписал вексель на оставшуюся сумму, которую обещал добыть к его следующему приезду. Поэтому умоляю Ваше преосвященство: пришлите мне все деньги, которые Вы откладывали для меня согласно нашему уговору. А если их накопилось недостаточно, добавьте в счет будущих выплат. Или отдайте негодяю прямо в Любеке. Иначе мне грозит позорная и мучительная смерть. Здесь с лазутчиками расправляются так же безжалостно, как в Новгороде.

Мейстеру Густавсону я ничего не сказал о происшедшем, боясь, чтобы он не начал принимать свои меры и не привлек внимания местных властей. Он обещал увезти это письмо в своем кошельке, не заглядывая в него, и вручить его Вам из рук в руки. Поэтому я могу присовокупить к этому воплю о помощи свой очередной отчет.

Как я уже сообщал Вам, летние переговоры между Псковом и Ливонским орденом, происходившие на берегах Нарвы, окончились ничем.

Война казалась неизбежной. Псковичи отправили в Москву послов с просьбой о помощи. Князь Иван обещал прислать войско, когда будет нужда в нем. Наконец послу по имени Игнатий Иголка удалось проколоть каменное сердце московского властелина и убедить его в том, что помощь необходима срочно.

И вот две недели назад у южных ворот крепостной стены появились первые отряды московской рати, приведенной знаменитым воеводой Даниилой Холмским. Кажется, это был первый случай в истории, когда чужое войско смогло войти в Псковский Кремль. Должен признать, зрелище было внушительное. Блеск шлемов, полосканье знамен, звон колоколов вперемешку со звоном доспехов, лошадиное ржание, вплетенное в пение гимнов… Час проходил за часом, а войска все текли и текли. С помоста их приветствовали псковские бояре, посадники, архиереи. Отряд за отрядом пересекал территорию Кремля и удалялся по мосту за реку, где ратникам были приготовлены дома в посаде Завеличье (название означает: «За рекой Великой»). Алольцев сказал мне, что около двадцати русских городов, князья которых признали в последние годы главенство Москвы, прислали свои полки.

Псковичи надеялись, что присланное войско отправится вместе с псковской ратью в Ливонию через три-четыре дня, и сделали соответственные запасы продовольствия и фуража. Но тут военные планы были разрушены полководцем по имени Погода. Началась неслыханная в этих краях для декабря оттепель. Лед на озерах и реках растаял, снег, покрывавший леса и поля, стремительно превращался в мутные потоки, болота расползались навстречу друг другу. Людмила Алольцева была рада отсрочке военных действий и шутила над мужем, советуя ему выступить на вече с предложением: посадить войска на лодки и насады, а князей объявить адмиралами. Пора псковичам и москвичам учиться морскому бою, если они хотят выйти к берегам Балтики и состязаться с Ганзой.

Но скоро даже у нее шутливое настроение испарилось. Ибо от безделья и нехватки припасов московская рать заскучала и начала бесчинствовать и грабить тех, кого ее послали защищать. Если провизия дорожает, рука вооруженного покупателя с охотой ошибается и вместо легковатого кошелька достает тяжелую саблю. Ратники кучками бродили по улицам, напивались, отнимали у торговцев на базаре провиант, выпивку, одежду, а иногда вламывались и в дома

псковичей и грабили их так, будто находились в завоеванном вражеском городе.

Особенно разгулялись татары. Москва использует их во всех своих войнах, но не умеет укрощать их свирепый нрав. Для кочевника-татарина все люди, согласившиеся запереть себя в коробки домов, проводящие жизнь в перепахивании земного праха, достойны лишь презрения. У них бытует такое проклятье: «Чтоб ты всю жизнь оставался на одном и том же месте, как христианин, и нюхал собственную вонь». Для защиты от их бесчинств псковичам пришлось учредить патрулирование улиц, и Алольцев часто исчезал на всю ночь, участвуя в дозорах.

Казалось, этому бедствию не будет конца. Но тут в Псков прибыл гонец от дерптского епископа с предложением о заключении мира. А вскоре вслед за ним — и послы от магистра Тевтонского ордена. Сейчас они ведут переговоры с псковичами при участии воеводы Холмского. Похоже, немецкая сторона уступает во всем. Все старинные споры о границах, о торговых правах вдруг оказываются легко разрешимыми, когда одна из сторон имеет в качестве аргумента двадцатитысячную московско-татарскую рать.

Но спрашивается: откуда берется такая сила

у московского князя? Два года назад он сумел сломить Новгород, сегодня — диктует свои условия Тевтонскому ордену. И это при том, что с запада ему постоянно угрожает Литва, с востока — Казанское ханство, а с юга непрерывно давит монгольская орда, которой он до сих пор вынужден платить дань.

Правда, с этой данью не все так просто. По традиции последних ста лет Москва сделалась главным собирателем дани со всех русских городов (дань называется «ордынский выход»). Алольцев и отец Денис объясняли мне, что эта ситуация очень укрепила положение Москвы. В своем соперничестве с другими княжествами, например с Тверью, с Владимиром, она всегда могла опереться на монгольскую силу: обвинит соперников в недостаточной уплате, и вот уже монгольские отряды врываются в земли «провинившихся». А сегодня, пользуясь своей возросшей силой, Москва платит монголам все меньше, а с городов и князей собирает полной мерой. Таким образом, солидная разница оседает в московской казне.

На этом позвольте мне закончить и, в заключение, вновь припасть к Вашим стопам с мольбой о помощи. Если я не получу от Вас необходимых

средств, чтобы откупиться от этого безжалостного вымогателя, мне грозит позорный и мучительный конец.

Всегда преданный Вам,

С. З.

Эстонский дневник

Вчера открыл наугад Библию и начал читать. Это была глава 39-я Книги Бытия — про Иосифа в доме Потифара.

Зачем Ты шлешь мне такие предостережения? Неужели не видишь, что я и так раздавлен виной, страхом, раскаянием?

Но все же, но все же…

Правда ли, что одна лишь добродетель удержала Иосифа от греха? Мы ведь ничего не знаем про жену Потифара. Может быть, она была стара, безобразна, сварлива, беззуба. Может быть, хромала, дурно пахла, рыгала, заикалась. Наверняка не умела петь. Наверняка была лживой и жестокой — почти погубила невинного своей клеветой.

А сам Потифар? Зная нрав своей супруги, поверил ли он ей? Не слишком ли мягкое наказание наложил на Иосифа? Всего лишь заключение в

темницу. За настоящую попытку изнасиловать жену господина раба следовало бросить в пруд с крокодилами. А начальник темницы? Он вскоре сделал Иосифа по сути главным надзирателем тюрьмы. И доверял ему во всем так же, как Потифар в своем доме.

Конечно, когда мы оказываемся в одной горнице втроем, я иногда взглядываю на Алольцева и думаю только об одном: знает или нет? видит или не видит? Но потом перевожу взгляд на нее, и тревога моя утихает. Ни речь ее, ни вид, ни смех, ни голос никак не меняются при моем появлении. Просто один из домочадцев вошел в комнату. Ему можно мельком улыбнуться, о чем-то спросить, а то и вовсе не заметить, тут же забыть. И тогда уже не тревога, а тоска разливается в моей груди. Неужели я, и правда, ничего не значу для нее? И все эти знаки, эти обжигающие касания пальцев, эти долгие взгляды, это учащенное дыхание, когда мы наедине, — только плод моего воображения?

Что страшнее: разоблачение или равнодушие? «Пытке невинных посмеивается…» Неужели Тебе это нужно — чтобы душа человека корчилась перед таким выбором? А может, Тебе и конечный выбор не так важен, а главное — чтобы корчились?

Непостижимы, неисповедимы пути Твои.

Но все же Ты послал в конце избавление рабу Своему Иосифу, вывел из темницы, сделал советником фараона. Нет, о возвышении я не прошу, только об избавлении от погибели. Неужели не помилуешь? Неужели отдашь под топор псковского палача?

Глава 8. Посольство в Москву

Фрау Урсуле Копенбах, Псков, август 1474

Добрейшая и далекая матушка!

Неужели это правда?! Живя за сотни миль от меня, только по моим письмам Вы почувствовали такие глубокие перемены во мне? Неужели у Вас действительно порой мелькает ощущение, будто Вы читаете письма иностранца, очень хорошо выучившего немецкий язык, но не имеющего настоящего интереса к жизни в Германии?

Но почему, почему?

Да, я не расспрашиваю Вас о жизни в Любеке. Но это лишь потому, что Вы сами, без моих расспросов, так занятно и подробно описываете городские новости, сплетни, праздники. Конечно, мне хочется без конца делиться с Вами всеми своими наблюдениями над русской жизнью, своими мыслями и переживаниями. Но это вовсе не значит, что русские, как Вы говорите, стали для меня ближе и понятнее и дороже моих соотечественников. Я так много рассказываю про них именно потому, что хочу изо всех сил удержать в своей жизни Вас и Грету, сделать вас причастными

моему существованию. А жизнь моя пока течет здесь, и я должен подчиняться всем ее извивам, как подчиняется корабельщик извивам, порогам, быстринам реки.

И все же Ваше письмо заставило меня взглянуть по-новому на этих людей, которые — как Вы утверждаете — затягивают меня в свою гущу, налагают свою печать. Сто раз приношу извинения за то, что собираюсь опять поддаться своей страсти и начать с непозволительного «русские вообще». Так вот, русские вообще отличаются от нас в первую очередь тем, что они почти не верят словам. И это не потому, что они подозревают собеседника, или книгу, или письмо во вранье — отнюдь нет. Но они как-то бессознательно, заранее уверены в беспомощности слов, в невозможности выразить ими какую-то главную, сердечную правду. Например, русский будет внимательно слушать то, что ты ему говоришь, но при этом тебя не покидает ощущение, что он напряженно вглядывается куда-то дальше и глубже, за горизонт речи, в то, что кроется где-то за твоим лбом, за затылком, за спиной.

Выражение его лица во время разговора часто меняется непредсказуемо. Невозможно понять, из-за чего он сейчас нахмурился, из-за чего

улыбнулся, чему удивился. В словах твоих явно не было ничего обидного или смешного, или необычного. Но, видимо, он расслышал что-то глубинно важное про тебя, чего ты, может быть, и сам не знал. А он вот понял и поверил этому больше, чем твоим словам.

Еще Вы справедливо упрекнули меня в том (конечно, я расслышал Вашу иронию, дорогая моя Наставница), что раньше я описывал всех Алольцевых, а теперь все больше кружусь только вокруг одного из членов этого семейства. Спешу исправиться.

Сыну Андрею уже четырнадцать, он обещает вырасти крепким и красивым юношей. Родители по праву гордятся им. На занятия у него теперь остается все меньше времени, потому что отец все чаще берет его с собой в деловые поездки, обучает торговому делу. Недавно они вместе ездили в Москву и вернулись очень возбужденные. Московские церкви и монастыри, Московский Кремль, московские мосты и крепостные стены произвели на них сильнейшее впечатление.

В России купцы для своих поездок стараются присоединяться к какому-нибудь посольству. Путешествовать большим караваном и безопаснее, и легче преодолевать дорожные препятствия

— завалы, оползни, разливы. Так и в этот раз Алольцевы ездили вместе посольством псковичей к князю Ивану. Явились послы в Москву в самый неудачный момент: там только что, в мае месяце, рухнул строившийся в Кремле Успенский собор. Его возведение должно было увековечить победу князя Ивана над Новгородом. Народ был подавлен, все видели в этом событии дурное предзнаменование, знак Божьего гнева. Князь Иван не только не принял псковских послов, но даже не пустил их в Москву. Они провели пять дней в шатрах, разбитых за городской стеной, и вынуждены были вернуться, увозя обратно свои дары и челобитные.

Зато Алольцев за эти пять дней сумел заключить много выгодных сделок. Московские косторезы наперебой покупали у него привезенные моржовые бивни. Резные рукоятки из моржовой кости к кинжалам вошли в большую моду у персидской и турецкой знати, так что купцы из Азии отдают за них золото и драгоценные камни сколько ни запроси. Еще Алольцев привез миниатюрные резные распятия, сделанные из кости псковскими мастерами, — эти у него раскупили богатые московские иереи.

Сердечно благодарю Вас, матушка, за прислан-

ные чертежи печатного устройства. Сейчас мои финансовые дела не очень хороши. Но как только они улучшатся, я куплю все необходимое и приступлю к изготовлению станка. Кто этот Лукас Брандис, чье имя стоит на чертежах? Уверен, что он содрал с Вас кругленькую сумму. Конечно, с Вами я тоже расплачусь. Доход с первой отпечатанной книги пойдет целиком Вам.

Не думайте только, что мое предубеждение против печатного дела испарилось. Я по-прежнему считаю, что в книге, переписанной человеческой рукой буква за буквой, накапливается заряд теплой читательской любви. Либо заказчик, платящий деньги, либо переписчик, вкладывающий свой труд, должны были как-то открыть свою душу содержанию книги. А делать механические оттиски можно с чего угодно, не вкладывая в это дело никакого чувства. Но тут произошло событие, которое убедило меня, что возврата нет, что печатное дело завоюет Европу, хотим мы этого или нет.

В Псков доставили отпечатанный и переплетенный экземпляр «Божественной комедии» знаменитого Алигьери, умершего полтора века назад.

Как жаль, что Вы не знаете итальянского! Мне

так хотелось бы поделиться с Вами переживаниями, которые вызывает во мне эта поэма. Конечно, в ней много поэтических красот, ярких образов, возвышенных мыслей. Но есть очень много и сцен или целых глав, смущающих душу, погружающих ее в сумрак сомнения, а порой и отчаяния.

Алольцевы, увидев, с каким волнением я листаю привезенный фолиант, попросили меня рассказать, о чем там идет речь. Я сказал, что по сути это описание путешествия в стихах. (Русские не знают, что такое «поэма».) Но, в отличие от обычных земных путешественников, автор побывал на том свете и описал Ад, Чистилище и Рай.

— То есть все выдумал? — спросила Людмила.

— Не совсем, — ответил я. — Мы ведь не называем выдумкой Откровение Иоанна Богослова о последних днях мира. У просветленных душ бывают видения, озарения о мире потустороннем или о будущих временах. И потом они пытаются описать эти видения человеческими словами.

Я стал переводить, вернее пересказывать им прозой главы-песни, открывая книгу наугад там и тут. Постепенно они смирились с вольным полетом фантазии, дозволенным Музами поэзии их избранникам, стали расспрашивать и комментировать. Например, их поразило и даже

возмутило, что дерзкого противника папства, отлученного от церкви короля Сицилии и Неаполя Манфреда — Алигьери встречает не в Аду, а в Чистилище. То, что он успел покаяться перед смертью, показалось им недостаточным искуплением за все грехи и преступления, совершенные им при жизни. Зато их порадовали слова Манфреда о том, что молитвы живых необычайно помогают душам, ждущим решения своей участи в загробном царстве.

Хотя русские не верят в Чистилище, они согласны с учением нашей церкви о том, что души ждут Последнего суда в разных условиях, в зависимости от прожитой жизни. По их верованиям, благочестивые ждут в светлом месте, под надзором милостивых ангелов, а нечестивцы — во мраке, под надзором ангелов страшных. И здесь заупокойные молитвы близких могут очень облегчить положение усопших. Но вообще-то они полагают, что душа, отделившись от тела, не подлежит наказанию, ибо, если она осквернила себя, находясь в теле, то и искуплению она должна подвергнуться вместе с телом — то есть после воскресения из мертвых, в день Последнего суда (русские называют его Страшным судом).

Выбирая отрывки, я старался обходить те ме-

ста, где поэт вводит персонажи не из Библии, а из античной мифологии, которую русские просто не знают. Но это оказалось делом нелегким. Я как-то забыл или упустил из виду то, насколько в нашем искусстве за последние два века размылась граница, отделяющая церковное учение от всего мира дохристианского язычества. Там и тут у итальянского поэта — горячо верующего христианина — мелькают имена Дианы, Каллиопы, Хирона, Геракла, Электры, Цербера, Плутоса. Толпами проносятся нимфы, кентавры, гарпии. Мои слушатели были крайне удивлены, когда я прочел им отрывок про Миноса, назначающего грешникам круг ада по числу колец хвоста, которым он обвивает свое тело. Они привыкли верить, что суд вершит Христос или хотя бы кто-то из апостолов. И то, что поэта ведет в загробном царстве язычник Вергилий, тоже показалось им крайне подозрительным.

Тогда я поспешно открыл Песнь четвертую и пересказал им описание Лимба — пристанища ветхозаветных пророков, праведных нехристиан и некрещеных младенцев. Людмила Алольцева даже немного всплакнула, представив себе свою умершую дочку среди этих теней.

В конце концов, моих слушателей, мне кажется,

примирило с Алигьери то сострадание, которое он постоянно испытывал к мучениям грешников. А в одном месте они оба согласно и задумчиво стали кивать: на строчки 34–44 Песни третьей «Чистилища», в которых говорится о непостижимости для человеческого разума тайны Святой Троицы и о том, что будь для нас все понятно и открыто, не было бы нужды и Христу приходить в этот мир.

На этом прощаюсь с Вами, моя добрейшая, и иду укладывать дорожные сумки: псковичи отправляют новое посольство к князю Московскому и включили в него меня для того, чтобы я помог им обратиться в великой княгине, Софии Палеолог, которая еще не вполне овладела русским языком.

Всегда, всегда с Вами,

С. З.

Епископу Любекскому, из Пскова, ноябрь 1474

Ваше преосвященство, учитель и благодетель!

Конечно, для меня было большим облегчением узнать, что против приказчика мейстера Густавсона, этого отвратительного и зловещего

Досвальда, было выдвинуто обвинение в ереси. Чего-то подобного следовало ожидать. Ибо только человек, отпавший от Бога, мог попытаться проделать с ближним — с единоверцем и соплеменником! — то, что он попытался проделать со мной. Благодарю Вас за то, что Вы указали трибуналу инквизиции на необходимость проверить чистоту веры этого проходимца.

Но каким образом стражники, посланные трибуналом, могли упустить его? Был он кем-то предупрежден? Ведутся ли розыски? Он исчез — но куда? Что мне делать, если он объявится в наших краях и вновь предстанет передо мной, требуя денег? Как Вы понимаете, спокойный сон не снизойдет на мою душу до тех, пор пока этот негодяй не будет схвачен и упрятан за решетку.

А пока я должен вернуться к выполнению своего долга и дать Вам полный отчет о поездке в Москву с псковским посольством.

Вид этого города с окрестных холмов ошеломляет путешественника и врезается в память навеки. Представьте себе море зелени — или море желтой листвы, которое мы увидели на обратном пути, — посреди которого тут и там стоят готовые к отплытию белые корабли — храмы, церкви, монастыри. Конечно, когда въезжаешь на улицы,

видишь другое море — море грязи. Только вблизи Кремля мостовые вымощены деревянными торцами или тесаными бревнами. Во многих местах жители строят дощатые помосты вдоль улиц, но они весьма недолговечны, и ходить по ним следует с осторожностью канатоходца.

Огромность города в какой-то мере связана с тем, что дворы в Москве гораздо просторнее, чем в Новгороде или Пскове. Москвичи уверяют, что постройка домов далеко друг от друга ослабляет угрозу распространения пожаров. Не верьте: пожары в Москве свирепствуют еще хуже, чем в северных городах.

Я поначалу не мог понять, почему огонь в русских городах перелетает с улицы на улицу, как их сказочная жар-птица. Ведь искрам, падающим на заснеженную крышу или мокрую бревенчатую стену, не так легко превратиться в огненный язычок. Потом понял: сено! Каждый дом запасает на зиму большое количество сена для лошадей и скота. Достаточно одной искре залететь на сеновал — и дом вспыхивает как факел. Вместо моря зелени получается море огня. Отряды тушителей носятся в дыму по улицам, длинными топорами разбивая загоревшиеся дома, катая бревна по земле. В Москве, говорят, сам великий князь по-

рой скачет посреди ночи на помощь пожарным, хватает топор, лезет в огненные вихри. Но когда я спрашиваю, почему бы не хранить сено во дворе, в виде стогов, местные только пожимают плечами. «У отцов наших и дедов так было заведено, чтобы в доме, под крышей — не нам то менять. Да и разворуют во дворе того и гляди».

Великого князя я видел только один раз, когда псковское посольство было допущено лицезреть его возвращение из поездки в Коломенский монастырь. Копыта его коня оставили ошметки грязи на расстеленном ковре. Право подъехать верхом к дворцовой лестнице принадлежит только великому князю. Всякий, кто попытается нарушить эту прерогативу, будет сурово наказан. Сойдя с коня, князь Иван ласково обратился к псковским послам и назначил им явиться с грамотами и подарками назавтра. Но на самих переговорах я не присутствовал.

Зато посадник Терентий Андреевич взял меня с собой, когда его принимала великая княгиня Софья. Она запомнила его с первой встречи на берегу Чудского озера и обошлась как со старым другом: милостиво приняла подарки от Пскова, доверительно поделилась своими тревогами. Детей у нее еще нет, однако она крепко верит,

что Богородица услышит ее молитвы и пошлет ей потомство. Но что действительно раздражает, тяготит, а порой и возмущает ее — это постоянное и назойливое шныряние по Москве посланников, баскаков, собирателей дани из Золотой Орды и их вооруженной свиты.

Оказывается, до недавнего времени у них был свой дом даже в Кремле. Княгиня Софья решила с этим покончить. Она послала дары жене главного монгольского хана Ахмата и письмо, в котором извещала, что во сне ей было видение: Богородица повелела построить церковь на том самом месте, где в Кремле было Ордынское подворье, то есть резиденция непрошеных гостей из Сарая. Княгиня просила уступить ей это место, а взамен взять в два раза больший участок к югу от Москва-реки. Монгольская царица согласилась (при всем своем мусульманстве монголы порой побаиваются Бога христиан и стараются без нужды не гневить Его), и теперь монгольские баскаки переселились в место, именуемое Ордынка.

Но все равно, существующее положение кажется княгине Софье невыносимым. «Доколе мне быть рабыней ханской?» — доверительно шептала она Терентию Андреевичу. Она подбивает своего мужа перестать наконец платить дань

монголам. И ни в коем случае не подчиняться их требованиям вернуться к старым обычаям, когда московский князь должен был ездить в Орду на поклон, должен был выходить из города пешком навстречу монгольскому послу, подносить ему кубок с кобыльим молоком и выслушивать чтение ханской грамоты, стоя на коленях.

Князь Иван прислушивается к словам жены. Все же она — живой свидетель того, что может случиться с христианским государем, надеявшимся на прочный мир с магометанами. Но, с другой стороны, страх Москвы перед монголами еще слишком свеж и силен. Примерно сто лет назад русские впервые победили монголов в большой битве. Но уже два года спустя их князь Дмитрий Донской (прадедушка нынешнего князя Ивана) не смог отбить новое нашествие. Монголы вторглись в русские земли, захватили Москву и другие города, перебили и увели в рабство чуть ли не миллион жителей.

Потом наступило для русских некоторое облегчение: с юга в монгольские владения ворвались полчища знаменитого Тамерлана. Да и внутренние раздоры монголов становились все свирепее. Один из великих ханов, Улу Мехмед, был убит собственным сыном, который основал на Вол-

ге независимое Казанское ханство. Его братья убежали от отцеубийцы, вступили в союз с московским князем Василием Темным и создали другое независимое ханство с главным городом Касимов. Это Касимское ханство до сих пор остается верным союзником Москвы. Да и другие монгольские царевичи и монгольские отряды все чаще откалываются от Орды и поступают на службу к русским и литовским князьям.

На сегодняшний день, как я понял, особый интерес представляет независимое татаро-монгольское ханство, утвердившееся в Крыму. Его глава, хан Менгли-Гирей, через посредничество богатого еврейского купца Хози Кокоса вступил недавно в переговоры о союзе с московским князем Иваном. Кто еще, кроме еврея, мог бы состряпать союз между христианским государем и мусульманским? Видимо, он правильно подметил, что у этих двоих — общие враги: монгольский хан Ахмат и литовский король Казимир. А ведь ничто так не сближает, как общий враг. Этим летом в Москве побывало огромное посольство Менгли-Гирея, с которым прибыли также сотни купцов, пригнавших сорок тысяч азиатских лошадей на продажу. (Лошади эти невелики, но очень выносливы и хороши для

дальних переходов через степи.)

Насколько мне известно, венецианский посол Тревизан сейчас находится в столице Золотой Орды, городе Сарае-Берке, и пытается уговорить хана Ахмата вступить в союз с Венецией против турок. А Менгли-Гирей стал союзником турецкого султана. Таким образом, военное противоборство в далеких донских и волжских степях вдруг может оказать сильное влияние на борьбу, которую христианская Европа должна сегодня вести с турецким нашествием. Именно поэтому я предполагаю внимательно следить за всеми новостями из этих районов и поспешно передавать их Вам.

Еще несколько слов о Крыме. Уже древние греки проложили морской путь к этому полуострову. Потом он был частью Боспорского царства, потом Скифского, хотя прибрежные города долго оставались в руках европейцев. В самом крупном городе Крыма, Феодосии или Кафе, до сих пор существует торговая колония генуэзцев. Но вряд ли ей удастся удержаться там надолго, посреди враждебного мусульманского окружения. Итальянские развалины наслоятся на греческие и боспорские и будут дожидаться, чтобы какие-то неведомые будущие племена пришли откапывать их с такой же жадностью, с какой мы сегодня

откапываем развалины Древнего Рима, Неаполя, Афин.

Что еще сказать о Москве? Мне бросилось в глаза, что врут и жульничают здесь гораздо больше и легче, чем в Пскове и Новгороде. Пристав, которому было поручено снабжать псковское посольство всем необходимым, привез нам провонявшую солонину, двух кур, три дюжины яиц и еще какой-то дряни. Не желая портить отношения с княжеским двором, мы не стали жаловаться, а просто прикупили все необходимое у хозяина постоялого двора. На следующий день пристав таскал хозяина за волосы и кричал нам, что все добавочное мы должны закупать только через него. Тут Терентий Андреевич пригрозил ему доложить о его проделках в Посольский приказ и отправил меня с двумя слугами на базар. Но и на базаре нам пришлось быть все время начеку. Можно прямо сказать, что если московский рубль дешевле новгородского в два раза, то слово москвича дешевле слова новгородца раза в четыре.

Псковские послы уехали из Москвы довольные и обнадеженные. Великий князь Иван говорил с ними милостиво, подношение в сто пятьдесят рублей принял, обещал во всем «держать мою вотчину Псков по старине». Но на днях прибыл из

Москвы назначенный наместником князь Ярослав Васильевич Оболенский и сразу начал такие нововведения с налогами, что псковичи только охают, кряхтят и не знают уже, кому жаловаться, у кого искать заступы. Алольцев мне сказал, что раздаются даже голоса, чтобы просить покровительства Литвы. Но страшная судьба Новгорода у всех еще слишком свежа в памяти — дальше разговоров литовские планы не идут.

На этом я кончаю затянувшееся послание и еще раз припадаю к стопам Вашего преосвященства с просьбой немедленно сообщать мне любые новости о моем враге, о безбожном и коварном приказчике Досвальде.

Вечно преданный Вам и благодарный,

С. З.

Эстонский дневник

Перечитываю «Божественную комедию». Впервые заметил, что она переполнена птицами. Души в загробном мире проносятся, как ласточки, как голуби, как журавли, как стрижи. Наверное, поэт-изгнанник имел много пустых часов, чтобы смотреть на небеса и провожать глазами птичьи

стаи. Они не долетали до его родной Флоренции, но оставались в поэме.

Смущает непредсказуемость наказаний и воздаяний. Почему одни чревоугодники оказываются в Аду, другие — в Чистилище? То же самое гневные. То же самое — сладострастники.

Смущает изобретательность Творца в заготовлении мучений. Наверное, Алигьери было нелегко любить Его. Сердцем он явно на стороне мучеников. И действительно — за что, например, страдает карфагенская царица Дидона? Она была честной вдовой, когда проезжий красавец Эней вскружил ей голову, обнадежил, обманул, умчался дальше. А Елена Прекрасная? Что она могла поделать, если сама Афродита наслала на нее своего сынка с его стрелами? Елена последовала за Парисом беспомощная, безвольная, влекомая арканом любви. Свободы у нее было не больше, чем у русских полонянок, которые тысячами бредут каждый год, влекомые арканами монгольских всадников. Неужели и им за это назначено носиться в мучительном вихре без сна и отдыха?

А вот что интересно: какая судьба уготована сочинителям соблазнительных историй? В каком кругу окажется автор романа о рыцаре Ланселоте и королеве Дженевре? Того самого романа, над

которым загорелись сердца несчастных Паоло и Франчески? Но нет: собратьев-поэтов Алигьери щадит и не назначает им никаких наказаний.

И пожалуй, он прав. Поэты не виноваты. Сердце влюбленного может разгореться и над Святой Библией. Что творилось со мной, когда мы вместе читали по-гречески Песню 29 Книги Бытия? Я вдруг понял, что, живи Иаков в наши времена, Рахиль была бы для него так же недоступна, как для меня Людмила. Ведь Лаван был братом его матери, значит Рахиль была ему двоюродной сестрой. Сегодня их союз был бы объявлен кровосмешением!

Семь лет служил Иаков Лавану за Рахиль. Но ему светила надежда впереди. В этом году исполняется ровно семь лет с нашей первой встречи. Но ни надежды, ни просвета нет для меня. Чужая жена, чужая вера…

О, прошу Тебя: пусть бы она умерла!

Тогда бы я мог любить ее долго и покойно, как Алигьери — свою Беатриче. Которая ведь тоже — не будем забывать — была женщиной замужней. И за любовь к ней поэт вполне может — по Твоим правилам, так хорошо им угаданным, отправиться в сонм сладострастников во Втором круге.

Глава 9. Утраты

Фрау Урсуле Копенбах, Псков, май 1475

Бесценная мать и благодетельница!

Уж и не знаю, как мне откликнуться на Вашу главную новость: поздравлениями или сочувствием. Конечно, я знаю, что каждая мать мечтает о счастье для своей дочери. Хорошо представляю себе, какой радостью сверкали Ваши прекрасные глаза при виде Греты, идущей в белом платье к алтарю.

Но расставание! Разлука!

И не просто в другой дом, на другой улице. Даже не в соседний город нет! Ну, почему так должно было случиться, что она полюбила заморского гостя?! Да еще из далекого Мемеля? Неужели в Любеке не осталось достойных молодых людей, способных зажечь сердце пылкой и чувствительной девушки?

Знаете, моя бесценная, я не могу объяснить это иначе как вмешательством высших сил. Не исключено, что все это произошло не без участия моего покровителя — святого Стефана. Да-да! Слыша, как я тоскую по вам обеим, он решил

вмешаться. У него не было возможности перенести Вас поближе ко мне — и он устроил это замужество Греты с мемельским купцом. Так что теперь она будет жить ровно на полпути между мной и Вами. И как знать: может быть, псковичам взбредет в голову послать в ближайшее время посольство в этот портовый город — и они включат в него меня!

Вы пишете, что мейстер Готлиб понравился Вам своей открытой приветливостью, здравым умом, а главное — тем обожанием, с которым он смотрит на свою молодую жену. К нам иногда приезжают купцы из Мемеля, может быть, судьба принесет и его. О, тогда я пущу в дело все свои приемчики обольщения новых знакомых, распущу, как павлиний хвост, мой дар втираться в доверие, сделаю все, чтобы понравиться и ему и получить от него приглашение навестить его семейное гнездо. Увидеть Грету взрослой, после восьми лет разлуки — какое это будет счастье!

Простите меня, моя добрейшая, за этот фонтан эгоистического ликования. Вместо того чтобы сочувствовать Вашей утрате — а ведь это все же утрата! — я пускаю пузыри неуместных восторгов. Но такова, видимо, изворотливость врага рода человеческого: любой наш порыв он умеет

повернуть к той двери, за которой «грех лежит» и нас караулит.

Утешьтесь, приободритесь, верьте!

У Греты родятся дети, Вы приедете их навестить, я тоже как-нибудь доберусь до Мемеля, и тогда мы все соберемся вместе и ненадолго забудем все годы и мили, разделившие нас.

Пока же спешу поделиться с Вами самым ярким переживанием прошедшего года: знакомством с итальянским архитектором Аристотелем Фиораванти. Он останавливался в Пскове на несколько дней по пути в Москву, куда его пригласил князь Иван для строительства Успенского собора в Кремле. Русские мастера начали возводить этот собор несколько лет назад, но не сумели довести дело до конца — в прошлом году недостроенные стены обрушились, приведя москвичей в страх и уныние. Не знаю, на кого они свалили вину за сей знак Божьего гнева в этот раз. Но в далекую Италию был отправлен посол Толбузин с наказом найти хорошего строителя.

Хотите «уличный» портрет синьора Фиораванти? Его взгляд ловит собеседника всегда чуть искоса. Будто он был занят другим делом, другим разговором, а вы внезапно вторглись и отвлекли его внимание. И он спешит оценить, прикинуть:

кто перед ним? надолго ли помеха? кто из двоих кому нужнее — я ему или он мне? есть ли надежда на проблеск живого чувства, острой мысли, или придется терпеть одни вежливые банальности? Он будто дает вам кратчайший срок — минуту, две, — чтобы успеть удивить его, или заинтересовать, или позабавить. Но если почувствует хоть тень обмана или пустой лести в ваших словах, взгляд его улетит в пустоту и пальцы начнут нетерпеливо барабанить по столу, будто объявляя конец аудиенции.

Мне посчастливилось заслужить его расположение. Когда я переводил ему речи псковских посадников, водивших его по городу, он время от времени — без улыбки — ронял иронические замечания в их адрес, предназначенные мне одному. Но собор Святой Троицы и Псковская крепость вызвали его искреннее восхищение. Лица псковичей сияли под лучами его похвал. Однако по вечерам он пользовался любым поводом, чтобы уединиться со мной и засыпать вопросами о русских нравах, порядках, обычаях, верованиях.

Правда ли, что по их понятиям всякий прикоснувшийся к иностранцу считается нечистым?

Какие из местных продуктов и блюд годятся для желудков приезжих европейцев, а какие лучше

незаметно смахнуть под стол?

Можно ли пользоваться их почтой или лучше отправлять письма только с верными людьми?

Вместе с ним в Москву едет его приемный сын Андреа — найдутся ли там бордели, где молодой человек сможет остудить юношеский пыл?

Разрешены ли азартные игры, до которых оба они большие охотники?

На все это я пытался давать ему честные ответы, сдабривая их незатейливым юмором, который ему всегда по душе. На третий день он проникся таким доверием ко мне, что поделился горькими чувствами, накопленными за годы работы в Италии:

— Представьте себе судьбу мастера, художника, казалось бы, достигшего признания, — объяснял он, — поднявшегося до поста главного архитектора Болоньи, ждущего приглашения на большой важный проект — и что же? К нему, как и двадцать лет назад, текут и текут только заказы на перестройки и переделки. На свою голову я научился отлично исправлять ошибки и провалы других. Вы не можете себе представить, сколько я выровнял на своем веку искривившихся крепостных стен, выпрямил покосившихся колоколен, передвинул зданий, построенных на болотистых

грунтах. Плюс каналы, акведуки, мосты. Но настоящее дело — дворец, храм — где же, когда?! Десять московских рублей в месяц — плата щедрая, но, сознаюсь вам, ни за какие деньги не поехал бы я в вашу страшную Московию, если бы не этот главный неодолимый соблазн: построить собор от начала до конца. Правда, выдвинуто условие, чтобы он повторял в основных чертах те, что уже стоят в Киеве и Владимире. Но ведь любой канон оставляет свободу творчества. И, Господь свидетель, я собираюсь воспользоваться ею до предела.

Мне рассказывали, что поначалу строительство собора в Москве было поручено старому опытному подрядчику Ермолину. Но потом его заставили взять в напарники молодого отпрыска знатного боярского рода. Видимо, этот юнец повел дело таким образом, что Ермолин предпочел за лучшее отказаться от почетного поручения. И вовремя! Синьор Фиораванти собирается отыскать Ермолина в Москве и попытается нанять его снова.

Еще я разговорился и даже подружился с писцом и переводчиком посла Толбузина — Антоном. Он вез из Италии несколько интересных книг. Как Вы догадываетесь, запойные книгочеи на-

ходят общий язык так же легко, как запойные пьяницы. Поэтому вскоре писец сообщил мне по секрету, что не одна только жажда свободного творчества гнала синьора Фиораванти из Италии. Пару лет назад он был арестован в Риме по обвинению в чеканке фальшивой монеты. Скорее всего, это была клевета, пущенная другими мастерами, которые хотели избавиться от талантливого соперника. Но синьор Фиораванти счел за лучшее не оправдываться и бежал ночью из города. Городской совет Болоньи, по неизвестным причинам, снял его с поста главного архитектора. Набивая себе цену, Фиораванти уверял московского посла, что им построен собор Святого Марка в Венеции, Баптистерий во Флоренции и другие знаменитые здания. Послу было приказано добыть итальянского строителя любой ценой, поэтому он делал вид, будто верит его бахвальству, и обещал вдобавок к условленной плате отдельный дом в Москве.

На прощание синьор Фиораванти сказал мне, что если я решу переехать в Москву, он с радостью возьмет меня на должность секретаря и переводчика. Мне это польстило, и я даже готов был всерьез обдумать его предложение. Но потом вдруг понял, что Москва — это в два раза дальше

от Вас и Греты, чем сейчас! Нет, нет и нет!

Прощаюсь с Вами, моя добрейшая, и с нетерпением буду ждать весточки от Греты, из ее нового дома в Мемеле.

Всегда преданный Вам,

С. З.

Епископу Любекскому, из Пскова, декабрь 1475

Ваше преосвященство, учитель и благодетель!

Сказать, что Ваше последнее письмо повергло меня в полное отчаяние, значит не сказать ничего!

У меня нет слов, которыми я мог бы описать эту смесь тоски, унижения, страха, обиды и возмущения — да-да, и возмущения тоже! — которая плещется в моей груди, давит на сердце, раздувается в горле.

Уже и первого известия в Вашем письме было бы достаточно, чтобы вогнать меня в глубокую печаль на многие дни. Всего лишь несколько месяцев назад я поздравлял фрау Урсулу с замужеством дочери, сочинял планы нашей общей встречи в Мемеле — и вот все рухнуло так внезапно, как обвал в горах.

Отчего начался пожар в ее доме? Кто был с ней в эту ночь? Слуги, гости? Очень понимаю, как пережитый страх мог потрясти душу моей благодетельницы, заставил ее принять это судьбоносное решение: уйти в монастырь. Земной огонь — нам, христианам, всегда будет чудится в нем отблеск адского пламени. И отсюда — порыв искупить грехи прожитой жизни, очистить душу, дать ей слиться с Господом еще на этом свете. Провожая близкого человека в монастырскую келью, мы всегда будем испытывать эту мучительную раздвоенность чувств: горечь утраты и радость за душу, нашедшую покой.

Но почему, почему к этой муке должно было добавиться такое разрушительное вторжение в мою собственную жизнь?

Хорошо, я понимаю: при поступлении в монастырь послушница обязана исповедаться подробно, рассказать о своих грехах, ничего не скрывая. Я понимаю, что ее духовный отец должен был задавать ей разные наводящие вопросы, в том числе спросить, не склонялась ли она к какой-нибудь ереси, не общалась ли с еретиками. И понимаю, что фрау Копенбах, желая быть предельно искренней и честной, упомянула о прощальном визите моего отца и о том, что

он всю жизнь, оказывается, оставался тайным гуситом.

Но почему после этого ее духовный отец счел своим долгом — в нарушение тайны исповеди! — послать донос в трибунал инквизиции НА МЕНЯ — этого я не пойму никогда!

А Вы, Ваше преосвященство?! Когда он сообщил Вам об этом, Вы ведь не сказали ему, что знаете Стефана Златобрада с детства. Что никогда, никаким образом он не ведал о ереси своих родителей. Что был воспитан в церковной школе под Вашим личным присмотром, а с одиннадцати лет жил не с родителями, а в доме самой правоверной католички во всем Любеке.

И теперь Вы как-то мимоходом роняете, что по возвращении на родину мне надо будет явиться в инквизиционный трибунал и «дать необходимые разъяснения». Пишете, что это чистая формальность, что «недоразумение будет обнаружено в полчаса».

Вы, правда, верите в это?

Кто из подозреваемых в ереси — когда? где? — был выпущен трибуналом на свободу? Приведите хоть один пример? Разве Вам неизвестны их «методы расследования»? На пятом, десятом, двадцатом повороте винта в испанском сапоге

любой сознается, что плевал на Распятие и совокуплялся с ведьмами.

Нет уж, уверяю Вас: добровольного визита судьи инквизиции от меня не дождутся. Суть происшедшего проста: Вы не вступились за меня. Неужели и Вам, при Вашем высоком положении, страшновато попасть под подозрение в укрывательстве еретиков? Так или иначе, ясно одно: путь на родину мне закрыт. Остается жить в России и каждый день, помирая от страха, ждать, что откуда ни возьмись вынырнет проклятый Досвальд и выдаст меня псковским властям.

В связи с новой ситуацией мне понадобятся деньги. Много денег. Я прошу Вас переслать мне то, что накопилось за семь лет моей безупречной службы. В своем письме Вы обещаете по-прежнему платить мне за мои доклады. Поэтому продолжаю их.

Из Новгорода пришли известия, что месяц назад князь Иван явился туда разбирать жалобы, вершить суд над боярами и посадниками, обижавшими простой народ. Для улучшения правосудия он привел с собой несколько тысяч московской рати, которая разместилась в ближайших монастырях и деревнях. На берегу Волхова установили батарею новейших пушек,

очень повышающих правдивость свидетельских показаний. Сам же князь со свитой, как водится, поселился на Городище, во дворце, куда пригласил на пир архиепископа Феофила — того самого, который приказал своему полку не вступать в битву на Шелони четыре года назад.

Потом начались пиры в самом Новгороде. Каждый боярин старался зазвать князя в гости и поднести ему богатые дары. Нет-нет, мы не будем называть это взятками или даже данью. Наверняка они подносились от чистого сердца, из любви к московскому владыке. Говорят, в каждом доме он получал, как минимум, кисет с золотыми, три-четыре тюка фламандского сукна (по 30 рублей каждый), бочонок вина, моржовый клык. Если все это умножить на двадцать боярских домов, осчастливленных князем, можно догадаться, что к Рождеству у него набралось подарков на длинный обоз. Никакой Санта Клаус в этом году ему не нужен.

Но главное происходило незаметно и в тишине. Под горестные вздохи монахов и иереев московский князь перевел в свою собственность такое количество монастырской и церковной земли, что на ней он сможет прокормить армию служилых ратников, которая не будет стоить ему

ни копейки. А уж на верность таких воинов он сможет положиться в любом походе.

Во время судебных разбирательств шесть бояр были найдены виновными в разных нарушениях и отправлены в московские темницы. Среди них — младший сын Марфы Борецкой. Постараюсь впоследствии узнать, пировал ли у кого-нибудь из осужденных князь Иван. Но даже если и не пировал, мы не позволим себе делать из этого какие-то злопыхательские выводы. Московский владыка мирно приехал в свой город, был осыпан подарками и выражениями преданности, совершил несколько актов правосудия и мирно удалился. Единственное, что может заинтересовать и насторожить коллегию кардиналов в Риме: легкость, с которой единовластный повелитель приступает к конфискациям церковных земель. Если пример князя Ивана покажется королям и князьям Европы заразительным, последствия трудно предсказать.

Да, еще небольшая деталь: незадолго до приезда князя Ивана новгородцы поймали несколько московских лазутчиков и сбросили их с моста в Волхов. Конечно, предварительно им связали руки за спиной и насыпали песку за пазуху. Я уговариваю себя, что все же это лучше, чем мед-

ленно кипящий жир.

Желаю Вашему преосвященству светлого Рождества, Ваш

С. З.

Эстонский дневник

Вчера долго говорили с Алольцевыми о вере. Оказывается, дед Ермолая Лукича в 1427 году был схвачен как член секты стригольников и брошен в темницу на многие годы. Эта секта была очень сильна в Пскове в начале века. Во главе ее стояли люди уважаемые и начитанные. Их главное расхождение с православной церковью состояло в вопросе об обладании сокровищами земными, то есть деньгами и имуществом. Они также решительно восставали против установившегося порядка, при котором места священников в церквах и епископов в епархиях распределялись за плату, «по мзде».

— Дед мой, и выйдя из тюрьмы, отказывался ходить в нашу церковь, рассказывал Алольцев. — «Не хочу, — говорил, — слушать вашего попа. Он по мзде поставлен, молитва его не чиста».

Стригольники учили, что не только священ-

ники могут проповедовать и крестить мирян. Апостол Павел призывал и простого человека нести людям Слово Божье. Нравы тогда в Пскове были свободные. Митрополит и патриарх слали гневные послания, обвиняли псковских священников в отступлении от церковных правил. Так, при крещении детей не погружали в воду, а только слегка обливали; для миропомазания использовали латинское миро, а не дорогое, ввозимое из Константинополя; вдовым попам разрешали снова жениться и служить.

Рассказывая, Алольцев и Людмила переглядывались, словно спрашивали друг друга, как далеко им следует заходить в опасной откровенности. Я был тронут их доверием. Но все же спросил, как они сами относятся к тому, что попы получают места за деньги, что потом берут плату за все церковные службы.

— Конечно, — сказал Алольцев, — попам тоже прожиток нужен. Святым Духом питаться еще не сподобились. Но вот отец Денис правильно говорит: «Чем богаче будут церкви и монастыри, тем больше ленивых и жадных потянется в монахи и священники. А чистой душе места будет все меньше».

— И еще он нам объяснял, — вступила Люд-

мила, — что вера — это вино, а религия, обряды — кубок. Так я запомнила. Вера нас соединяет с Господом недаром мы причащаемся вином. А религия — с отцами, с предками, с соплеменниками. Хорошо, когда и то, и другое могут жить в согласии. Но бывает, что приходится выбирать между новой верой и религией отцов своих. Ведь и апостолам, слушавшим Христа, пришлось отступить от старой веры.

Ее слова запали мне в память. И я как-то по-другому стал думать про своего отца. Может быть, он тоже прошел через это испытание, когда в юности выбирал между новой верой и религией отцов. И хотел избавить меня от мучений такого выбора. Потому и согласился так легко отдать меня на воспитание в добрый католический дом.

Странную новую близость с Алольцевыми заронил в меня этот разговор. Вот, значит, и среди их предков маячит темная тень ереси. Они знают о ней, живут с ней, не осыпают память деда проклятьями.

Может, и мне следует умерить ненависть к отцу-еретику? Может, и мне нужно больше думать о собственных грехах и заблуждениях, чем о чужих?

О, подскажи, научи, направь!

Что дороже Тебе, важнее, праведнее: крепость кубка или вкус вина? Непримиримость в защите догматов или любовь к ближнему, который ищет других путей к Тебе?

Глава 10. Бегство

Фрау Грете Готлиб, в Мемель, из Пскова, июль 1476

Милая, милая Грета!

Не могу выразить и описать, какую чистую радость доставило мне твое письмо. Будто голос из нашего детства долетел до меня — детства, которое твоя (наша!) матушка сумела сделать таким счастливым. Ты нашла столь точные слова, чтобы описать эту смесь печали и умиротворения, которую родил в твоей душе ее уход в монастырь. Я испытал очень похожие чувства. Но правда ведь мы будем всегда помнить ее такой, какой она была, выводя нас на прогулку по улицам Любека: оживленной, принаряженной, встречающей улыбкой каждого встречного, радостно замечающей каждый распустившийся цветок, каждую пролетевшую птицу, каждый отблеск солнца на капле росы. И в то же время давай постараемся радоваться тому, что ей посчастливилось при жизни обрести покой души, который большинству людей может достаться только после смерти.

Но твоя юная душа, наверное, и мечтать не может о покое в эти дни. Представляю, какие стаи черных тревог слетаются на нее с утра каждый день. «Ах, хватит ли у меня сегодня в груди молока для маленького Эдварда? Ах, не слишком ли холоден сквозняк, текущий из открытого окна? Ах, опять этот противный рыбник катит свою тележку по улице! Только бы не задел мальчика своим дурным глазом!»

Конечно, заботы материнства наполняют собой каждую минуту твоей жизни. Но если вдруг наступит просвет, когда тебе захочется поделиться с близким человеком какими-то мыслями; или накатит вдруг волна необъяснимого страха; или останется тяжелый след в душе от встречи с неприятным человеком умоляю! возьми снова лист бумаги, обмакни перо в чернильницу и напиши мне обо всем, что тебя волнует. Мне так хочется узнать все-все про твою новую жизнь! Чем торгует твой муж, мейстер Готлиб, как выглядит ваш дом, что ты видишь из окна своей комнаты, нравится ли тебе священник в вашей церкви, далеко ли базар и лавки, освещена ли улица ночью? Нет такой мелочи, которая была бы мне неинтересной.

В надежде, что и тебе небезразлично, как про-

текает моя жизнь среди восточных вероотступников, расскажу о каких-то событиях последних месяцев. Матушка ведь давала тебе читать мои письма, так что о главном ты имеешь представление. Я с успехом управляю книжной мастерской, выступаю в роли переводчика при появлении в Пскове иностранных гостей и купцов, веду всю заморскую переписку моего хозяина Алольцева. Но раз в год он отправляется в далекие края, где все мои познания в языках были бы без пользы.

Западный берег Белого моря заселен племенами, которые среди русских известны под именем лопарей. Их языка не знает никто. Поначалу русские даже думали, что это племя немых. Они не отвечали ни на какие вопросы и при встрече спешили поскорее убежать в лес. Алольцев ездит к ним за моржовыми клыками и рассказывает о них поразительные вещи. Он только что вернулся из очередной поездки, и я попробую воспроизвести его рассказ. Вдруг и твой муж захочет проложить дорогу в те края — кое-какие сведения могут ему пригодиться.

Путь туда очень длинный и трудный. Сначала добираются до города Вологда (зимой — на санях, летом — верхом), потом достигают озера Воже, из него летом можно доплыть до озера Лаче, а

дальше по реке Онеге достичь Белого моря. При свете белых ночей берег хорошо виден, и можно плыть вдоль него круглые сутки, меняя гребцов. Главная трудность для Алольцева каждый раз отыскать кочевье своего друга, старейшины по имени Ласси. Ласси выучил сотню русских слов, но он не может объяснить заезжему гостю, где его следует искать в следующем году. Лопари кочуют вслед за зверем и рыбой, которые уж точно не предупреждают их о своих планах.

В этот раз почти неделя ушла на поиски. Но труды не пропали даром: Ласси заготовил для Алольцева много моржовых бивней. Среди них были два невероятных размеров — по четыре килограмма каждый. Этими бивнями моржи добывают себе на дне моря главное свое пропитание — ракушки. Вот грустная ирония судьбы: то, что должно было кормить этих тварей, теперь их губит.

Несколько моржей Ласси добыл сам со своими соплеменниками, но большую часть выменял у других охотников. Себе лопари оставляют мясо, ворвань и шкуру этих огромных зверей, а клыки предлагают заезжим купцам. Денег лопари не признают, вся торговля у них строится на обмене. Алольцев привозит им топоры, ножи, котелки,

иголки, муку, одежду из толстого сукна, ну, и конечно, водку. Женщинам достаются бусы, браслеты, косынки. Каждый его приезд — большой праздник в кочевье.

Тут я хочу рассказать тебе про один обычай лопарей, о котором Алольцев поведал мне по секрету, когда жена Людмила не могла его слышать. Но ты теперь взрослая женщина, и тебе позволительно знать о таких вещах. Дело в том, что после угощения, выпивки и танцев под бубен все участники пира укладываются тут же, на полу большого шалаша, сооруженного из жердей и древесной коры. И по традиции одна из жен хозяина залезает под медвежье одеяло к гостю. Отказаться нельзя — это страшная обида хозяину, и все отношения будут порваны навеки. Алольцев, усмехаясь, рассказывал, что в этот приезд он заметил среди детей Ласси мальчика с подозрительно прямым носом. Вот на что приходится идти смелым купцам ради моржовых бивней! Немудрено, что цена на них так высока.

В отличие от нас, лопари не считают ревность достойным чувством. «Ревнив, как морж», — могут они сказать с презрением. Это потому, что старые самцы-моржи яростно охраняют свой гарем и могут искалечить или даже убить слишком

дерзкого молодого соперника. Еще лопари уверяют, что детородный орган этих животных имеет кость внутри, но Алольцев с недоверием относится к их рассказам. Вообще-то они не склонны ко лжи, но задурить голову иноплеменнику считается у них отличной потехой.

Кроме моржовой кости лопари имеют для обмена вяленую и соленую рыбу, а также меха. Они очень искусны в стрельбе из лука: попадают зверю в морду так, чтобы стрела не дырявила шкуру. На своих небольших лодках, выдолбленных из дерева, они выходят далеко в море, умело лавируют между льдинами и даже вступают в схватку с белыми медведями.

Несколько лет назад отец Денис попросил Алольцева взять его с собой в поездку. Он считал своим долгом попытаться донести до дикарей свет истины Христовой. Старейшина Ласси внимательно слушал разъяснения священника, становился рядом с ним на колени перед иконой, повторял слова молитвы. Но принять крещение отказался.

— Один Бог — мало, — объяснял он. — Много богов — хорошо. Будут помогать. Один помогать тюлень, другой — рыба, еще один — песец, еще один лиса. Знаю, кого просить, кому, когда дать

какой подарок. Один Бог просить про все — он уставать. Скажет: «Уйди, Ласси, надоел». Так.

Увы, нам уже не вернуться к такому языческому простодушию. Мы знаем, что Господь един в трех лицах, и все наши молитвы — только к Нему. Только к Нему я шлю каждый вечер молитву о том, чтобы он даровал мир и покой дому моей названой сестры Греты Готлиб. Чтобы уберег сына ее, Эдварда, от дьявольских козней и злого глаза. Чтобы муж ее был здоров и успешен в делах, чтобы продолжал любить и лелеять жену свою, как Иаков любил и лелеял Рахиль. И чтобы дано нам было свидеться с ней после стольких лет разлуки. Аминь.

Всегда любящий брат твой,

С. З.

Его преосвященству, в Любек, из Пскова, ноябрь 1476

Ваше преосвященство, учитель и благодетель!

Пишу Вам из города, охваченного смутой, тоской, унынием. Сколько раз мы видели в истории разных стран: призовет народ кого-нибудь на помощь против врагов — и, глядишь, через

год-другой бывший помощник-заступник сам превращается в захватчика-тирана.

Именно так повел себя Ярослав Оболенский, присланный московским государем на княжение во Псков. В нарушение всех псковских обычаев и свобод он поднимает там и здесь налоги, вводит новые подати, карает произвольными штрафами. Тех, кто пытается возражать, бросает без суда в темницу, протестов псковских посадников и бояр слушать не желает. «Для меня есть один закон слово князя Ивана», — заявляет Ярослав. И наместники его в других городах этой земли бесчинствуют точно так же и творят произвол и жестокости.

Псковичи шлют в Москву посольство за посольством, бьют челом московскому владыке с просьбой убрать от них злодея, дать им другого князя, который был бы им по душе. Но князь Иван слушать их не желает, верит во всем своему ставленнику. Тем более, что немалая часть новых налогов утекает в Москву.

В начале сентября дело дошло до кровопролития. Слуги князя Ярослава подрались в Кремле с псковичами, схватились за ножи. Псковичи отбивались камнями и палками. Вскоре в дело пошли луки и пищали. Сам князь Ярослав, в пан-

цире и шлеме, выбежал из своего дворца пьяный, ввязался в драку. Были раненые и убитые.

Никогда еще не бывало в этом городе, чтобы внутри крепостных стен, у храма Святой Троицы, разыгралось кровавое побоище. Псковичи были ошеломлены и подавлены. Наутро они созвали вече и постановили изгнать князя Ярослава. Но тот отказался подчиниться их приказу. Снова потекли посольства в Москву и обратно. Московские бояре, присланные для разбора тяжбы, во всем приняли сторону наместника: пленников его, выпущенных по приказу псковского вече, приказали вернуть обратно в темницу, новые подати утвердили. Несмотря на это, псковичи проводили их с честью, дали подарков, послали провожатых. Московские же посланники отблагодарили их тем, что по дороге грабили и избивали жителей, а провожатых увезли с собой в качестве пленных.

Похоже, Москва хочет ясно заявить Псковской республике: прошли те времена, когда вы выбирали себе князя по душе и могли прогнать его. Отныне кого мы пришлем, тот и будет у вас править.

В доме Алольцевых — тоже уныние. Городские дела здесь всегда принимают близко к сердцу.

Единственная отрада: все в эти дни читают описание путешествия одного русского купца в Индию. Рукопись доставили нам друзья Ермолая Лукича из Смоленска, мы сейчас переписываем ее в моей мастерской. Она настолько переполнена важными сведениями о далеких азиатских краях, что я почитаю своим долгом вкратце пересказать Вам содержание нескольких отрывков из нее. Ведь смелые проповедники веры Христовой уже сегодня проникают в Персию, Индию, Китай. Для них важно будет ознакомиться заранее с нравами и обычаями народов, живущих сегодня во мраке язычества или мусульманского наваждения.

Купец этот, Афанасий Никитин, странствовал около пяти лет и проделал путь длиной в тысячи миль. Он спустился по Волге к Каспийскому морю, присоединившись к персидскому посольству. Посол ширваншаха вез подарки своему государю от Ивана Московского, среди которых было 90 охотничьих кречетов. Но уже в устье Волги их корабли подверглись нападению. Кто-то погиб в схватке, кто-то попал в плен. Весь товар Никитина был разграблен, он сам чудом уцелел. Далее они плыли по Каспийскому морю, но буря заставила их пристать к берегу в районе Дербента.

Здесь в тексте стоит примечательная фраза:

«Разошлись мы, заплакав, кто куда. У кого осталось что-нибудь на Руси, тот пошел на Русь, а кто был должен, тот пошел куда глаза глядят». Отсюда можно сделать вывод, что купец этот отправился в свое опасное путешествие, гонимый долгами. (Вот Вам польза разорения — оно поневоле расширяет горизонты человека.)

Но на что же он надеялся, потеряв все товары, которые вез на продажу?

Единственное объяснение я могу найти в одном русском слове, которое не имеет адекватного перевода ни на латынь, ни на немецкий: авось. Слово это включает в себя надежду на счастливый случай, помощь Всевышнего, удачное стечение обстоятельств, ошибку враждебных сил, встречу с добрым человеком и так далее. Значение «авось» у русских при планировании любых начинаний трудно переоценить.

Хранимый своим личным «авось», Афанасий Никитин продолжил путь на юг. Живя по неделям и месяцам то в одном городе, то в другом, он пересек Иран и добрался до берега Персидского залива в районе города Ормуз, а оттуда поплыл на корабле вместе с торговцами лошадьми и их товаром в сторону Индии. Плавание до Гуджарата заняло шесть недель. Никитин не сообщает, каким

образом верный «авось» сделал его обладателем породистого жеребца. Но вот что примечательно: из рассказа исчезают упоминания о грабежах и разбойниках и даже о страхе перед ними. Похоже, властителям в тех краях каким-то образом удалось заставить своих подданных уважать чужую собственность. Или право распоряжаться чужим имуществом на подвластных им землях они оставили исключительно за собой.

Например, в городе Джуннаре хан отобрал у Никитина жеребца, когда узнал, что он не мусульманин, а русский христианин. Если верить рассказчику, владыка обещал вернуть ему коня и дать тысячу золотых в придачу, при условии, что он согласится принять веру Мохаммеда. Всесильный «авось» явился в виде столичного вельможи, случайно приехавшего в город: Никитин упал ему в ноги, и тот уговорил хана не принуждать русского к переходу в чужую веру и вернуть ему четырехногое богатство.

Конечно, в книге много хвастовства и явных преувеличений. То поминаются змеи длиной в две сажени, ползающие по улицам городов в Индии. То идут россказни об обезьянах, будто есть у них свой князь и свое войско, и если обезьяну обидеть, она пожалуется князю, и войско нападет

на город обидчика. Описывая выезд султана с семьей на прогулку, Никитин уверяет нас, что в процессии шествуют десять тысяч конных, пятьдесят тысяч пеших и двести боевых слонов, не считая слуг, наложниц и музыкантов. (Нетрудно подсчитать, что солнце успеет зайти и взойти несколько раз, прежде чем такая армия протиснется через городские ворота.) Но что описано с искренним чувством, чему нельзя не поверить: печаль души, оторванной на чужбине от всех обрядов и таинств веры Христовой.

Больше всего Никитин горюет о том, что грабители лишили его не только имущества, но и богослужебных книг и календарей. Живя в Индии, он не знал, когда праздновать Рождество, когда — Пасху, когда поститься, когда разговляться, когда избегать плотских утех. Многократно просит он Господа простить ему эти невольные прегрешения. «О, благоверные христиане русские! восклицает он. — Кто по многим землям плавает, тот во многие беды попадает… Я же, раб Божий Афанасий, исстрадался по вере христианской!» Трогательно видеть, что даже в сердце вероотступника продолжает гореть неугасимая правда зова Господнего, принесенного на землю Искупителем нашим.

Что же касается плотских утех, похоже, наш путешественник был к ним весьма неравнодушен. С большим знанием дела описывает он расценки на эти греховные соблазны: «В Индии же гулящих женщин много, и потому они дешевые: если имеешь с ней тесную связь, дай две монеты; хочешь свои деньги на ветер пустить — дай шесть. Так в сих местах заведено. А рабыни-наложницы дешевы: четыре фуны — хороша, пять фун — хороша и черна; черная-пречерная амьчюк маленькая — хороша весьма».

В другом месте пишет, что хозяйки постоялых дворов не только готовят для приезжих, но и ложатся с ними в постель. Особенно любят белых путешественников жены малайцев. Они не только спят с ними, но приносят деньги и угощение, вино и сласти. А если у малайской женщины родится белый ребенок, муж награждает заезжего отца денежным подарком. Уж не этим ли зарабатывал наш купец на жизнь в далеких краях? Во всяком случае, никаких других источников дохода он не указывает. Согласитесь, Ваше преосвященство, что это хотя и своеобразный, но довольно эффективный способ проникновения в жизнь других народов. Жаль, что для наших миссионеров он заказан.

Племен в Индии великое множество, но в настоящее время все главные посты в армии и управлении заняты хоросанцами — выходцами из Северного Ирана. (Может быть, поэтому русский купец присвоил себе имя Юсуф Хоросани.) Он пишет, что индусы охотно рассказывали ему о своей вере. Он насчитал восемьдесят четыре божества в их Пантеоне. Идолов этим божествам он называет «буты». Но у меня возникло сомнение: может быть, он ослышался и индусы просто показывали ему статуи различных земных воплощений Будды?

Так или иначе, мне представляется необычайно важным свидетельство этого смелого странника о том, что индусы готовы открыто обсуждать разные религии, что в них нет еще враждебной замкнутости магометан. Для наших миссионеров это сообщение может оказаться путеводным знаком. А от описанных в книге индийских товаров загорятся глаза у наших купцов и мореплавателей. Перец и имбирь, гвоздика и корица, шелка и слоновая кость, рубины и агаты, хрусталь и фарфор, жемчуг и сандал, яхонт и мускат — всего не перечесть.

Свирепые междоусобия восточных ханов, князей и эмиров долгие годы не давали Никитину

возможности вернуться на родину. Горестно описывает он ловушку, в которой оказался: «Пути не знаю, куда мне идти из Индостана: на Ормуз пойти — из Ормуза на Хоросан пути нет, и на Чаготай пути нет, ни в Багдад пути нет, ни на Бахрейн пути нет, ни в Аравию пути нет. Повсюду усобица князей повыбивала… На Мекку пойти — значит принять веру бесерменскую, там в бесерменскую веру обращают… А Русь — Бог да сохранит ее! Господи, храни ее! На этом свете нет страны подобной ей, хотя эмиры Русской земли несправедливы. Да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость! Боже, Боже, Боже…»

Все же милостью Господней странник этот был выведен из Индии и извилистым путем начал продвигаться на север. Ему удалось пересечь Персию и Грузию, выйти к берегу Черного моря, затем…

Ваше преосвященство, учитель и благодетель!

Письмо было прервано приходом неизвестного мне посланца. То, чего я опасался все эти месяцы, свершилось.

Злая судьба нанесла свой удар.

Должен покинуть Псков немедленно.

Не знаю, услышите ли Вы снова обо мне, не знаю, удастся ли мне остаться в живых.

Боже, за что?..
Молитесь за меня!

Навеки благодарный и преданный Вам,

С. З.

Эстонский дневник

В каморке холод и тишина. За слюдяным окошком — черная новгородская ночь. Отец Денис принес мне свечку, тулуп, жаровню, вернулся в свою горницу. Завтра ему служить заутреню, должен хоть немного поспать. Благослови его, Господь! Он почти не удивился моему появлению. Завтра, конечно, начнет расспрашивать, что случилось. Могу ли я открыться хотя бы ему?

О, как судьба умеет переряжать своих посланцев!

Поначалу я принял незваного гостя за обычного заказчика. Он назвался купцом из Ливонии. В его немецком слышался эльзасский выговор. Нет, перевод Псковской правды ему не нужен, у него уже есть. Ему лишь поручено доставить мне письмо. От кого? Там все написано. Пославший объяснил ему, что в письме расписка, которую

я, по прочтении письма, захочу подписать и вернуть. Он зайдет за распиской завтра.

Вот что было в доставленном им письме:

«От рыцаря Бернгарда фон дер Борха, из крепости Феллин, в городе Вильянди, Стефану Златобраду в собственные руки.

Да святится имя Божье, да славится в мире Отец, Сын и Дух Святой, да сгинут силы ада, да рассеются они, как ночной туман.

Вот уже несколько столетий братья Тевтонского ордена, не щадя крови и жизней своих, ведут священную борьбу с отступниками от истинной веры Христовой, посмевшими отпасть от благодетельной власти помазанника Божия, восседающего в Риме. И в последние годы большим подспорьем в этой борьбе были для нас сведения о врагах наших, поступающие от епископа Любекского, Бертольда Ольденбурга. Случайность позволила нам узнать, что все эти важные сведения исходили от Вас. Поэтому позвольте мне выразить Вам сердечную благодарность за важную помощь, а также восхищение

Вашим мужеством. Затаиться на столько лет в гуще врагов и честно исполнять долг воина Христова — для этого нужно обладать верой глубокой и неколебимой. Тевтонский орден тайно чествует Вас и шлет свой братский привет и благословение.

Но времена подготовки и сбора сведений прошли. Приближается момент решительной схватки. Перемирие с Псковом на тридцать лет, подписанное нами три года назад, — всего лишь маневр, необходимый для сбора сил. Как только руки князя Московского окажутся связанными войной с Казанским ханством, с Ордой или с Литвой, и он не сможет прийти на помощь Пскову, мы нанесем решительный удар по этому городу, который вот уже столько десятилетий упрямо стоит поперек пути нашим отрядам и замедляет наш священный крестовый поход на восток.

Сопротивление псковичей будет сломлено!

И Вам, Стефан Златобрад, отводится важная роль в этой решительной битве.

Когда наша армия приблизится к стенам Псковской крепости и начнет осаду, Вам надлежит в условленный час условленной ночи тайно открыть ворота в одной из башен. Оставляю на Ваше усмотрение способ осуществления этой задачи: сделаете ли Вы это своими руками, или сумеете найти сообщников или подкупить часовых — решать Вам. Нужные суммы будут доставлены Вам заранее.

Пока же мне необходимо получить от Вас подтверждение, что приказ получен и будет исполнен. Для этого подпишите прилагаемую расписку и заверьте ее Вашей сургучной печатью. Уверен, что память об этой расписке будет поддерживать Ваше мужество и поможет в решительный момент одолеть колебания и возможное ослабление душевной твердости.

Полагаю, Вы уже догадались, каким образом нам удалось узнать о Вашей роли тайного лазутчика. Да, это так: ко мне явился небезызвестный Гюнтер Досвальд из Любека и показал глиняную трубку с Вашим посланием внутри. (За это он

получил должность управляющего на нашем складе конной упряжи и сапог.) Так что если, не допусти Господь, колебания и страх проникли в Вашу душу уже сегодня и Вы откажетесь подписать прилагаемую расписку, посланцу поручено передать копию Вашего письма псковским посадникам. (Если с посланником случится какая-нибудь непредвиденная беда, мы найдем способы доставить в Псков другую копию.)

С твердой верой в то, что нужды в такой крайней мере не будет, рыцарь фон дер Борх приветствует своего собрата по священной Христовой войне».

Я, конечно, не мог объяснить Алольцеву причину моего поспешного бегства. Даже не сказал — куда я отправляюсь. Ведь я и сам не знаю, куда судьба унесет меня завтра из Новгорода. Только отец Денис будет знать о моем обиталище и сможет пересылать туда письма для меня. Ему я доверяю вполне.

Но к Тебе, Господи, взывает душа моя! Дай знак — за что гонишь меня на этот раз? Покрыт грехами, как коростой, это я знаю. Но нет ли какой-то

новой, особой вины за мной?

А вдруг это не кара, а знак милости Твоей? Вдруг Ты взвесил меня, увидел, что кончаются силы мои, что не могу больше бороться с греховным вожделением, и протянул руку Свою?

Как она пела на последних поминках! Пела и смотрела мне в глаза не отрываясь.

Ты удалил Иосифа из дома Потифара. Не так ли и меня спасаешь от соблазна?

Но куда?

В темницу ли бросишь или во дворец фараона?

Что бы ни случилось, знаю, верю — то будет Твоя рука.

Только дай! Даруй сил душе моей исполнить волю Твою.

Часть вторая. ОТСТУПНИК

Глава 11. В посольском приказе

Из Вильнюса, от Владислава Ольгирдиса Стефану Златобраду, где бы он ни был, декабрь 1477

(латынь)

Досточтимый мейстер Златобрад!

Не знаю, отыщет ли Вас это письмо в бескрайних лесах Московии. Вот уже больше года до Любека не доходило никаких вестей от Вас. Последнее письмо обрывается невнятным призывом, мольбой, вскриком, но мы так и не узнали, что заставило Вас столь внезапно покинуть Псков. Возможно, Вы даже не хотите быть найденным, предпочли бы оборвать все свои прежние связи с родными местами.

Тем не менее, уповая на милость и помощь Господню, я хочу подробно описать Вам некоторые обстоятельства, мысли и чувства, которые заставляют меня обратиться к Вам с этим письмом и призвать к возобновлению переписки.

Начать я должен с печальной вести: восемь месяцев назад епископ города Любека, Бертольд Ольденбургский, скончался. Господь послал ему

легкую смерть во время послеобеденной дремоты — верный знак милости Всевышнего, которой удостаиваются лишь люди праведной жизни. Оставшееся имущество епископ завещал своему брату Генриху, аббату монастыря в Вильнюсе, у которого я имею честь служить секретарем. Мне было поручено отправиться в Любек и взять на себя хлопоты о наследстве. Разбирая бумаги покойного, я дошел до ящика, где хранились письма от Вас, — и таким образом узнал о Вашем существовании, о тайной миссии, выполнявшейся Вами в течение десяти лет, об опасности, нависшей над Вами в последние годы.

Возможно, Вы будете недовольны тем, что кто-то прочел письма, предназначавшиеся только для глаз отца Бертольда. В свое оправдание могу лишь сказать, что на пакете, в котором они хранились, не было никакой пометки «секретно» или «не открывать» — никакого предупреждения. Кроме того, я рассказал о них только отцу Генриху, и он согласился со мной, что их существование должно оставаться тайной и что мы должны хранить их, чтобы вручить Вам, когда Вы посетите нас, или дождаться Ваших распоряжений. Наконец, должен сознаться: чтение настолько заворожило меня, что я не в силах

был бы оторваться от него, даже если бы Вы сами каким-то чудом влетели в окно комнаты и приказали мне прекратить.

Кроме изящного стиля, блесток остроумия, проницательности взгляда, в Ваших письмах есть одно достоинство, которого Вы сами, может быть, и не замечаете, настолько естественно оно вытекает из строя Вашей души. Достоинство это: чуткая, ненавязчивая, свободная от бахвальства и тщеславия, правдивость. Спаситель учил нас: «Пусть будет ваше да — да, нет — нет, а все остальное — от лукавого». Как ни странно, выполнение этого завета оказалось самым трудным для большинства людей. Соблазн покрасоваться, позлословить, оклеветать и принизить ближнего, смешать с грязью дальнего, примазаться к силе, надругаться над слабостью слишком часто окрашивает речь наших современников. В Ваших же письмах я ощущал твердую и некичливую веру в Божественность правдивого слова — и заражался, и увлекался ею.

Может быть, моя благодарная отзывчивость, открытость Вашим рассказам как-то связана с большим трудом по собиранию различных летописей и хроник, которым я занимаюсь в нашем монастыре под руководством отца Генриха. С

юности мне чудилось что-то священное в занятии летописца. Ведь что такое весь Ветхий Завет? Это собрание летописей еврейского народа, бережно передававшееся от поколения поколению — сначала в устном предании, а потом и в рукописном виде. Только накопив это драгоценное знание о своих корнях и всем Творении, могли люди расслышать и понять Слово Господа, ниспосланное им в облике Сына Божьего. И какой же огромной важностью и многозначительной серьезностью должна обладать история любого христианского народа, пытающегося строить свою жизнь после явления Христа, по Его заветам!

Я понимаю это так:

Священное Писание — это зов Господень.

Летописи, хроники, жития христианских святых — это история путников, откликнувшихся на высокий зов, пустившихся в плавание через океан времени.

Поэтому даже сохранение памяти об их поражениях, блужданиях, грехах и преступлениях окрашено налетом святости. Как останки разбитых кораблей показывают мореплавателям места, где их подстерегает опасность, так и история даже великих грешников и злодеев помогает следующим поколениям обогнуть опасные рифы

соблазнов гордыни и властолюбия. А попытки исказить, умолчать, приукрасить их жизненный путь кажутся мне таким же преступлением, как составление ложной карты, которая обречет будущих мореплавателей в океане духа на гибель.

В собрании нашего монастыря уже скопилась немалая коллекция списков со славянских и русских летописей и хроник из Киева, Новгорода, Пскова, Москвы, Львова. И я не мог не заметить, как в последние годы их составители шаг за шагом уступают давлению церковных и светских владык. Ведь в договорах между русскими князьями, между князьями и городами всегда присутствуют ссылки на «священную старину», обещания соблюдать границы «по старине», уважать права друг друга «по старине». А где хранится эта «старина»? Конечно, в старинных летописях. И соблазн подделать эту старину, переписать летопись по-новому оказывается для многих властителей неодолимым. Когда мы сравниваем новейшие списки с летописей со старинными оригиналами, мы видим, как там и здесь важные моменты были «подправлены» переписчиком.

На этом фоне Ваши письма о российских делах и событиях были для меня как луч света, про-

рвавшийся через туман и тучи. Вам не нужно было выслуживаться перед вышестоящими, не нужно было приукрашивать одних, чернить других, поэтому Вы могли честно описать то, что видели Ваши глаза, слышали уши. Такое беспристрастное свидетельство — редкость в наши дни, и, боюсь, таких голосов, как Ваш, будет меньше с каждым годом.

Поэтому я хочу воззвать к Вам, к Вашей христианской совести, к Вашему от Господа полученному дару честного свидетеля: возобновите свои отчеты, поднимите выпавшее из пальцев перо! Обещаю Вам, что ни одна живая душа, кроме меня и отца Генриха, не узнает о них. Мы будем хранить их в нашем собрании хроник в специальном запечатанном ящике. Вы можете не включать в свои послания никакие сведения военного характера, которые могли бы выставить Вас лазутчиком враждебной стороны. Нам гораздо интереснее Ваши описания городской, сельской, семейной, церковной жизни в Московии, законов и нравов, обычаев и предрассудков.

Монастырь наш небогат, но мы приложим все усилия к тому, чтобы продолжать выплачивать Вам такое же вознаграждение за труды, какое выплачивал отец Бертольд.

А в будущем, когда возраст или обстоятельства жизни в Московии вынудят Вас оставить свою деятельность, в нашем монастыре Вы всегда найдете надежный приют. Никакие доносчики, никакая инквизиция не потревожит Вас в нашей обители.

Письма можно отправлять на имя протопопа Никодима, в православный храм Пречистой Девы в Смоленске — через него мы получаем все послания из Московии. Писать мне можно на латыни, немецком или литовском. Мои познания в других языках весьма ограничены. Правда, я рос под присмотром няньки из Ревеля и у нее научился эстонскому. Но ведь этот язык, к сожалению, еще не имеет письменного выражения.

Запечатав это письмо, я пойду молиться святому Николаю о том, чтобы оно достигло Ваших рук и глаз и чтобы душа Ваша откликнулась на него согласием.

Остаюсь Вашим благодарным читателем и призываю благословение Господне на Ваше сердце и разум и бессмертную душу.

Владислав Ольгирдис

Из Москвы в Вильнюсское аббатство, Владиславу Ольгирдису от Стефана Златобрада, май 1478

Досточтимый брат Владислав!

Чудо, о котором Вы молились, свершилось: Ваше письмо добралось до моего бывшего хозяина в Пскове, он переправил его отцу Денису в Новгород, а отец Денис отослал мне его в Москву.

Многое переменилось в моей жизни за полтора года и о многом я еще не готов говорить открыто. Вы спрашиваете, что заставило меня внезапно покинуть Псков. Скажу лишь, что я был поставлен перед ужасным выбором: приложить руку к кровавому злодеянию или погибнуть. Я предпочел бежать.

Ваше горячее одобрение моим отчетам, конечно, не могло не порадовать меня. Тем более, что я разделяю Вашу веру в святость исторической памяти, в святость правдивого слова. Именно поэтому я должен начать с главного признания: во время пребывания в Новгороде я перешел в православие, был крещен отцом Денисом и получил новое имя, которое пока не решусь доверить бумаге. В Москве никто не знает моего прошлого, я для них — новгородский толмач, получивший

место подьячего в Посольском приказе. Для посольского дьяка Федора Курицына рекомендации его старого друга — отца Дениса — было вполне довольно. Мой немецкий акцент укрылся за новгородско-псковским выговором, так что по языку уже никто не опознает во мне иностранца.

Десять лет назад я приехал в эту страну страстно верующим юнцом, убежденным в священном долге каждого католика — расширить власть римского престола до Уральских гор и Ледовитого моря. Здесь не место описывать весь путь сомнений и колебаний, который привел меня к переходу в православие. Приведу лишь запавшее мне в душу сравнение отца Дениса: «Вера — вино. Религиозные обряды — кубок. Вера соединяет нас с Господом. Обряды — с отцами, дедами, соплеменниками, верующими так же, как мы».

Мой кубок распался. Отец оказался еретиком-гуситом, соплеменники грозят гибелью. Но вера моя жива. Вино ее сохранится в новом кубке. На это надеюсь, об этом молюсь, этим живу.

Очень хорошо представляю себе, что, дочитав до этого места, Вы правоверный католик — пожалеете о своем послании. Пожалеете и задвинете ящик с моими прежними отчетами в самый темный угол хранилища. Но, уповая на

Провидение, в слабой надежде на то, что этого не произойдет, я позволю себе откликнуться на Ваш призыв и написать на пробу очередную хронику прошедшего года.

Самым важным событием в Московии был, без сомнения, новый поход князя Ивана на Новгород. Уверен, что Вы уже знаете, как началась подготовка к нему прошлым летом, как союзные города и князья один за другим присоединялись к великому князю, присылали свои ополчения, так что в октябре 1477 года из Москвы уже выступило большое войско, которое быстро увеличивалось в пути. Был послан приказ псковичам также идти войной на Новгород. Те было пытались отговориться, ссылаясь на страшный пожар, только что опустошивший их город. Однако присланный князем Иваном воевода заставил их выступить в поход, и вскоре их войско стало лагерем у впадения Шелони в озеро Ильмень, замкнув кольцо осады.

Примечательно, что сразу после присылки из Москвы разметных грамот, объявлявших о начале войны, Новгородская господа вынесла постановление, которое показалось мне проявлением настоящего благородства. Всем иностранным купцам было позволено покинуть город

и увезти свои товары в Псков или в Ливонию. Конечно, уважение к чужой собственности — это священный завет любой купеческой республики, на этом вырастает ее могущество и богатство. Но сохранить это уважение и в условиях войны, когда каждый рубль на счету, когда на конфискованные у иностранцев деньги можно было бы снарядить новый полк, — такой поступок заслуживает быть сохраненным в памяти народов.

Из опыта прежних походов москвичи знали, что новгородцы, обороняясь, первым делом сжигают окрестные монастыри, чтобы подступившему врагу негде было укрыться от зимней стужи. Дабы помешать этому, князь Иван приказал татарской коннице под командой царевича Даньяра совершить бросок, занять монастыри и удерживать их до подхода главных сил. Операция удалась, и московская армия смогла разместиться в просторных помещениях окрестных монастырей и храмов. Половина ратников была разослана по окрестностным селам добывать провиант. Обозы с мукой, рыбой и мясом текли также и из Пскова. А в Новгороде скоро начался голод и мор еще хуже, чем в войну 1471 года.

Все свидетели отмечают, что успеху москвичей способствовал итальянский инженер Аристотель

Фиораванти. Князь Иван снял его со строительства Успенского собора, чтобы воспользоваться его познаниями в военном деле. Подготовленная итальянцем артиллерия вела непрерывный обстрел Новгорода, причиняя сильные разрушения и пожары, нагоняя страх на жителей. Лед на Волхове был не очень надежен, поэтому под руководством Фиораванти корабельные мастера соорудили понтонный мост, позволявший осаждающим легко перебрасывать отряды с одного берега на другой.

Вы можете спросить: «А что послужило поводом к войне?»

Если бы во мне оставалась жива юношеская наивность, я повторил бы Вам тот перечень «обид и неправд», который московский князь всенародно перечислял в своих грамотах и посланиях. Что якобы пришли к нему новгородские послы летом и назвали его не «господином», как раньше водилось, а «государем». И он якобы отправил в Новгород своих послов с запросом: что, мол, сие значит? Не хотят ли они иметь его своим полным государем? А новгородцы-де на это возмутились и заявили, что никогда его государем не называли. То есть выставили лжецом. И в подтверждение растерзали на Вечевой площади тех послов, ко-

торые допустили такую оплошку. Разве может снести такую обиду помазанник Божий, поставленный самим Господом над всей Московией? Нет, не может. Так что — коней седлать, в трубы трубить, из пушек палить!

Так бы я объяснил еще лет десять назад. Но жизненный опыт неизбежно наполняет наш разум цикутой цинизма, и нам никуда не спрятаться от горькой уверенности: поводом, причиной этой войны, как и всех прошедших и будущих войн, явилась, являлась, будет являться все то же — соблазнительная слабость противника. Соблазн этот навеки останется неодолимым для любого владыки и его воинства, которое видит в войне единственное оправдание — а порой и единственный источник — своего существования.

Подавленные, голодные, обескровленные, усталые новгородцы слали одно посольство за другим к князю Ивану с просьбами о мире. Но на каких условиях? Требования московского повелителя возрастали с каждым разом. Наконец, убедившись в беспомощности осажденных, князь Иван потребовал полного подчинения вольного города своей власти. Никакого веча, никакой господы, никаких посадников — все должны подчиняться только наместникам, присланным из Москвы.

Половина церковных и монастырских земель конфискуется в пользу княжеской казны. Обвиненных «изменников» судить и карать не в Новгороде, а в Москве.

Не имея сил сопротивляться, город принял эти условия и открыл ворота победителю. Был составлен специальный текст присяги. Воеводы, посланные князем, принимали присягу в палатах архиепископа у новгородской знати. Во всех пяти концах города население било челом и целовало крест на верность князю Ивану. В конце января к нам в Посольский приказ пришла из Новгорода княжеская грамота, в которой говорилось: «Вотчину свою, Великий Новгород, привел в свою полную волю и учинился на нем государем, как и на Москве».

Вскоре потянулись из Новгорода обозы с добычей и «подарками», с высылаемыми и арестованными. Среди арестованных была и Марфа Борецкая с внуком. Этой несчастной и гордой женщине довелось пережить гибель своих сыновей, крах всех надежд и упований, падение и разорение родного города. Страшная судьба.

А в марте в Москву был привезен знаменитый вечевой колокол. Под ликующие вопли толпы его повесили среди других колоколов соборной

колокольни в Кремле. Вырванный язык вольного города. Неужели это действительно конец четырехвекового могущества, блеска, богатства? Должны ли мы извлечь урок? Но какой? Не ждет ли такая же судьба Флоренцию, Геную, Венецию, мой родной Любек? Мне хотелось сказать ликующим москвичам: «Кто вырывает чужие языки, может очень скоро лишиться своего». Но счел за лучшее попридержать эту непокорную часть нашего тела, которая так часто ввергает нас в различные беды.

Итак, мы можем сказать, что для Новгородской республики конец света наступил на четырнадцать лет раньше обещанного срока. Что бы ни происходило в городе дальше, это будет уже история другого государства.

Досточтимый брат Владислав! Это письмо уйдет к Вам в Вильнюс с надежным человеком, поэтому я позволил в нем говорить о сильных мира сего тоном, не вполне подобающим мелкому служащему Посольского приказа. Но свое новое имя открыть пока не решусь. Очень удачно, что Вы владеете эстонским. Я тоже выучил этот язык и в будущем смогу воспользоваться им для писем, содержание которых должно быть скрыто от посторонних глаз. Если Вы захотите продолжать переписку с «вероотступником», лучше пользоваться окольным путем: отправлять письма в Новгород, отцу Денису, в церковь Иоанна Предтечи. Ему я могу довериться, он знает, как переправлять мне послания в Москву, на мое новое имя. Если же «нет», давайте расстанемся без гнева и поплывем дальше, каждый своим предназначенным путем, искать Господа в безбрежном Творении Его.

Стефан Златобрад

Фрау Грете Готлиб, в Мемель из Москвы, июль 1478

Милая, милая Грета!

Прошло, кажется, уже больше двух лет с моего последнего послания, отправленного тебе в Ме-

мель. Ты, наверное, думаешь, что я или умер, или попал в тюрьму, или потерял рассудок, или еще каким-то образом утратил связь с этим миром. Но нет, судьба пощадила меня: только вынудила бежать в другой город, сменить имя, начать новую жизнь.

Я почти смирился с необходимостью порвать все свои прежние связи, включая и тебя. Но вот неделю назад случайно встретил на базаре русского купца, который отправляется по торговым делам в Ливонию и имеет намерение посетить — среди прочих городов — также и твой Мемель. И так остро возникло во мне желание послать весточку тебе, что я тут же, вернувшись домой, сел писать это письмо. Купец уезжает завтра — нужно спешить.

Помню, в одном из писем я просил тебя описать, что ты видишь из окна своего дома? Тебе интересно, что вижу сейчас я?

Под окном моей горницы — спуск к Москве-реке от Кремлевских ворот. С утра шел сильный дождь, земля размякла, да еще сотни три богомольцев из Твери перемесили своими сапогами и лаптями дорожную грязь. Несчастная баба с ведрами на коромысле третий раз пытается подняться по склону. Ноги ее скользят, подол уже в

грязи, ведра проливаются, катятся вниз.

На фоне серых облаков блестят купола церкви Ризположения, а правее и выше маленькие фигурки каменщиков бесстрашно ползают в поднебесье. Там, под руководством итальянского мастера Аристотеля Фиораванти, возводят новое здание Успенского собора.

Конечно, я предпочел бы снимать жилье в каком-нибудь уютном домике на окраине города. Но мне, как и другим подьячим, приходится жить в самом Кремле, чтобы всегда быть под рукой на случай внезапных приказов. Мой начальник, дьяк Федор Курицын, часто получает распоряжения не только от бояр, но и от самого великого князя, и тогда мы кидаемся разыскивать нужные грамоты, переписывать и переводить послания, отправлять гонцов во все концы Московского государства или даже за пределы его.

Почти весь прошедший год мы занимались главным образом новгородскими делами. В распоряжении великого князя оказались огромные земельные угодья, конфискованные у новгородских монастырей, и их нужно было распределить между княжескими слугами, ратниками, боярами. Одновременно нужно было расселять по городам Московии высланных новгородцев. И

вот это последнее занятие доставило мне возможность сделать одно доброе дело, которое, может быть, зачтется мне в день Страшного суда.

В середине лета отец Денис сообщил мне, что в число высылаемых из Новгорода попали родители Людмилы Алольцевой, купец Корниенков с женой. Соседи донесли на них (не знаю, ложно или нет), что они во время осады выступали против князя Московского, давали деньги на укрепление городских стен. Все их имущество было конфисковано, и им приказано было уехать, взяв лишь то, что они могут унести на себе. Отец Денис был встревожен судьбой двух стариков, просил меня разыскать их в Московии и, по возможности, помочь.

Почти неделя ушла у меня на поиски. Я бродил по постоялым дворам и монастырям, где временно размещали изгнанников, расспрашивал, встречал у городских ворот новые обозы. Зрелище бесконечной череды изможденных, запуганных, отчаявшихся людей останется в моей памяти надолго. Как пересохшая река обнажает камни, песок, водоросли, илистое дно, так и голод обнажает мертвое основание нашей плоти: ребра, череп, ногти, волосы, слизь. Кажется странным, что этим живым скелетам удается двигаться

почти бесшумно, скрывая под дряблой кожей перестук костей.

Стариков Корниенковых я бы никогда не узнал. Пристав проверил свои списки и подвел меня к топчану, на котором лежали на рогоже два тела, завернутых в драные кафтаны.

— Этим уже недолго осталось, — сказал он.

Корниенков открыл глаза, с трудом приподнялся, сел. Вгляделся в меня в полумраке монастырского зала, не узнавая. У меня с собой была склянка с медовой водкой, я дал ему глотнуть. Он немного оживился, стал благодарить растерянно и униженно.

— Меня прислал отец Денис, — сказал я громко. — Помните его? Он крестил ваших внуков.

— Как же, помню, помню его… И на заутрене у него был не раз… Еще до войны… Хороший поп, задумчивый… В церкви Иоанна Предтечи…

— А дочь ваша где? И муж ее, Алольцев? Почему вы не поехали к ним в Псков? Они бы помогли.

— Не было дозволено… Только в низовую Русь высылали… Вот так, без всего… Все у нас отняли, всего лишили… А как деньги вышли, так и кормить перестали…

Я сбегал на базар, принес им горячий пирог с капустой, горшок щей, вяленой рыбы. Еще купил

два теплых одеяла. Видела бы ты, как они накинулись на еду. Старуху бил озноб, она не могла донести ложку до рта. Нам пришлось помогать ей, кормить, как ребенка.

— Вот вам немного денег, — сказал я на прощанье. — Постараюсь прийти завтра, как только освобожусь. И буду хлопотать о вас в Кремле. Господь милостив, уповайте на Него. Увидит Он страдания ваши и пошлет вам вдруг ангела-спасителя.

Оставшиеся деньги я отдал приставу и строго наказал во всем старикам помогать. Слышала бы ты мой тон большого начальника! Подьячий из Кремля важная птица для простого пристава.

Недели две ушло у меня на то, чтобы подкормить стариков, вернуть им способность двигаться без посторонней помощи, выходить к монастырской стене, отдыхать на лавке под весенним солнцем. Я рассказал об их судьбе своему начальнику, дьяку Курицыну. Он припомнил, что в его подмосковной деревне Малые Мытищи недавно умер управляющий и ему нужно подыскивать нового. Не согласится ли Корниенков занять эту должность? Бывшему новгородскому купцу он готов доверить свое имение без колебаний.

О такой удаче можно было только мечтать! Я

сам отвез окрепших Корниенковых в деревню Курицына, помог им устроиться на новом месте, проверил, чтобы колодец в доме управляющего был расчищен, дрова заготовлены, дыры в крыше заделаны.

Жена Корниенкова хорошо знает лечебные травы и умеет врачевать старческие недуги. При мне она соскребла белые волокна с внутренней стороны еловой коры, варила их в горшке и потом мазала мужу больные места на ногах этим наваром. Но, конечно, не все недуги ей известны. Корниенков пожаловался несколько раз, что сердце у него по утрам вдруг будто бы замирает на минуту, а потом пускается вдогонку за потерянным временем. Видимо, перенесенные потрясения не прошли бесследно. Вспоминаю, что у епископа Бертольда был такой же недуг и наша добрая матушка доставала для него заморское зелье из Аравии под названием «кофе», которое ему хорошо помогало. Пожалуйста, спроси у своего мужа, не завезли ли кофе в Мемель. Я приложу к письму немного серебра. Буду очень благодарен, если вы сможете купить для меня этого зелья (оно похоже на мелкие коричневые бобы) и прислать сюда.

Когда я уезжал из Малых Мытищ обратно в

Москву, Корниенковы обнимали и благословляли меня как родного сына. А я был счастлив, что смог помочь родне Алольцевых, которые так много сделали для меня.

Милая, милая Грета! Как причудливо судьба играет нашими телами, перемещая их по земным просторам на сотни миль. Сначала оторвала у стариков Корниенковых дочь Людмилу, унесла ее в Псков. Потом схватила их самих и силой уволокла еще дальше от дочери — в Москву. И у нас с тобой: то перенесла тебя в Мемель, сократив вдвое расстояние, разделявшее нас. То снова увеличила его, отшвырнув меня из Пскова в ту же Москву. И как же непостижима при этом благость Господня, которая позволяет нашим душам сохранять неразрывную нежную привязанность друг к другу через сотни разделяющих миль.

Прощаюсь на этом, моя любимая сестра, и спешу отнести письмо и деньги московскому купцу, наверное, уже увязавшему свои тюки с пенькой для мемельских корабельщиков.

Всегда твой — когда-то Стефан Златобрад, а ныне… Но нет — пока еще не решусь доверить бумаге свое новое имя.

Эстонский дневник

Господи, благодарю!

Господи, не ждал!

Господи, не могло то случиться без воли Твоей!

А я как чувствовал и не стал открывать пакет от отца Дениса при всех. Дождался вечера, наедине, в своей горнице, при свечке. Обычно отец Денис пишет на пергаменте, а тут — береста. От кого бы это?

Начал читать — и сразу буквы заплясали перед глазами, расплылись.

«СТЕФАНУ ОТ ЛЮДМИЛЫ.

Ты ли это был, Стефан Златобрад? Твоей ли рукой Господь спас моих родителей? Как получила весть от отца с матушкой, что явил им Господь свою милость, послал доброго подьячего с едой и одеждой и деньгами, так я и подумала: это он, больше некому. А потом и отец Денис подтвердил, что ты живой и служишь в Москве. Молюсь о тебе Господу каждый день, ангел ты наш добрый, чтобы сохранил сердце твое золотое и послал мир душе твоей и чтобы нашел ты дом и пристанище надежное на нашей грешной земле, а в жизни вечной — прощение грехов и райское блаженство.

Людмила Алольцева».

Среди русских не принято восхвалять любовь. Если одно сердце прикипит к другому, это будет считаться чуть ли не грехом. В книге «Измарагд» описаны три вида любви: к Богу, к телесным удовольствиям, к власти и почестям. Любовь к женщине отнесена ко второму виду и приравнена к блуду и чревоугодию. «Се есть ненавистна Богу любовь». И в «Повести о Петре и Февронии» мудрая Феврония предлагает боярину из свиты

ее мужа, воспылавшему к ней греховной страстью, зачерпнуть воды одним ведром справа от лодки, другим — слева. «Одинакова ли по вкусу вода в ведрах? — спрашивает добродетельная жена. — Так и женщины все на вкус одинаковы, а потому надо быть с одной женой, как велит Святое Писание».

Но в Святом Писании Иаков пылал к жене Рахили, а к жене Лие был холоден.

И царь Давид воспылал к Вирсавии так, что о жене своей забыл.

И Самсон воспылал к женщине из вражеского племени, к филистимлянке.

Да и сами русские во всех городах и деревнях втайне ворожат и колдуют и смешивают разные зелья только для одного: приворожить сердце единственное, потому что другого им не надо.

А я? Чем она меня так приворожила? Неужели на всю жизнь? Два года не видел ее — а забыть не могу.

Господи, сжалься, отпусти! Или пошли мне колдуна, умеющего отворожить! Или каким-нибудь чудом верни нас друг другу.

Глава 12. Слуги князя Московского

Владиславу Ольгирдису, в Вильнюс из Москвы, сентябрь 1479

Досточтимый брат Владислав!

Ваше письмо добралось до меня на Пасху и обернулось лучшим пасхальным подарком. Но вот до сих пор я не сумел найти свободного вечера, чтобы ответить на него обстоятельным отчетом. Да и события набегали одно за другим, так что хотелось дождаться, чтобы они выпали из потока живого времени и застыли неизменными на дне реки под названием История.

Рад был узнать, что мой переход в православие не отвратил Вашу душу от меня, не выстроил каменную стену между нами. Вы правы: я как-то забыл о традиционной веротерпимости литовцев. Прошло уже сто лет с того года, когда вы приняли христианство, и за все эти годы ни сам князь Ягайло — первый христианский правитель, ни его наследники никогда не притесняли православных христиан в своем королевстве. Думаю, это справедливое и великодушное обращение с православными очень помогло литовским кня-

зьям расширить свои владения так далеко — от Балтики до Черного моря. Ведь сегодня, пожалуй, половина подданных княжества Литовского говорит по-русски и исповедует православие. Говорят, православные храмы есть у вас чуть ли не в каждом городе. В Москве же, увы, духовенство рьяно разжигает ненависть к католикам, и великому князю Московскому не на кого было бы опереться, если бы он даже захотел противодействовать такой нетерпимости.

Правда, теперь все может измениться. Ибо после рождения трех дочерей, после многих молебнов о рождении наследника Господь послал княгине Софье сына, которого нарекли Василием. Говорят, что за девять месяцев до этого княгиня пешком ходила на богомолье в Троицкий монастырь, и там ей было видение святого Сергия, который держал в руках здоровенького младенца и вверг его в чрево ее. Царственные жены часто решают судьбы народов. Вашему народу христианство принесла первая жена князя Ягайло, польская принцесса Ядвига. Может быть, и греческой принцессе Софье и ее сыну суждено принести важные перемены в духовную жизнь Московии.

Конечно, у великого князя Московского уже

есть главный наследник — сын Иван от первого брака, которого князь сердечно любит и часто именует своим соправителем. Однако рождение второго наследника еще больше укрепит положение династии: теперь москвичи могут не опасаться, что внезапная смерть единственного законного наследника ввергнет страну в кровавую распрю за престол.

Другим радостным событием этой весны в Москве явилось завершение строительства Успенского собора в Кремле.

Когда два года назад судьба забросила меня в Москву, я поначалу явился к итальянскому зодчему Аристотелю Фиораванти и напомнил ему о нашей короткой встрече в Пскове несколько лет назад. Он узнал меня и с готовностью нанял на должность толмача и секретаря за вполне приличную плату. Так что в течение года мне довелось быть близким свидетелем этого грандиозного строительства.

Нужно отметить, что возведение собора рождало в сердцах москвичей некое мистическое воодушевление. Повторяя в главных чертах знаменитый собор во Владимире, который, в свою очередь, был слепком с собора в Киеве, эта постройка казалась людям кораблем, приплывшим

из царства их предков, она превращала Москву в главную наследницу славного прошлого Киевской и Владимиро-Суздальской Руси.

Мне кажется, что зодчий Фиораванти разделял это чувство и вдохновлялся им. Он рассказывал мне, как перед началом строительства специально поехал во Владимир, как тщательно делал там эскизы и замеры старинного собора. По некоторым приметам он был уверен, что в возведении этого здания или, по крайней мере, в его переделках принимали участие и итальянские мастера. Однако в русских летописях подтверждения этому я не нашел.

По возвращении в Москву Фиораванти начал с решительного разрушения стен, возведенных его предшественниками, псковскими мастерами Кривцовым и Мышкиным. К изумлению москвичей, он построил стенобитный таран — подвесное бревно с окованным концом, укрепленное на гигантской треноге из бревен, — и с его помощью за неделю превратил в развалины то, что русские мастера возводили три года. «Их известь и кирпичи не годились для такой огромной постройки», — объяснял мне зодчий. За Андрониковым монастырем, в месте, богатом отличной глиной, он построил фабрику для обжига

кирпича. «Еще наш великий Альберти открыл, что кирпич печется, как хлеб. Если делать их тонкими, у них получится толстая крепкая корка и совсем мало мякоти. Также нужно удалять из глины все мелкие камешки и мусор». Кирпичи новой фабрики получались такими твердыми, что сломать их можно было лишь предварительно размочив в воде. Известь же синьор Фиораванти велел замешивать так густо, что по затвердении ее невозможно было колупнуть ножом. Поражала москвичей и глубина рвов под фундамент: три человеческих роста!

Для покрытия куполов и крыши собора пригласили мастеров из Новгорода. Синьор Фиораванти остался доволен их работой. Они использовали белое немецкое листовое железо, а сверху нанесли тонкую позолоту. Сияющие купола в солнечные дни слепят глаза москвичей и богомольцев, стекающихся из дальних городов и деревень.

Конечно, не обошлось и без споров. Митрополит Геронтий вдруг заявил, что каменный крест, установленный итальянским зодчим за алтарем, является латинским крестом. Синьор Фиораванти уверял, что точно такие же кресты венчают купола Успенского и Дмитровского соборов во

Владимире. Но митрополит стоял на своем, и зодчему пришлось уступить.

Торжественное освящение состоялось в четверг, двенадцатого августа. Бояре, воеводы, ратники, дворцовая челядь опускались на колени перед иконой, которую несли во главе крестного хода. У всех московских церквей княжьи слуги щедро раздавали милостыню нищим. На торжественном обеде в княжеском дворце пировали архимандриты, епископы, бояре, дьяки, игумены. В конце августа в собор были перенесены мощи святителя Петра и останки всех других московских митрополитов. Внутри собор поражает обилием простора, света и какой-то особой звонкостью любого звука. Предстоит еще роспись внутренних стен, установка иконостаса. Но к этому можно будет приступить лишь когда здание просохнет.

На торжественном молебне я стоял рядом с крещеным татарским мирзой Кара Бешметом. Он служил раньше у крымского хана Менгли-Гирея, приезжал с посольствами от хана в Москву, выучил русский язык. Богослужение в православных храмах произвело на него такое глубокое впечатление, что он решил креститься и перейти на службу к князю Ивану. Мне часто приходится

иметь с ним дело в Посольском приказе, где он помогает нам вести переписку с двором Менгли-Гирея в Бахчисарае. Я также беру у него уроки татарского, а он у меня учится латыни. Беседы с ним очень многое открыли мне про жизнь татарского племени и кочевых народов вообще. Кое-чем из этих открытий я хотел бы поделиться с Вами, любезный брат Владислав. Ведь Литве приходится страдать от набегов степняков не меньше, чем Московии. Правильно понять силу и умело использовать слабость противника — вот первое условие победы.

Во-первых, только из разговоров с Кара Бешметом я впервые понял, почему даже малочисленные кочевые народы нередко разбивали и покоряли могучие империи. Ведь в оседлой империи большинство населения трудится на полях и в мастерских, а воины составляют меньшинство, которому монархам нужно платить большие деньги. У кочевников же каждый взрослый мужчина — воин, а плата ему — добыча, которую он сам добудет в войне. Причем это воин, беззаветно преданный своему племени. Он знает, что в случае бегства или плена он утратит все, что ему дорого: свободу, семью, уважение соплеменников. Поэтому он сражается не щадя себя.

Здесь, мне кажется, и кроется загадка военного могущества гуннов, арабов, норманов, монголов, сельджуков, турок-османов. Когда они приближались к границам богатых царств, соблазн роскоши и комфорта больших городов манил их неодолимо. Но как приобщиться, как войти в эту новую богатую жизнь? Гордые воины не могли согласиться на роль слуг и батраков единственную открытую для них возможность мирного перехода к оседлой жизни. Завоевать! Покорить! Сделаться господами! Эта мечта вскипала в каждом кочевом народе, и волны их нашествий перекатывались через границы Рима, Китая, Персии, Византии.

Конечно, оставался и другой вариант: основать собственное государство в малозаселенной местности. Как объяснил мне Кара Бешмет, именно по этому пути попыталась пойти та часть монгольского племени, во главе с ханом Улу-Мехметом, которая лет шестьдесят назад откололась от Золотой Орды и основала Казанское ханство. Но насколько остра была внутренняя борьба у татар, видно уже из того факта, что старший сын Улу-Мехмета убил отца, а двое других убежали из Казани от брата-отцеубийцы, вступили в службу к московскому князю и получили город Касимов

в свое управление.

Другая опасность при отказе от кочевой жизни: племя теряет свое главное оружие — подвижность. Германцы, гунны, скифы, монголы долго были неуязвимы для армий оседлых империй, потому что им нельзя было нанести ответного удара. Они стремительно налетали и так же стремительно исчезали в своих лесах, степях, пустынях — попробуй настигни их там! Но если у вас есть город — врагу есть что атаковать. А если вы еще не умеете строить высокие каменные стены, вас ждет незавидная судьба. У оседлых галлов были только деревянные города — и Цезарь легко покорил их. Казань до сих пор имеет деревянные стены и, скорее всего, рано или поздно не устоит перед атаками московского войска, вооруженного новыми пушками.

Еще одна очень важная деталь всплыла в рассказах Кара Бешмета. Он с детства любил приволье кочевой жизни. Когда душа его потянулась к христианству, он поначалу думал, что можно креститься и остаться кочевником. Но вскоре понял: нет, нельзя. Что же ему помешало? Ведь у его соплеменников не было враждебного отношения к русской церкви. Татаро-монголы, вторгшиеся в Русь в тринадцатом веке, с самого

начала проявили неожиданное почтение к монастырям и святыням. Они щадили их при набегах, не облагали данью. За это русские священники должны были молиться о здоровье ханов. Знаменитые русские чудотворцы приезжали в Орду врачевать ханских жен и детей. Казалось, что монголы готовы были принять христианство, точно так же как литовцы приняли его вслед за своим князем Ягайло.

Неодолимым препятствием к этому оказался единственный обряд христианской церкви: длительные посты. Ведь строгое соблюдение постов требует отказа от мясной и молочной пищи на долгие недели, а то и месяцы. А у кочевников мясо — главный продукт питания. Им просто негде достать столько муки, риса, гречи, пшена, чтобы выдержать все посты. Именно поэтому все кочевые народы, созревшие до веры в Бога Единого, вынуждены были выбирать мрак мусульманского заблуждения и проходить мимо Света Христова. Ведь Магомет проповедовал кочевым арабским племенам и не смог бы навязать им обряды, которые исключали бы мясную пищу. Это обстоятельство, мне кажется, должны учитывать наши проповедники и миссионеры, которые пытаются нести свет евангельский ди-

ким народам.

Союз московского князя с крымским ханством оказался необычайно выгодным для обеих сторон. Теперь Москва всегда может рассчитывать, что угроза со стороны Польско-Литовского королевства или со стороны Золотой Орды может быть ослаблена внезапным набегом крымцев, которые постоянно отвлекают на себя силы этих опаснейших соседей Москвы. В свою очередь, крымцы имеют в лице русских самого надежного и постоянного поставщика оружия. Буквально на днях мы получили приказ великого князя отправить в Крым сорок тысяч стрел. (Ох, кажется, у меня прорвалось сообщение о делах военных!) Кроме того, предусмотрительный хан Менгли-Гирей надеется найти в Москве убежище в случае потери власти. Ведь это уже случилось один раз четыре года назад, и только с помощью турецких войск хану удалось вернуться в Бахчисарай.

Вы могли обратить внимание, любезный брат Владислав, что в своих письмах я стараюсь не касаться причин, побудивших меня принять православие. Но сегодня я могу признаться по крайней мере в одной из них.

Двенадцать лет назад я приехал в Московию, обуянный жаждой принять посильное участие в

распространении Евангельской истины и власти Римского престола на нашей грешной земле. Христос и Рим казались мне единым целым. Но с годами я все больше убеждался, что это не так. Что царство Христа поистине не от мира сего, а царство Папы римского глубочайшим образом погружено в дела земные. Поэтому нести Слово евангельское другим народам ему все труднее.

И что же мы видим сегодня?

Что светоносный образ Христа блестит из Москвы дальше и сильнее, чем из Рима. Рим уступает туркам-мусульманам страну за страной, народ за народом. Слышали Вы когда-нибудь о турках, добровольно переходящих в католичество? Я не слышал. Здесь же, в Московии, я своими глазами вижу, как сотни и тысячи мусульман-татар добровольно переходят в лоно православной церкви. Московская церковь не рассылает миссионеров к диким народам — дикие народы сами спешат к ней, желая припасть к источнику Божественного откровения. Это ли не знак того, что Господь благоволит делам и вере тех, кого я раньше привычно клеймил «вероотступниками»?

Кончаю на этом, досточтимый брат, и желаю Вам и Вашей обители всяческого благополучия.

С. З.

Фрау Грете Готлиб, в Мемель из Москвы, декабрь 1479

Милая, милая Грета!

Сердечно поздравляю тебя с благополучным рождением второго ребенка. Молюсь о здоровье маленькой Амалии каждый день и о благополучии всего вашего семейства, столь дорогого моему сердцу. Радуюсь тому, что вы живете в городе, удаленном от границ Ливонии с Россией, и что черные тучи войны до сих пор не докатывались до ваших мест.

Порадуйся и ты за меня: здесь у меня тоже появилось что-то вроде семейного крова. Мне посчастливилось завязать тесное знакомство с семейством Ивана Курицына. Он — младший брат моего начальника и тоже служит подьячим (скоро, видимо, поднимется до дьяка) в Посольском приказе. Братья Курицыны родом из Нижнего Новгорода — большого торгового города на слия-

нии рек Оки и Волги.

Ты не можешь себе представить, какие книжные сокровища я обнаружил в доме Ивана! Тут и «Диалектика» Иоанна Дамаскина, и «Дионисий Ареопагит», и «Сказание об Индийском царстве», и «Афанасий Александрийский», и математическая наука в книге «Логика» Аль-Газели, и большой свод исторических сочинений, названный «Еллинский летописец», и много, много другого. Видя мой неподдельный завистливый восторг, Иван с трудом — как вежливый хозяин — сдерживал довольную улыбку. Ты можешь мне не верить, милая Грета, но мы — запойные книгочеи — способны тщеславиться своими фолиантами так же самозабвенно, как вы — своими детьми.

Жена Ивана Курицына, Мария, родилась в русской православной семье, но в разрезе ее глаз, в рисунке скул есть что-то восточное. Через Нижний Новгород веками шли караваны со всех концов земли. Курицын говорит, что однажды он решил подсчитать, сколько разных наречий он услышит на нижегородском базаре за день. Татарский, персидский, литовский, мордовский, ногайский, итальянский, башкирский, калмыцкий, греческий, грузинский и еще несколько

неизвестных ему языков — таков был его улов. Уверен, что когда-нибудь ученые монахи научатся отыскивать путь каждого народа на земле по словесным меткам, оставленным им в других языках. Когда я, по просьбе Ивана, сказал ему несколько фраз на готском, он изумился тому, что понял половину слов.

— Да ведь это же половецкие слова! — воскликнул он. — А половецкий язык я знаю неплохо. В Крыму до сих пор остались половецкие селения. Может быть, это и есть остатки того Готского княжества, которое указано на старой итальянской карте, сделанной генуэзцами из Судака?

И мы стали вспоминать историю остготского племени, которое, отколовшись от своих собратьев вестготов, ушло десять веков назад на восток вдоль Дуная. Может быть, им удалось отбиться от гуннов? Может быть, они достигли Причерноморья и стали тем грозным племенем, которое русские знали под именем половцев? А потом осели в Крыму? Мария Курицына только качает головой, когда слышит наши горячие споры о временах и народах столь отдаленных. Но, зная меня, ты, наверное, ничуть бы не удивилась. Любая весть из ушедших веков манит меня, как голос сирен манил мореплавателя Одиссея.

Видимо, каждое семейство живет с памятью о какой-то главной своей беде. В семье Ивана Курицына такой главной бедой стала судьба любимого брата Марии и его семейства. Семь лет назад татарский хан Ахмат совершил большой набег на низовую Русь. Ордынцы появились так внезапно, что тысячи русских не успели укрыться за стенами городов и были перебиты, либо уведены для продажи в рабство. Татары особенно охотятся за маленькими мальчиками и девочками, которых потом продают туркам. К лошадиным седлам у них привязаны специальные плетеные корзины с крышками для перевозки детей. Но если ребенок заболевает в пути, они его безжалостно убивают ударом о землю или о дерево.

Князь Иван послал тогда большое войско, и Ахмат не решился перейти через Оку. Но брат Марии, его жена и двое их малолетних сыновей исчезли с той поры без следа. Иван Курицын признался мне, что жена его словно окаменела лицом с тех пор. Я и сам видел, что даже собственным детям она улыбается как-то натянуто, словно делая усилие над собой. Похоже, она была сражена не только горем, но и той внезапностью, с которой судьба может нанести свой удар. Переселение в Москву не ослабило ее страха перед

внезапным вторжением врагов. Как можно хоть одну минуту радоваться жизни, когда гибель всегда совсем-совсем рядом?

Впрочем, кроме иноплеменных врагов, которые все же пока далеко, у этого семейства есть более близкие причины для серьезной тревоги. Среди придворных великого князя Федор Курицын до сих пор чувствует себя чужаком. Он не знатного рода, поэтому чванливые бояре пытаются унизить его при всяком удобном случае. Братья великого князя верят, что это он раздувает в сердце московского повелителя подозрения и вражду к ним, что для этого прибегает даже к ворожбе и чародейству.

Действительно, внезапное возвышение Федора Курицына выглядит труднообъяснимым. Князь Иван осыпает его милостями и подарками, часто уединяется с ним для доверительных бесед. Ведь есть вещи, о которых он не может советоваться ни с братьями своими, ни с митрополитом Геронтием, ни с княгиней Софьей, ни с матерью своей, которую он весьма почитает. У всех у них есть своя корысть, каждый из них будет кроить советы по аршину своей выгоды. Только преданный и умный слуга может быть беспристрастным, ибо вся его судьба зависит от судьбы и благоденствия

господина.

Конечно, содержание доверительных бесед во дворце Федор Курицын не раскрывает никому. Лишь однажды он пересказал брату Ивану (и тот поделился этим со мной) свой ответ князю Ивану на вопрос о том, как ему отнестись к упрекам и обвинениям князя Тверского.

— Люди не судьи тебе, государь, — отвечал Федор Курицын. — Судья тебе один Господь Всемогущий. Страшна твоя участь, тяжел груз на твоих плечах. Кто из нас мог бы выдержать, кто бы смог пережить то, что Господь посылает тебе? Вот спроси меня: «Чего ты, дьяк Курицын, боишься больше всего на свете?» Конечно, страшно мне было бы впасть в немилость твою, вызвать гнев твой. Но есть одна вещь, которая страшит меня еще больше. Прости мне дерзость мою, но не было бы для меня ничего страшнее, чем оказаться на месте твоем, на троне, со скипетром в руке. Обступили тебя, державного, со всех сторон долги: перед братьями, перед матерью, перед женой и детьми, а грознее всего — перед государством и церковью твоей. И каждый день нужно выбирать. Кто же из нас, малых людишек, может взвесить груз твой, измерить муку твою? Никто, один лишь Господь. Потому и учил нас Христос

Спаситель молиться Господу в первую очередь об избавлении от искушений, о прощении нам долгов. А почему Священное Писание учит, что всякая власть от Бога? Да потому что это Господь научил людей не мстить друг другу убийством, а отдать дело возмездия помазаннику Своему. Отсюда и власть царская, и сила ее. Каждый человек в государстве неслышно говорит своему повелителю: защити меня от соседа моего, от господина моего, от холопа моего, от злого пришельца, а я за это буду служить тебе верой и правдой. Новгородские посадники не сумели защитить новгородцев друг от друга — потому Новгород и припал к стопам твоим. То же и Орда. Устают ханы и мурзы от убийств друг друга, бегут к тебе искать защиты. «Блаженны миротворцы, ибо они утешатся», — сказано в Писании. А ты и есть всегда самый главный миротворец — даже когда поднимаешь меч, чтобы покарать утративших страх Господень. Потому мы и готовы служить тебе, не щадя животов своих.

Князь был весьма утешен его ответом и отпустил его с милостью.

Но во дворце к дьяку Курицыну нелюбье растет все сильнее. И вот месяц назад прорвалось оно первым злым делом. Вошел Федор в свой

возок, чтобы ехать в Кремль, да увидел, что на заднем сиденье за ночь насыпало снегу, и сел на переднее. Только отъехал от дому, как — вжих! — стрела ударила в заднюю стенку возка. Сидел бы он на обычном месте, так и пробило бы ему шею. А кто подослал убийц — пойди угадай!

Теперь он в дорогу под шубу надевает кольчугу. И еду старается есть только домашнюю. Потому что с лекарствами в Москве плохо, а с ядами большой выбор, на любой вкус. Много уже кому-то неугодных умерло в стенах Кремля от странных недугов.

Прости, если расстроил тебя этими тревожными историями. Но с кем же мне еще поделиться, как не с любимой сестрой? Во всяком случае, сам я занимаю такое маленькое и незавидное место, что за меня можешь не беспокоиться. Постараюсь и дальше держать свою голову склоненной, глаза — прикрытыми, язык — на коротком поводке, как послушного пса.

Корниенковы сердечно кланяются тебе и благодарят за присылку аравийского зелья. Честно сказать, я тоже отведал его, и оно весьма пришлось мне по вкусу. Голова проясняется, и начинаешь верить, что завтрашний день принесет что-то хорошее. Если захочешь порадовать,

присылай еще — я сразу возмещу тебе расходы.

Обнимаю и молюсь за тебя, всегда твой

С. З.

Эстонский дневник

Господь Всемогущий, Господь Всемилостивый!

Благодарю Тебя за все благодеяния, за то, что спас, унес меня от беды. За то, что не в темницу низверг, а приблизил ко дворцу фараона московского. И за то еще благодарю, что никто здесь не просит меня, как Иосифа, истолковывать сны, а то я выдал бы себя очень скоро.

Как бы истолковал я сон про виноградную лозу и три ветви на ней и цветы и грозди и вино, выжатое в чашу? Я бы сказал, что лоза — это одна псковитянка, а три ветви — это три года, что я не видел ее, а цветы — это ее немеркнущая красота, а чаша — это сердце мое, полное вином любви.

А сон про три корзины, и одна из них — с хлебом, и птицы прилетают и клюют его? Ясно, что пение птиц — это голос ее волшебный, а хлеб — это плоть, коей жаждал я причаститься. Но если б открылась вторая корзина, то поползли бы из нее змеи ревности, а из третьей — жабы забвения.

И сон про семь коров тучных и семь коров тощих был бы мне сразу понятен. Семь тучных — это семь лет, что я жил с ней рядом, видел чуть не каждый день и не ценил, не запасал впрок любовь, а только жаловался на злую судьбу. Пришли теперь семь лет разлуки, которые пожрут мою любовь, как семь тощих коров пожрали семь тучных, но толще не стали.

Но дальше, Господи, что сбудется дальше?

Доведется ли мне, как Иосифу, продолжить род мой, продлить семя предков моих в этой новой земле? Или суждено мне исчезнуть в ней без следа, истлеть костьми в еловом лесу? Зачем Ты закрыл от нас завтрашний день? Зачем манишь солнечным зайчиком надежды, зачем даешь нам снова и снова вслепую лететь за ним, а потом расшибать лбы о стену Неизбежного? Забава Тебе? Наука нам? Испытание?

Глава 13. Враги подступают

Владиславу Ольгирдису, в Вильнюс из Москвы, июль 1480

Досточтимый брат Владислав!

В архивах Посольского приказа нашел хроники Литовского королевства столетней давности. Постараюсь снять с них копии и при удобном случае отправить Вам. Вдруг этого варианта еще нет в Вашей коллекции. Буду рад способствовать ее обогащению. Там описаны годы княжения великого князя Ольгерда. В Московии мало кто помнит, что это литовцы под его предводительством нанесли страшное поражение татарам под Синими водами чуть не за двадцать лет до битвы на поле Куликовом, что это они (вы) изгнали татаро-монголов из Киева и Подолии.

С особым волнением я читал о раздорах, которые начались между сыновьями и племянниками Ольгерда после его смерти. Ибо и в нашей Московии нынче вскипает похожая междоусобица. Ведь так бывает в истории любого государства: каждый владыка сначала мечтает о рождении наследника. Потом, боясь его внезапной смерти,

плодит еще и еще. А потом беспечно и безответственно покидает наш бренный мир, оставляя своих отпрысков драться друг с другом за власть, земли, богатство.

Долгое время младшие братья нашего государя мирились с его главенством и тихо сидели в своих удельных городах. Но этой зимой двое из них, Андрей из Углича и Борис из Волока, вдруг обиделись на что-то, возмутились, покинули насиженные места и двинулись со своими дружинами в сторону литовской границы. Насколько я знаю, ваш осторожный король пока не обещал им ничего определенного. Однако все же дал приют их женам и семьям в Витебске.

Всю весну ростовский архиепископ Вассиан ездил взад-вперед, пытаясь помирить мятежных братьев с Москвой, но пока безрезультатно. До военных стычек еще не дошло, но можно ли этим утешаться? Ведь внешние враги слетаются на запах раздора, как стервятники на кровь. И вот уже Тевтонский орден вторгся в Псковские земли, а с юга надвигаются несметные полчища ордынцев.

Неужели король Казимир присоединится к неверным хана Ахмата и нападет вместе с ними на христианского государя? Вся надежда на то, что православные князья королевства Литовско-

го не поднимут меч на своих братьев по вере.

Досточтимый брат, мы с Вами прочли столько умных книг. Скажите, попадалась ли Вам среди них хоть одна, в которой автор предлагал бы по-настоящему мудрый способ управления государством? Платон призывает отдать верховную власть философам, — но мы-то знаем, что настоящий философ будет чураться насилия, а без него управлять людьми невозможно. Аристотель только перечисляет и описывает существующие способы правления — власть одного, власть меньшинства, власть большинства, — но не предлагает ничего нового. Что Вы думаете о власти церкви? В ливонском городе Дерпте вот уже давно правит епископ. Да и Тевтонский орден — это ведь по сути монахи в латах и с мечами. По крайней мере, бездетность церковных владык исключает злые капризы судьбы и можно не опасаться, что у власти окажется молодой наследник вроде Нерона или Калигулы. Если Вы сможете порекомендовать мне какой-нибудь труд на эту важнейшую тему, я тут же засяду переводить его на русский и постараюсь ознакомить с ним как можно больше московитов.

Пока же я хотел бы поделиться с Вами содержанием бесед, которые ведутся время от времени в

узком кружке братьев Курицыных. Жалею, что Вы не можете принять в них участие. Ибо касаются они самых разных вопросов веры, а горячее всего — вопроса о свободе воли. В Священном Писании участники бесед весьма начитаны и часто обращаются к тем местам, где о свободе говорится впрямую: и в Послании апостола Иакова, и в Посланиях апостола Павла к Коринфянам, и особенно в главе пятой его Послания к Галатам, где прямо сказано, что свободу нам даровал Христос, но что нельзя пользоваться этой свободой для угождения нашим плотским похотям.

Однако на последнем собрании Федор Курицын сделал интересное замечание по поводу этого апостольского наставления. Он сказал, что плотские похоти нам хорошо известны: вожделение, пьянство, чревоугодие, лень, злоба, трусость. Но есть одна похоть, распознать которую нелегко, потому что она часто притворяется именно и в первую очередь врагом всех плотских начал. Как много мы знаем служителей церкви, которые громко нападают на человеческие пороки и слабости, делают вид, будто хотят отстоять нашу душу для Господа, а на самом деле стремятся только к одному: подчинить нашу душу и тысячи, тысячи других не Божеской, а собственной воле.

Курицын назвал это «похотью господствования». Воцариться силою меча — этим никого не удивишь. А вот господствовать именем премудрости или праведности, доброты или даже святости — куда и слаще, и долговечнее. И сколько властолюбцев в рясах и ризах мы видим вокруг себя — того не счесть ни по вашу, ни по нашу сторону границы.

Иван Курицын на это припомнил, что их поп в Нижнем Новгороде составил целый список болезней, заготовленных у Господа в наказание за наши прегрешения. Будешь смеяться в церкви — пошлет тебе зубную боль. А за игру на бубнах и сопелках — запор обоим проходам. За гадание по звездам — водянка и глухота, а за игру в кости и шахматы — бубоны и паршу.

«Ты еще маленький был, — подхватил брат Федор, — не помнишь, наверное, как я в девять лет задыхаться начал. Так заходился в кашле, что лицом чернел и с ног валился. Никакие молитвы нашего попа не помогали, ни святая вода, ни чудотворные иконы. Родители совсем со мной прощались, думали — не жилец мальчик. Но все же решились на последнее средство, пошли к одной купчихе, которая травы знала. Она взяла пучок валерьяны, ее в деревнях зовут кошачьим

ладаном, добавила коры дикой вишни, залила кипятком. Горько было, но я пил очень жить хотел. И на второй день прошел кашель. Но ты бы слышал, какие проклятья этой купчихе наш поп потом насылал! Обещал ей место в аду рядом с убийцами. А родителям нашим велел в церкви месяц целый в задних рядах стоять, рядом с оглашенными, за то что посмели пойти к знахарке».

Братья Курицыны внешне похожи: приземистые, широкоплечие, оба с русыми бородками, густобровые. Но характеры и манеры совсем разные. Федор в споре задумчив, будто пробует каждое твое слово на вкус и на вес. Но не для того чтобы возразить, а будто ищет — нельзя ли согласиться. Если же согласие не приходит, он не спеша выстраивает свои возражения в боевой порядок, ведет их в обход справа и слева, пока противник не увидит себя окруженным и не поймет, что пришла пора сдаваться. Иван же, наоборот, горяч, атакует несогласного прямо в лоб, с налета, а если видит, что первый натиск отбит, то махнет рукой как на безнадежного и сердито умолкнет. Но это только в живом разговоре. В письменных донесениях и отчетах может быть таким же обстоятельным, как и брат его.

Кроме Священного Писания, одна тема посто-

янно всплывает в разговорах братьев: глухой разлад между великим князем и церковными владыками. Братья сходятся в том, что несметные богатства церкви делают ее опасным соперником княжеской власти. Каждая новая попытка князя Ивана конфисковать часть монастырских земель вызывает озлобление епископов. Митрополит Геронтий пользуется любым поводом, чтобы выразить свое неудовольствие указами Кремля. А противоборство с новгородскими иерархами дошло до того, что в начале года архиепископ Феофил был арестован и привезен в Москву. И ведь это тот самый Феофил, который всегда был союзником Москвы, который не дал своему конному полку вступить в бой на Шелони, которого великий князь всегда милостиво выслушивал на всех переговорах с новгородцами и в 1471 году, и в 1475-м, и в 1478-м.

А как складываются отношения монастырей с королем у вас, в Литве? Здесь, я вижу, монастыри часто бывают подмогой не только душам людей, но и их телам и даже кошелькам. Если боярину или купцу нужно продать или заложить землю, он знает, что всегда может договориться о сделке с монастырем и уговор будет соблюдаться честно. Да и простой крестьянин может взять новый

участок в аренду у монастыря и быть уверен, что монахи не обманут его.

С другой стороны, монастыри часто освобождались великими князьями Московскими от пошлин и налогов, что вело к уменьшению доходов казны. Сами же монастыри разрешенные им дорожные сборы дерут с каждого воза, проехавшего по их земле, без жалости. А если торговые люди попытаются проложить новую дорогу к ярмарке в объезд старой, в Москву летят челобитные с требованием «закрыть и запретить». И князь часто говорит: «Быть по сему». Из-за этого дорог в Московии мало, и новые прокладывать нелегко.

Очень вероятно, что нынешний разлад между князем и церковью стал известен врагам Московии и придает им еще больше дерзости. Доходят слухи, что тевтонцы и ливонцы, отбитые зимой, снова вторглись в Псковские земли. А передовые отряды хана Ахмата уже замечены в верховьях Дона.

Господь Всемогущий, неужели снова допустишь врагов наших под стены Москвы? Сохрани эту землю и помилуй и дай нам хоть ненадолго вкусить на ней мир и покой.

Прощаюсь с Вами, досточтимый брат, и желаю Вам не знать тех тревог и опасностей, которые нынче подступили к нам так близко.

С. З.

Эстонский дневник

«Душа самовластна, — любит повторять Федор Курицын. — Ограда самовластью — вера. Вера — наставление, данное пророком. У пророка мудрость, наука преблаженная. Ею приходим к страху Божию. Страх Божий начало добродетели».

Я люблю его слушать, завидую покою его души и ума. У меня же ум с душой всегда в разладе. Ум вопрошает, душа не знает, что ответить, только сердится.

Если мы все расплачиваемся за грех Адама, все погибли в нем, почему не все будут спасены во Христе?

Если душа самовластна, то есть свободна что-то совершить вне воли Твоей, где же Твое всемогущество?

А если в каждом нашем поступке Ты незримо

правишь нами и потом караешь за грехи, где же Твоя справедливость?

А если у Тебя другая справедливость, которую нам понять не дано, как же можешь Ты карать нас за нарушение закона, нам неизвестного?

Или Ты учишь нас, неразумных, как хозяин учит бессловесного коня: плеткой и сахаром, вожжами и лаской?

Но на какую же работу Ты решил взнуздать нас на этой земле? На какую гору должны мы отвезти весь тяжкий груз страхов, сомнений, угрызений?

Или работа не здесь, а здесь только испытание, отбор для какой-то будущей работы?

Испытание!

Есть ли в Библии хоть один пророк, который не произнес бы этого слова?!

«Бог пришел, чтобы испытать вас», говорит Моисей.

«Господь испытует все сердца», вторит ему Давид.

«Но Он знает путь мой; пусть испытает меня — выйду, как золото», стенает Иов.

И Соломон слагает стихи про то же: «Плавильня — для серебра, и горнило — для золота, а сердце испытывает Господь».

«Сказал я в сердце своем о сынах человеческих,

чтобы испытал их Бог», читаем у Экклезиаста.

«Вот Я расплавил тебя, но не как серебро: испытал тебя в горниле страдания», разъясняет Исайя.

«Пострадают некоторые и из разумных для испытания их», грозит Даниил.

«Возлюбленные! Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь!», призывает апостол Петр.

А уж апостол Павел говорит об испытании чуть не в каждом послании своем.

Да — верю, знаю! Всю мою жизнь Ты испытывал меня и спасал, испытывал и спасал.

Но чувствую — вот оно грядет, последнее испытание!

Падут городские ворота пред страшным врагом, будет вокруг стон и ужас, огонь и разорение, кровь и мука невинных.

Но как — о, Господи! — как должен я послужить Тебе? Научи! Должно ли мне взять меч в руки и принять смерть в бою с неверными? Или, наоборот, явить пример смирения, дать зарубить себя татарской сабле на пороге храма Твоего?

О, прикажи одно или другое!

Дай ясное повеление!

Избавь душу от бремени самовластья!

Фрау Грете Готлиб, в Мемель из Москвы, осажденной страхом, октябрь 1480

Милая, родная Грета!

Видимо, это будет мое последнее — прощальное — письмо. Долго судьба щадила меня, Господь замечал в последний момент грозящую мне погибель и спасал от беды. Но сейчас туча так черна и так широка — по всему небу, — что даже лучику надежды не дано прорваться сквозь нее. Тысячу лет простоял великий град Константинополь — но даже его могучие стены пали перед напором неверных. Где уж выстоять молодой Москве. Несметные орды катятся к ней с юга, сжигая все на своем пути.

Даже сам великий князь утратил мужество, отправил жену, детей и казну в далекий северный город. Богатые купцы и бояре тоже бегут в свои дальние вотчины. Но я среди тех, кому бежать некуда. Нужно покориться судьбе.

Московская рать выступила на юг, навстречу врагу, но трудно поверить, что она сумеет удержать его. И некого позвать на помощь. Двое братьев великого князя в начале этого года поссорились с ним, увели свои дружины на запад. Псковичи сами с трудом отбиваются от немецко-

го нашествия. С западной границы нельзя снять войска — оттуда в любой момент могут ударить литовцы. Призвать подкрепление из восточных городов? Но этим тут же воспользуется хищное Казанское ханство. (Недаром «казань» по-татарски означает «кипящий котел».)

Три дня назад я шел через посад к дому Ивана Курицына. Вдруг толпа на Ордынке взволновалась, распалась на две части. Раздались крики:

— Державный! Державный!

Кто-то упал на колени, кто-то прижимался лбом к земле. И действительно: сам великий князь проезжал по улице с небольшой свитой. Но как же так? Все полагали, что он при войске, готовится отразить татар, как его прадед Дмитрий Донской. А он что же? Бежал в Москву? Оставил армию без полководца?

Ужас и безумие накатили на толпу, прогнали трепет перед власть имущим.

— Не оставь на погибель! — закричал кто-то.

— Спаси, государь!

— Смилуйся!

— Оборони!

— Защити!

Задние давили на передних, проезд делался все уже. Свита размахивала плетками, но люди все

напирали. Какая-то баба ухватилась за княжеское стремя, дала коню волочить себя в пыли.

— Мы же твои дети и слуги! Неужто оставишь нас погибнуть от поганых?

— Сам же разгневал Ахмата, не платил ему дань!

— Тебе, знать, богатеть, а нам живота лишаться?

— Не слушай, государь, лихих советников!

— Им бы только свои вотчины да мошну сберечь!

— Восстань на врага — и мы все за тобой!

— Не оставь!

— Пощади и помилуй!

С большим трудом княжеская кавалькада протиснулась сквозь вопящую и рыдающую толпу, ускакала в сторону Кремля. И что там происходит, за его стенами, не знает никто. Федор Курицын при войске, на берегах Оки. У нас, в Посольском приказе, тоже смятение. Вспоминают, как отец великого князя, Василий Темный, попытался противиться татарам, как они его разбили под Суздалем и сколько крови тогда пролилось. А даже если и даст Бог победу, что с того? Вот Дмитрий Донской победил Мамая, а через два года новый хан собрал силы, напал, взял Москву обманом,

жег и убивал, не щадя ни старых, ни малых. И тот же победитель, Дмитрий Донской, в бой уже с ним не вступил, укрылся с семьей на севере.

Я пытался говорить с нашим священником об устройстве лазарета для раненых — он не стал слушать. Чувство безнадежности заливает души, течет по улицам, поднимается до церковных маковок.

А тут еще куда-то исчезли мои друзья: Кара Бешмет и Иван Курицын. Жена Ивана со слезами рассказала мне, что перед отъездом он прощался с ней, будто навсегда. Но куда уезжал — не открыл. Когда мне удается проведать их, я часто застаю ее забившейся за сундук в дальней комнате, без света, с обоими детьми, закутанными в меховой кожух.

Духовник великого князя, ростовский епископ Вассиан, прислал ему послание, в котором призывал не падать духом и смело поднять меч против неверных, защищать страну и церковь свою. Кто-то снял копию с письма епископа, и оно попало к нам в Посольский приказ. Читая его, я так разволновался, что сам был готов напялить доспехи и записаться в ополчение. Но нас никто от дворцовой службы не освободит. Переведу для тебя несколько отрывков из этого Боговдохновенного

послания. Пусть в Европе знают, что в гибнущей Москве не все души были сломлены страхом.

«По Божьему изволению, наших ради согрешений, охватили нас скорби и беды от безбожных варваров. Слыхали мы, что басурманин Ахмат уже приближается и губит христиан, и более всего похваляется одолеть твое отечество, а ты перед ним смиряешься и молишь о мире, и послал к нему послов. А он, окаянный, все равно гневом дышит и моления твоего не слушает. А еще дошло до нас, что прежние смутьяны не перестают шептать в твое ухо слова обманные и советуют тебе не противиться супостатам, но отступить и предать на расхищение врагам словесное стадо Христовых овец.

Подумай о себе и о своем стаде, к которому тебя Дух Святой приставил. Вся кровь христианская падет на тебя за то, что, выдавши христианство, бежишь прочь, бою с татарами не поставивши и не бившись с ними. Зачем боишься смерти? Не бессмертный ты человек. Дай мне, старику, войско в руки, увидишь, уклоню

ли лицо свое перед татарами!

А что советуют тебе эти обманщики лжеименитые, мнящие себя христианами? Одно лишь — побросать щиты и, нимало не сопротивляясь этим окаянным сыроядцам, предав христианство и отечество, изгнанниками скитаться по другим странам.

Подумай же, великоумный государь, от какой славы к какому бесчестью сводят они твое величество! Когда такие тьмы народа погибли и церкви Божии разорены и осквернены, кто настолько каменносердечен, что не восплачется об их погибели! Устрашись же и ты, о пастырь, — не с тебя ли взыщет Бог кровь их, согласно словам пророка? Вспоминай сказанное неложными устами Господа Бога нашего Иисуса Христа: „Хоть человек и весь мир приобретет, а душе своей повредит, какой даст выкуп за свою душу?“».

Слова этого благочестивого пастыря дали моей душе силы подготовиться к концу моего земного плавания. Мне хотелось, чтобы ты, любимая

сестра, знала, что в последние дни жизни я был утешен и спокоен.

Прощаюсь с тобой с любовью, благословение Господне да пребудет над тобой и семейством твоим. Всегда твой

С. З.

Глава 14. Стрелы и ядра

Владиславу Ольгирдису, из Москвы в Вильнюс, январь 1481

Досточтимый брат Владислав!

Никогда еще не доводилось мне быть свидетелем чуда Господня — и вот сподобился!

Нет, никаким другим словом не могу я назвать то, что случилось. Как воды Красного моря сомкнул Господь перед войском фараона, так и здесь будто невидимый вал воздвиг Он перед татарской ордой, катившейся на Москву. Ведь она не была разбита в какой-то большой битве — но вдруг отступила, исчезла, растворилась в степях. Как это можно объяснить?

Я должен поведать Вам подробно обо всех событиях этой осени.

В сентябре вся Москва была погружена в панику и отчаяние. Церкви были заполнены молящимися, стенающими, плачущими. Люди спешили исповедаться и причаститься перед неминуемой гибелью. Доходили слухи о первых стычках с татарами на берегах Оки и Угры. Поговаривали даже, что русские полки стоят крепко и не дают

врагу переправиться на левый берег. Но все понимали, что долго они не продержатся. Как только реки замерзнут, татары легко переправятся по льду всей массой и через два-три дня достигнут Москвы.

В начале октября великий князь все же выехал из Москвы в южном направлении, чтобы быть ближе к войскам. По его приказу москвичи начали жечь посад и готовиться к обороне. Все духовенство провожало его под тучами дыма. Митрополит напутствовал его такой речью:

«Бог да сохранит твое царство силою честного креста и даст тебе победу на врагов; только мужайся и крепись, сын духовный! Не как наемник, но как пастырь добрый, полагающий душу свою за овцы, потщись избавить врученное тебе стадо Христовых овец от грядущего ныне волка; и Господь Бог укрепит тебя и поможет тебе и всему твоему Христолюбивому воинству».

Морозы ударили в конце октября. Лед на реках становился крепче с каждым днем. Прошел слух, что русские войска отступают к Кременцу, собираясь дать там решительное сражение. Но татары все не появлялись. Может быть, они решили идти в обход, через Можайск и Звенигород?

В Посольском приказе нам было известно, что

весь октябрь князь Иван посылал к хану Ахмату послов с просьбами о мире. И что тот нагло и высокомерно требовал, чтобы князь приехал к нему в ставку сам и выразил полную покорность и просил прощения за свое неповиновение Золотой Орде. На это князь не соглашался. Ахмат же тянул время, надеясь, видимо, что ваш король выполнит свое обещание и пришлет литовское войско в подмогу татарам.

Хвала Господу — этого не случилось.

Дьяк Федор Курицын все эти месяцы был при войске. Сейчас, вернувшись в Москву, он рассказал нам подробно, день за днем, как отбивали русские воины все попытки врага переправиться через Оку и Угру.

Воевода Данила Холмский — запомните это имя!

Пусть останется оно навсегда в московских летописях и в памяти народной. Да, это тот самый Холмский, который десять лет назад разбил новгородцев на берегах Шелони. А еще до этого отбил татар от Мурома, принудил к миру Казанское ханство. А в 1473 году прогнал от Пскова ливонцев и немцев. И нынче именно его Господь избрал своим орудием для чуда на Угре.

Казалось, он был способен промчаться за день

вдоль всей линии своего войска, растянутой чуть ли не на сотню верст. Утром его видели под Калугой, а вечером он уже был вблизи Алексина. И почти всегда, бок о бок с ним, скакал принц Иван. А позади — священники с иконами и хоругвями. И видя эту кавалькаду, московские ратники одушевлялись необычайно, и страх перед врагом таял, отступал.

Мосты через обе реки были сожжены, а против всех бродов Холмский установил пушки и пищали, отлитые на новом Пушечном дворе мастером Фиораванти. Конечно, стрелять из них по татарской коннице, рассыпанной в степи, не было смысла. Но каждый раз, когда всадники поневоле сгущались и замедлялись, пытаясь перейти реку вброд, русские могли поражать их с близкого расстояния. Одно удачно пущенное ядро могло завалить реку горой окровавленной конины. Тучи стрел, которые татары пускали в ответ, не могли пробить крепкие латы москвичей. Сами же нападавшие были защищены очень слабо — и против русских стрел, и против русских морозов. Одежда их изорвалась за долгий переход из южных степей, мало у кого были хотя бы кожаные доспехи.

Трудный момент наступил тогда, когда вели-

кий князь прислал приказ своему сыну вернуться в Москву. Он тревожился за жизнь наследника, хотел иметь его перед своими глазами. Но принц Иван отказался подчиниться воле отца! Он видел, какой подъем духа в войсках вызывает его появление, понимал, что бегство может посеять всеобщее уныние.

Видя, что сын не слушает письменных распоряжений, великий князь прислал приказ воеводе Холмскому: наследника схватить и силой привезти в Москву.

Но на это Холмский не решился. Рискуя навлечь на себя княжеский гнев и опалу, он только уговаривал принца подчиниться отцовской воле. Но тот показал ему грамоту от своего духовника, настоятеля Троице-Сергиева монастыря, призывавшего его «крепко стоять за отечество свое». «Кого страшнее ослушаться: отца или Господа?» — якобы спросил Иван Молодой. И остался при войске.

Татары не преследовали русских, отступавших от замерзшей Угры. Озлобленные неудачей, они вдруг двинулись на запад и стали грабить ваши южные окраины, мстя литовцам за то, что они не прислали подмогу.

Московские воеводы долго не могли поверить,

что Ахмат увел своих насовсем. Они знали хитрость степняков и готовились к большой битве, собирая войска в районе города Боровска. Разъезды русских лазутчиков следовали за уходившими татарами и доносили о всех их перемещениях. Два мятежных брата великого князя к тому времени примирились с ним и присоединили свои дружины к московской рати.

Только в декабре великий князь уверился в своей победе и торжественно въехал в Москву. На благодарственный молебен в Успенском соборе были собраны все бояре, князья и воеводы, которые были в те дни в столице.

А месяц спустя пришла еще одна радостная весть: великий и грозный повелитель монголов, царь Золотой Орды Ахмат был неожиданно зарезан в собственном шатре. Он одарил своих ханов награбленной в Литве добычей и распустил их, собираясь провести зиму в устье Донца. Но степь не прощает побежденных. Тюменский хан Ивак, к которому присоединилась ногайская орда, незаметно окружил стойбище Ахмата, напал на него на рассвете и умертвил сонного собственной рукой. Великий князь Иван щедро одарил посла Ивака, привезшего это сообщение в Москву.

Наконец, самая последняя радость: целым и

невредимым вернулся в свой дом Иван Курицын. Оказалось, он и Кара Бешмет принимали участие в тайном рейде на столицу Золотой Орды, город Сарай-Берке. Еще в начале осени великий князь приказал князю Звенигородскому и крымскому царевичу Нордоулату, вступившему в московскую службу, собрать отряд верных ратников и незаметно спуститься в ладьях по Волге до того места, где от нее отделяется Ахтубский рукав. Именно там монголы основали свою столицу.

Иван рассказал, как они плыли по ночам, а днем прятали свои ладьи в камышах. Проплывая в виду большого города, отряд принимал вид купеческого каравана или рыболовной артели. Им удалось незаметно достичь Сарая-Берке, и рано утром они ворвались в город, почти не встретив сопротивления. Прав был Кара Бешмет: народ, не умеющий строить крепкие каменные стены, не может себе позволить роскошь — жить в городах.

Нападавшие были поражены благоустройством монгольской столицы. В городе они увидели прекрасные мечети, пышные сады, высокие дома, улицы, вымощенные камнем. Не было только одного: оборонительного рва с башнями и пушками. После вторжения Тамерлана вот уже почти

сто лет никто не смел нападать на монголов. Они слишком полагались на внушаемый ими страх и оставили свою столицу беззащитной.

Нападавшие взяли много добычи, увели толпы пленников, среди которых были и близкие родственники хана Ахмата. Возможно, известие об этом дерзком нападении повлияло на его решение отступить от Угры. Но главное, главное! Иван Курицын отыскал среди русских рабов племянника своей жены! И привез его с собой.

Видели бы Вы счастье Марии Курицыной. Будто ей вернули родного сына. Впервые я слышал, как она может смеяться — так от души, так безоглядно. Уж не знаю, сколько дней поста назначил бы ей ее духовник, если бы услышал такой смех. За восемь лет плена мальчик превратился в красивого юношу, который немедленно стал любимцем всего семейства. Хозяевами его были турки, поэтому он теперь свободно говорит по-турецки. Я буду брать у него уроки. Он рассказал, что брат Марии и остальные члены семьи тоже были проданы туркам. Однако он запомнил имя их хозяина в Стамбуле. Как знать — между Москвой и султаном идет обмен послами. Может быть, Ивану удастся присоединиться к очередному посольству и выкупить в Стамбуле стальных род-

ственников. Надежда! — она меняет всю жизнь человека, наполняет нас до краев, как огонь печи наполняет теплом весь дом.

Город ликует, колокола звонят, мед и пиво текут рекой. Епископ Ростовский Вассиан на свои средства нанял знаменитого художника Дионисия писать иконостас для Успенского собора. Священники в церквах возносят благодарственные молитвы. Но при этом предостерегают: «Да не похвалятся неразумные, будто они своими мечами и стрелами и пушками отбили врага. То чудо чудное совершено волею Всевышнего и Пречистой Божьей Матери, заступницы нашей».

Может быть, и так. Но ведь орудиями для своих чудес Господь избирает людей. И у меня нет сомнения в том, что на этот раз Он избрал двоих: воеводу Данилу Холмского и принца Ивана. Это в их сердца он вложил столько мужества, что они могли заразить им все войско. Только увидев в боях на Угре, что русские решились стоять насмерть, враг ослабел духом и отступил.

Но почему я говорю «отступил»?

Нет, не отступил он, но повернул туда, где путь ему не преграждали щиты воинов, готовых встретить захватчиков лицом к лицу. У грабителей не хватило сил прорваться к Москве — они рину-

лись грабить тех, кто был в этот момент слабее. Плевать, что это был их недавний союзник — Литва. Татары грабили и жгли литовские города, пока не насытились добычей. И лишь после этого вернулись в свои степи.

Боюсь, что монастырские летописцы и хроникеры, записывающие сегодня в Москве это событие, изобразят дело так, будто и боев никаких не было. Постояли, мол, два войска друг против друга и разбежались, когда Господь решил вмешаться и не допустить погибели русских христиан, за которых так усердно молились их пастыри. Сохраните мое свидетельство, любезный брат, пусть хоть один голос донесет до потомков, как было на самом деле.

Должен закончить это послание и бежать укладываться в дальнюю дорогу. Отбившись от татар, Москва срочно шлет свою рать на север, на помощь Пскову. Федор Курицын порекомендовал меня князю Оболенскому как единственного толмача, знающего эстонский. При военных действиях на территории Ливонии это может очень пригодиться. Живущие там эсты сильно злоблены против немецкого господства и будут рады помочь русским войскам. Видимо, следующее мое послание будет написано уже после нашего

возвращения из похода.

На этом прощаюсь с Вами, досточтимый брат, и благодарю Господа, что Он дозволил на этот раз нашим народам не проливать крови друг друга.

Дружески к Вам расположенный

С. З.

Фрау Грете Готлиб, в Мемель из Москвы, весна 1481

Милая, дорогая Грета!

Как близко я был от тебя на этот раз! Всего каких-то сто верст с небольшим. И как я рад, что эти версты так и остались между нами. Ибо явился я в ваши края вместе с псковско-московским войском. И мне страшно подумать, что могло бы случиться со всеми вами, если бы эти головорезы ворвались в Мемель.

Не первый раз я вижу войну. Но, видимо, так никогда и не смогу понять, каким образом она превращает вчера еще достойных людей в кровожадных извергов, с хохотом переходящих от одного злодеяния к другому.

Не буду мучить тебя описаниями того, что мне довелось увидеть во время похода в Ливонию в

феврале этого года. Скажу лишь, что такого разгула бессмысленного изуверства не видала эта земля. Конечно, псковичей переполняла жажда мести — ведь немцы зверствовали в их краях все прошлое лето. Но не сказал ли Господь: «Мне отмщение и Аз воздам»?

Впрочем, почему я осуждаю и обвиняю только других? Разве сам я остался свободен от кровожадных страстей? Когда русская рать штурмовала город Вильянди, разве не скакал я на коне и не вопил, как безумный? Посреди города высился неприступный замок Феллин. Там укрылся магистр Тевтонского ордена Бернгард фон дер Борх с остатками своих рыцарей. Как я мечтал, чтобы пушки Фиораванти пробили брешь в стене замка! Чтобы русские ратники ворвались внутрь, вытащили магистра из его палат и повесили на самой высокой башне. Сколько он пролил русской крови за последние десять лет! Вдобавок, у меня были личные причины ненавидеть этого человека. А если бы рядом с ним вздернули еще некоего кладовщика, хранителя сапог и упряжи, я был бы счастлив втройне.

Но взять Феллин нам не удалось.

В марте началась весенняя распутица, и князь Оболенский отдал приказ возвращаться в Рос-

сию. Обозы с награбленным добром, вереницы пленных, стада угоняемых коров и овец заполнили все дороги. Земля эта заплатила за кровавые авантюры рыцарей тяжелую цену.

Я простился с эстонскими проводниками, помогавшими нам во время кампании, раздал им обещанные подарки и деньги. Мои услуги были больше не нужны, и князь разрешил мне возвращаться в Москву. Сам он сначала должен был провести несколько дней в Пскове, где город устраивал празднества в его честь. Как ты догадываешься, мне тоже очень хотелось завернуть по дороге в Псков, посетить дом моего бывшего хозяина. Я упросил князя взять меня с собой.

Прошло пять лет со времени моего внезапного бегства. Опасность, заставившая меня уехать из города, еще не исчезла совсем. Но вряд ли кто-нибудь мог опознать в кремлевском подьячем из княжеской свиты бывшего приказчика из книжной лавки Алольцева. Тем более, что за это время я сменил прическу, имя, отпустил бороду.

Первая талая вода уже журчала под снегом, когда я подходил к дому Алольцевых. Жирные сосульки свисали с навеса над воротами чуть не до земли. Похоже было, что ворота не открывали за зиму ни разу. Какой-то дух запустения висел

над всем домом. Узкая тропинка между сугробами вела к калитке, но свежих следов на ней не было видно.

Я постучал. Сначала кулаком, потом рукояткой сабли. Стучать пришлось долго. Наконец женский голос спросил:

— Чего надо?

— Дома ли хозяева? Ермолай Лукич, Андрей Ермолаич, Людмила?

Звякнул засов. Калитка приоткрылась. Закутанная в платок женщина вгляделась в меня, потом всплеснула руками и начала негромко плакать. Взяла меня за рукав зипуна и повела между сугробами в дом. В горнице размотала платок, и только тут я узнал служанку Катю — мою бывшую «игровую». Лицо ее заметно огрубело за эти годы, кожа на руках покраснела и потрескалась. Судя по связке ключей на поясе, она теперь выполняла обязанности домоправительницы. Она усадила меня за стол, сама села напротив и тихим голосом поведала об ужасной судьбе, постигшей дом Алольцевых.

Рассказала, как навалилось на них прошлым летом немецкой силы видимо-невидимо, говорят, будто тысяч до ста. Как заполнили они все Заведичье своими шатрами, и пиками, и латами. Как

выстроили за рекой вал, как установили на нем пушки и стали палить по стенам и по башням и по храму Святой Троицы. Как князь Шуйский от страха готов был бежать без оглядки, едва его удержали.

А на помощь позвать — так кого же?

Москва едва от Орды отбивается. С Новгородом нелюбье давнее. Братья князя Ивана побыли тут неделю, так от них разоренье одно получилось, хуже, чем от немцев.

Потом из Дерпта приплыла немцам ливонская подмога на ладьях. Ладьи были такие большие, что на каждой немцы смогли установить по две пушки. И начали бить из них по стенам и воротам в упор с близкого расстояния. А псковские пушки из башен в них не могли попасть — так близко внизу под стеной они оказались. Думали, вот-вот пробьют ворота, и тогда совсем конец придет. Но, видимо, укрепил Господь ратные сердца. Потому что бились отчаянно. И Ермолай Лукич с сыном каждый день на стенах, каждый день под огнем.

А потом немцы переправились через реку ночью, подкрались к воротам в башне и стали бочонки с порохом подкладывать, чтобы взорвать. И тогда псковичи выскочили с секирами, палицами и факелами и стали немцев рубить без

пощады. Перебили несколько сотен, отбросили в реку и вернулись в крепость с победой. Только не все вернулись. Кто-то видел, как Ермолай Лукич, в воде по пояс, прорубал днище ливонской ладьи. Тут они на него и накинулись. Андрей побежал на помощь отцу и тоже пропал во мраке.

Когда рассвело, среди убитых Алольцевых не нашли. Из воды торчали мачты ладьи, потопленной ими. Несколько дней была еще надежда, что отец и сын спаслись и уплыли вниз по реке или в плен попали. А немцы тем временем свернули свой лагерь и ушли. Послал на них Господь наказание: во всем войске начался понос, как при холере. И гнали их псковичи до самой границы и дальше. Многих тогда перебили, мстили страшно. Весь берег Псковского озера был завален их вонючими трупами. Но вот горе такое! — через пять дней нашли там и Алольцевых тела, отца и сына. Река унесла их до самого озера. У Андрея рука перерублена, на одной коже держалась. А у Ермолая Лукича половины лица нет. Пришлось в гробу ему голову рушником прикрыть.

И вот с похорон Людмила стала как юродивая. Бродит по дому одна, сама с собой разговаривает, никого не узнает. Или вдруг принимается пыль вытирать. Скамейки, пол, иконы, сундуки — и все

по нескольку раз, пока не свалится от усталости. Родня Алольцева всегда ее недолюбливала, но тут пыталась помочь. Брат Ермолая Лукича сидел на складе несколько дней, разбирал расписки, ездил к должникам собирать долги. Как жить дальше? Продолжать торговое дело или все продать?

Но она на все отвечала невпопад. Или запевала поминальную. Или падала перед иконой на колени и начинала молиться о здравии мужа и сына, просила Господа сохранить их в дальней дороге.

Закончив свой горестный рассказ, Катя отвела меня в верхние горницы. Мы застали Людмилу Алольцеву за странным занятием: она сидела перед столом, заваленным мужской одеждой, брала по очереди рубаху, порты, кафтан и начинала невпопад пришивать к ним пуговицу. Приглядевшись, мы поняли, что это не пуговицы, а женские украшения: колечки, сережки, браслеты. Она брала их из ларца, стоявшего на столе. Видимо, эта работа успокаивала ее — даже тень улыбки блуждала по губам.

— Барыня, — громко позвала Катя. — К нам дорогой гость пожаловал. Скажите ему ласковое слово.

— Милости просим, милости просим, — сказала Людмила, глядя на меня и не узнавая. — Да вот ни

мужа, ни сына нет дома. В отъезде они, давно уж в отъезде. Я все одна. А работы много. Ты, Катя, угости гостя чем Бог послал. Окрошка-то осталась у нас со вчера?

Я смотрел на нее и чувствовал, как петля скорби стягивает мне горло, мешает дышать. В чертах ее лица еще оставался отблеск былой красоты, но не было прежней жизни. Будто оно уже наполовину превратилось в неподвижный портрет, в икону неизвестной великомученицы.

Катя потянула меня прочь из горницы.

— И лучше, когда так, — прошептала она. — А то придет в себя, все вспомнит — и забьется в рыданиях.

— Но что же делать? что делать? — спросил я тоже шепотом. — Как вы дальше будете жить?

— Бог милостив, может, к лету придет в себя. Торговые дела она знала, всегда мужу помогала. Станем понемногу воск продавать и пеньку. Да и зерно из деревни всегда у нас купят. Подыщем ей мальчонку в мужья. У нас по закону бабе не положено торговую печать иметь, так для виду многие вдовы выходят за двенадцатилетних, а то и помладше. Попу приплатить лишнего — он обвенчает. Смех и грех.

Решение пришло мне в голову внезапно.

— А что если вам пока уехать к ее родителям под Москву? Дом там просторный, с большим садом. Река Яуза рядом. В новом месте она скорее забудет свое горе, скорее придет в себя. Дом здесь пока заколотить. Летом, если поправится, решит, как и где ей жить дальше.

Катя начала было колебаться: как это можно вдруг? Всю жизнь они были псковитяне, и вдруг ехать в Московию? Там, сказывают, и нравы чужие, и говорят так, что псковичам не понять. А что скажут родные Алольцевых? Надо спросить их совета и разрешения. Но брат Ермолая Лукича уехал как раз в Савкино, вернется через неделю. Тогда и обсудим все, тогда и решим.

Однако я объяснил ей, что ждать никак невозможно. Обоз с военной добычей и пленными уходит через два дня. У меня в обозе свой возок, я могу их взять с собой и доставить прямиком к старым Корниенковым. Такого случая больше не будет.

И Катя, посомневавшись вслух еще немного, дала мне уговорить себя. И вместе мы не без труда уговорили Людмилу. Я рассказал ей, как скучают без нее родители, как часто им нужна помощь и по дому, и во время всяких старческих хвороб. Она согласилась, хотя я не был уверен, что она

понимает ясно, куда мы едем — в Москву или в ее родной Новгород. Но я не стал уточнять. К родителям — это главное.

Когда-нибудь, милая Грета, я опишу тебе подробно, как проходило наше путешествие. Как мы пересекали разлившиеся реки на плотах, как укрывались от бури в сожженном монастыре под Новгородом, как тонули в болоте под Тверью, и какое это было счастье: видеть встречу дочери с отцом и матерью после стольких лет разлуки.

Но сейчас мне нужно кончать это письмо и спешить на воскресную службу в Архангельском соборе. Радость, великая радость ждала меня по возвращении в Москву: сам великий князь вызвал из Новгорода отца Дениса и назначил его протопопом в этом знаменитом кремлевском храме. Верь, что в моих молитвах сегодня твое имя и имена всех членов твоего семейства вознесутся к престолу Всевышнего с той искренней любовью, которая никогда не умрет в моем сердце.

Вечно преданный брат,

С. З.

Эстонский дневник

Господи, благодарю!

Господи, верую!

Милостью Твоей избавлен от страшного греха!

Неповинен я в гибели отца и сына Алольцевых! Твоим милосердием и благостью был унесен своевременно прочь, чтобы не открыла моя испуганная рука ворота их врагу.

Теперь молю о новой милости: верни душу Людмилы в тело ее.

Как засияли ее глаза при виде родителей! Как разгладилось и посветлело лицо!

Я вижу, чувствую, что душа ее где-то рядом, витает вблизи покинутого обиталища. Что она жива, но так обожжена горем, что боится вернуться в земную оболочку свою.

Почему так устроено премудростью Твоей, что нашим душам назначено мучиться в земном плаванье? Порой мне чудится: как мореплаватель входит внутрь своего корабля, так наша душа входит в тело. И дальше пытается вести его сквозь житейские бури, огибая бурлящие водовороты страданий, грозные скалы страхов, темные туманы сомнений.

Но к какой цели?

Где то сокровище небесное, которое поручил Ты нам отыскать в земном плаванье?

«Не собирайте себе сокровище на земле», учит нас Искупитель наш.

Но ведь Ты послал нас почему-то плыть не по кругам ада, и не в бесплотном эфире, и не в райских облаках, а именно по земле. Чего-то Ты ждешь от нас именно здесь. Но чего?

Тайна, загадка.

И все же, каков ни был бы ответ на нее, я страстно верю, что путь Людмилы Алольцевой в земной юдоли еще не завершен. И если Ты дозволишь ее душе и телу вновь слиться воедино, она послужит еще Тебе и славе Твоей. Коли Ты одарил ее таким песенным даром, наверное, голос ее был угоден Тебе.

О, верни ей голос и душу!

И она воспоет Тебя в слезах так, что души остальных молящихся в церкви Твоей рванутся ввысь, к Тебе неудержимо.

Глава 15. Свадьба

Брату Владиславу, в Вильнюс из Москвы, лето 1482

Дорогой брат Владислав!

Десять лет назад Москва торжественно встречала заморскую принцессу, предназначенную в жены великому князю Ивану. И она не обманула надежд москвичей, родив своему венценосному супругу уже пятерых детей. Ныне снова звонят колокола, снова украшены ворота, снова позолоченный возок подкатывает к дворцовому крыльцу. С берегов Днестра прибыла дочь повелителя Молдавии, Елена Стефановна, которой суждено стать женой принца Ивана.

Конечно, мы знаем из истории мира, что судьба царств и королевств часто решалась не только на полях сражений, но и в дворцовых спальнях. И все же, каждый раз, когда это происходит на твоих глазах, испытываешь почтительное изумление. Крошечная капля монаршего семени достигнет желанной цели, и благодаря этому двадцать лет спустя где-то в далеких лесах, степях, горах государственная граница удлинится или укоротится

на сотни верст. Чудны дела Твои, Господи!

В ожидании свадьбы Елена Волошанка поселилась в монастыре, у княгини-матери, инокини Марфы. Но мне довелось увидеть ее совсем близко, когда она приезжала на свидание с великой княгиней Софьей. Дело в том, что молдавская принцесса не владеет никаким иностранным языком. Ее родной язык представляет собой смесь болгарского и различных славянских наречий. Мои познания в болгарском не очень велики, но княгиня Софья уже не раз пользовалась моими услугами и доверяет мне. Она позвала меня быть переводчиком во время встречи. Вот Вам краткий отчет об этом немаловажном дворцовом событии.

Прежде всего княгиня Софья хотела побольше узнать об отце Елены, молдавском господаре Стефане. Как Вам известно, в последние годы слава о нем летит по всем христианским странам. Его героическое сопротивление турецкому нашествию восхищает, изумляет, вселяет надежду. Каким образом маленькая Молдавия могла отразить врага, перед которым не устояла огромная Византийская империя? Никто не знает ответа на этот вопрос. Вы можете включить его в длинный список военных загадок мировой исто-

рии. Маленький Тир не покорился вавилонцам Навуходоносора, Греция отразила нашествие мидийцев, Александр Македонский с тридцатью тысячами воинов завоевал многомиллионную Персию, норманы-викинги захватили почти все европейские троны, монголы покорили Китай, Хорезм, Русь — кто, когда сможет объяснить все это?

Так и молдавский господарь Стефан непостижимым образом дважды разгромил полчища Мехмеда Второго, вторгавшиеся в его земли. Принцесса Елена рассказывала о подвигах отца с понятной гордостью. Княгиня Софья в ответ на это поведала ей, как геройски вел себя ее жених, Иван Младший, во время боев с монголами на реке Угре. Вообще обе дамы состязались в учтивости и приветливости. Княгиня Софья обещала помогать принцессе советами во всех делах, касающихся русских обычаев, дворцовой жизни, ухода за детьми. Но обе, мне кажется, понимали, что именно дети могут стать в будущем яблоком раздора между ними.

Кто унаследует московский трон? Принц Иван? Его будущие сыновья, рожденные молдавской принцессой? Или сын княгини Софьи, малолетний Василий?

Мы знаем, как много юных наследников европейских тронов умерло при загадочных обстоятельствах в недавние десятилетия. И жизнь великого князя Московского в его детские годы, когда отец его сражался за трон, много раз висела на волоске. Московское государство еще очень молодо, в нем до сих пор нет ясных законов о престолонаследии. Все будет решать скрытая борьба придворных партий. А эти партии неизбежно станут возникать вокруг детей Елены Волошанки, когда те еще будут только-только шевелиться в ее чреве.

Кстати, о партиях. Правда ли, что в вашем королевстве раскрыт заговор православных князей, замышлявших убить короля Казимира? И что в нем замешан кузен нашего повелителя, князь Олелькович? Я встречался с ним в Новгороде десять лет назад, и он показался мне человеком умным и осмотрительным. Не может ли оказаться, что все обвинение выросло целиком из клеветы и наветов врагов из католического лагеря?

Боюсь, что все это сильно ухудшит отношения между нашими государствами. Постоянные раздоры пограничных князей, которые так часто переходят со службы королю Казимиру в службу

великому князю московскому и обратно, легко могут стать поводом для войны. Вдобавок, союзник князя Ивана, крымский хан Менгли-Гирей, постоянно совершает набеги на ваши южные области. А сейчас наш правитель хочет установить более прочные отношения с другим давнишним противником Литвы — венгерским королем. С этой целью Федор Курицын отправится во главе большого посольства в Будапешт.

Пока же братья Курицыны стараются как можно больше дней проводить вместе. С приездом отца Дениса беседы в кружке все чаще начинают обращаться вокруг тайн христианской веры. Постепенно из наших разговоров, как корабль из тумана, выплыла идея, мечта, замысел огромного книжного начинания: полный перевод Библии на русский язык. Народы, признающие Папу римского наместником Господа на земле, до сих пор не имеют книг Священного Писания на родных языках. Католическая церковь, видимо, еще не скоро разрешит такие переводы. Если нам удастся осуществить наш проект, русские станут первым народом после греков, для которого Зов Господень откроется во всей Божественной чистоте и внятности.

Одну за другой мы читаем уже переведенные

главы, сравниваем их с латинскими и греческими текстами, обсуждаем, что можно использовать, а что придется переводить заново. Подсчитываем, сколько понадобится переводчиков, переписчиков, пергамента. Отец Денис обещал осторожно выспросить у митрополита Геронтия, как он отнесется к этому, согласится ли поддержать деньгами из церковной казны.

Если судьба когда-нибудь забросит Вас в Москву, досточтимый брат Владислав, я был бы рад привести Вас на наши собрания. Ведь очень часто главное содержится не в произнесенных словах, а в том, как они были сказаны. Я верю, что у слов есть своя душа и говорящий вдувает ее своим голосом в буквенную оболочку. На бумаге это исчезает.

Вот, например, неделю назад отец Денис с тревогой рассказывал нам, как прихожане в порученном ему храме доводят почитание икон до грани идолопоклонства. Как они непременно хотят прикоснуться к чудодейственной иконе великомученицы Екатерины, а некоторые даже пытаются соскоблить ножом немного краски, чтобы отнести болеющим родственникам и исцелить их. Но при этом рассказе в голосе его не было ни гнева, ни насмешки, ни раздражения,

ни обличения, а одна лишь мягкая тревога, окрашенная печальной иронией.

А вот мирза Кара Бешмет, недавно крещенный, пытается уяснить для себя тайну и премудрость Святой Троицы. И опять же, нет в его вопрошании ни притворного смирения, ни чванства, ни дерзости, прикрывающей невежество, ни елейности, под которой любит прятаться равнодушие.

В углу тихо сидит с рукоделием Мария Курицына, время от времени переводит живой взгляд с одного говорящего на другого. Рядом с ней — ее племянник Михаил, юноша, спасенный из татарского плена. Глаза его горят, дыхание вырывается из приоткрытых губ так, словно это сама рвущаяся к вере душа вылетает, чтобы перехватить на лету слова старших, полные глубокого смысла, живого чувства.

Да, я очень люблю эти наши вечера в уютном доме Ивана Курицына. И кажется мне, что нигде еще не доводилось мне видеть собрание людей, которые так близки были бы к исполнению завещанного апостолом Петром: «Имейте усердную любовь друг к другу… Служите друг другу каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители благодати Божьей».

Прощаюсь с Вами, досточтимый брат, и призываю благословение Господне на вашу обитель.

С. З.

Фрау Грете Готлиб, в Мемель из Москвы, декабрь 1482

Милая, родная, любимая сестра моя Грета!

Только тебе могу я со всей чистосердечностью поведать о важнейшем событии, потрясшем, перевернувшем мою жизнь.

Помнишь, в одном из писем прошлого года я писал о гибели в бою моего бывшего хозяина Алольцева и его сына. О том, как я отыскал в Пскове его вдову, Людмилу, и увез ее к родителям, живущим в подмосковной деревне. Я надеялся, что покойная сельская жизнь поможет ей постепенно прийти в себя после перенесенного горя.

Родители окружили ее любовью и заботой. Мудрая мать не пыталась держать ее все время под шубой на печи, очень скоро начала давать всякие поручения по дому и хозяйству. В Пскове Людмила славилась умением варить меды, пиво и вишневые морсы с добавкой гвоздики и муска-

та, и вскоре ее семья и соседи, да и все семейство Курицыных — все получили возможность оценить ее искусство. С наступлением весны она стала много времени проводить в саду, готовила парниковые грядки для дынь, прививала черенки к стволам яблонь, сажала капусту, морковь, свеклу. Для всех нас было большим облегчением увидеть, что ее губам вернулась способность открываться в улыбке. На новом месте ничто не напоминало ей о прежней жизни и о горестном событии, разрушившем ее. Господь внял нашим молитвам и дозволил ее душе воссоединиться с земной оболочкой.

Теперь я должен сознаться тебе в том, в чем не сознавался никому: все годы моей жизни в Пскове я был тайно и безнадежно влюблен в Людмилу Алольцеву. Конечно, слово «тайно» не совсем точно. Даже наша матушка подтрунивала надо мной издалека, указывая, что в своих письмах я уделяю Людмиле слишком много внимания. Да и сама Людмила не могла не замечать, как загораются радостью мои глаза при каждом ее появлении. Женщины чувствуют и понимают такие вещи без слов. Все было точно так, как это описано в песнях, поэмах, стихах: от макушки до пяток тело заливает горячая истома, которая непред-

сказуемо окрашивается то болью, то счастливым ожиданием неизвестно чего, то пронзительной вспышкой благодарности Создателю за мимолетный миг блаженства.

Нежность созревает раньше желания. Не потому ли так часты греховные связи внутри семей? Золовка со свекром, дед с внучкой, теща с зятем… Не верю, что библейский Иуда возлег со своей невесткой Фамарью, не узнав ее. Неосознанная нежность растопила стену, разделяющую в повседневной жизни двух близких людей, осталось только снять ненужную уже никому одежду.

Но в моей судьбе — было ли это грехом? Должен ли человек сознаваться на исповеди в том, что есть одна женщина — жена другого, — рядом с которой ему трудно дышать? Что он может поделать с собой? Ведь я ни словом, ни жестом не дал своему чувству прорваться наружу. Но даже когда судьба унесла меня прочь из Пскова, сердце мое не избавилось от этого наваждения, не вырвалось из плена.

Ты уже, видимо, догадалась, к чему идет мой рассказ. Да, именно так и случилось. В конце лета, когда я убедился, что к Людмиле вполне вернулась способность слышать и понимать обращенные к ней слова, я набрался смелости,

напялил свой самый нарядный кафтан, приехал в Малые Мытищи к Корниенковым и постучал в дверь их дома. По местным обычаям, я должен был обратиться сначала к батюшке и матушке. Но судьба так подстроила, что Корниенковых не было дома и дверь мне открыла сама Людмила.

— Радость моя несказанная, — выпалил я, не очень сам понимая смысл своих слов (да и был ли он?). — Радость моя… все эти годы… Ты ведь видела, знала… И вот теперь… Это судьба так решила… Воля Господня… Чтобы нам быть вместе… Согласна ли ты? Пойдешь ли за меня замуж?

Она смотрела на меня расширенными глазами. Прикрыла рот ладонью, отступила назад. Потом стала тихо смеяться.

— Вот насмешил… Вот уважил… Нашел себе невесту… Да ты знаешь ли, сколько мне лет? Пятый десяток пошел. Коли тебе приспичило, поищи среди молодых… За тебя любая пойдет.

— Не нужна мне молодая… Никто мне не нужен… Только ты одна… Сердце мое украла… Сколько уже?.. Почитай, пятнадцать лет…

Тут в дом вернулась ее мать. Людмила побежала к ней, уткнула смеющееся лицо ей в грудь.

— Ох, матушка, погляди-ка на него… Угадай, зачем он приехал?.. К одной старухе свататься

решил.

Мать гладила ее по волосам, на смех не откликалась, смотрела серьезно.

— А и что ж тут смешного?.. По-всякому в жизни бывает… То старик на молодухе женится, то молодой постарше себе найдет… И вдовы во второй раз выходят замуж, это церковью разрешено… Был бы человек хороший… А где ты лучше Степана Юрьевича найдешь?

Людмила бросила на меня быстрый взгляд. Потом снова уткнулась матери в грудь.

— Ты, Степанушка, поезжай домой, дай нам тут между собой все обсудить. А сам, если всерьез затеял, присылай дьячка или священника для рукобитья. Чтобы все было по-людски. Отец с матерью у нее живы, надо, стало быть, их согласия для порядку спросить.

Я вернулся в Москву и рассказал все отцу Денису. Он пришел в радостное возбуждение, немедленно стал собираться.

— Никаких дьячков! Я сам к ним поеду! Завтра же! Какое приданое просить?.. Как это «никакого»? Ты же сам рассказывал, что она получила деньги от деверя за проданный дом в Пскове и за лавку и за все оставшееся имущество. На что вы жить будете? У тебя, что ли, клад в тайном месте

закопан? Нет, уж доверь мне все рукобитье. В убытке не будешь.

Господи, при чем тут убытки-прибытки?! Я бы взял ее в одном сарафане, какой был на ней. Я боялся, что вдруг переговоры о приданом могут все разрушить. Вдруг она подумает, что я позарился на ее наследство, полученное из Пскова?

Но, слава Богу, все прошло хорошо. Отец Денис вернулся из Малых Мытищ вечером следующего дня очень довольный. Сиял. Да, согласие родителей получено. Да, и невеста вышла к нему и сказала, как заведено в Пскове: «Мое дело кончено, кланяйтесь моему жениху, Степану Юрьевичу». (Так меня зовут здесь теперь.) Нет, была совершенно серьезна. Вот знак согласия — белый шелковый платок от ее родителей в подарок. Сговорились, что свадьбу можно сыграть через месяц. Сам отец Денис взялся нас повенчать.

Милая Грета, ты ведь сама пережила и помнишь все предсвадебные волненья и страхи. Но ты выходила замуж молодой. У тебя жизнь была впереди. Если бы что-то сорвалось, это не было бы крахом всех надежд и упований. Для меня же — пойми — это была единственная, первая и последняя, возможность вкусить семейное счастье.

Ибо я сказал Людмиле чистую правду: никто не мог мне заменить ее, никто не был мне нужен.

Месяц прошел, хвала Господу, в заботах и хлопотах, которые отвлекали меня, возвращали сердцу возможность разжиматься порой и возобновлять нужное биение в груди. Заняв денег у Ивана Курицына и Кара Бешмета, я купил домик с садом в деревне Сокольники, на полпути между Кремлем и Малыми Мытищами. Эта деревня тоже стоит на реке Яузе. Поэтому в день свадьбы родители невесты со служанкой Катей, их друзья и соседи спустились от их дома на ладьях и стругах.

Отцу Денису уже не раз доводилось венчать вдов и вдовцов. В местной церкви все делалось по его указаниям. Заплетать волосы в две косы, оборачивать их вокруг головы и потом покрывать кокошником Людмиле не пришлось — этот обряд был только для девиц. Но брачные венцы на нас возложили: мне — на голову, а ей — на левое плечо. При венчании отец Денис прочел сто двадцать седьмой псалом:

> *«Блажен всякий боящийся Господа, ходящий путями Его! Ты будешь есть от трудов рук твоих; блажен ты и благо тебе! Жена твоя, как плодовитая лоза, в доме твоем; сыновья твои да будут,*

как масличные ветви вокруг трапезы твоей. Так благословится человек, боящийся Господа!»

Потом обернулся ко мне и спросил:

— Ты берешь молодую и милую. Будешь ли любить ее в радостях и бедности? Не будешь ли издеваться над нею и поступать с ней грубо? Если она состарится, сделается немощною или больною, то не покинешь ли ее?

Голос у меня вдруг стал хриплым, но все же я сумел сказать громко и твердо:

— Никогда не покину!

Тогда отец Денис обернулся к Людмиле, пропустил положенное начало — «ты еще молодая и неопытная» — и спросил:

— Будешь ли жить с мужем в согласии, как следует доброй жене? Будешь ли смотреть за хозяйством? Пребудешь ли ему верною, когда он состарится и ослабеет?

И она негромко ответила: «Да, да…»

При выходе из церкви нас осыпали хмелем и конопляным семенем. Из церкви все перешли в мой новый дом. Там уже было накрыто на столах угощение: яблоки и груши, изюм, пряники, караваи свежего хлеба, сыр и масло, орехи и яйца, вино и мед. Тут под крики «горько» жениху было

дозволено поцеловать молодую жену в губы.

Дальше я плохо помню.

Как ты можешь догадаться, веселье и шум скоро заполнили горницу. Но помню, что вдруг все стихли и голос Людмилы, как цветок на длинном стебле, взлетел над головами гостей:

А я про тебя, душа моя, терзаюсь всегда!

Не вижу я в ноченьке спокою часа.

Казалась мне ночушка за белый денек,

А вы, мои частые звезды, за белую зорю,

А батюшка светел месяц за красное солнце.

Я лесом шла ко милу дружку

Казалось мне, лишь шелкова травушка

Сплетает мой след; лавровый листок,

Лавровые листочушки в голове шумят.

Ах, не шумите вы, лавровые листочки, в моей голове!

И так мое сердечушко изныло во мне.

По местным обычаям, молодых кладут в нетопленой комнате, на постель из пшеничных снопов.

Почему «нетопленой», спросишь ты. Может быть, для того, чтобы крепче обнимались?

В роли дружек у меня на свадьбе были Иван Курицын и Кара Бешмет. Им следовало всю ночь разъезжать с обнаженными саблями вокруг дома, отгонять злых духов. Но, видимо, вишневый мед, приготовленный Людмилой, был слишком крепок: уже через полчаса их пьяное пение и стук копыт за окном стихли. Мы с Людмилой остались наедине.

Благопристойность требует, чтобы я стыдливо умолк тут и перескочил сразу к следующему утру, к обязательному походу в баню и продолжению свадебного пира. Могу лишь добавить очевидное: в нашем случае не было нужды оставлять в спальне вино в кубке с просверленной дырочкой. Но иконы, конечно, все были завешены красивыми полотенцами.

Прощаюсь с тобой, дорогая сестра, и верю, что ты будешь рада моему счастью, ниспосланному мне по безмерной милости Господней!

Твой — когда-то Стефан Златобрад, — а ныне

Степан Юрьевич (по отцу — Иржи) Бородин-Червонный.

Эстонский дневник

Господи, в сотый раз взываю к Тебе все с тем же вопросом: КТО Я?

Творение Твое по образу и подобию Твоему или бренный прах и тля мимолетная?

Когда я гляжу на ладонь свою, на кожу, под которой так дивно несется красная кровь, вдоль суставов и жил, столь искусно сплетенных Тобой, что никакой ювелир не сумеет повторить этот строй и рисунок, — как я могу поверить учащим о бренности и ничтожности плоти?

Когда мой глаз — это хитроумнейшее непостижимое устройство Твое — ловит свет далеких звезд или многоцветье крыла бабочки, как я могу ответить презрением на столь дивный подарок?

Нет, нет и нет!

Тело мое есть творенье Твое, и я не стану слушать аскетов и постников не буду стыдиться ни одной части его, так любовно сработанной Тобою.

Да не устыжусь я ни твердого черепа своего, блестящего первой пролысиной на макушке. Ни ушей, торчащих на морозе, как два красных фонаря. Ни носа, полного защитных соплей, ни слюны во рту, ни мокрого языка своего, ни жадных зубов.

Не устыжусь ни бороды своей, ни усов, ни волос на груди — зачем-то Ты наделил нас ими, забыв объяснить — зачем.

И соленый пот пусть стекает по коже моей, защищая ее от солнечного жара.

И в чреве моем да сгорает исправно хлеб Твой насущный и шлет тепло до кончиков пальцев, как печь шлет тепло в самые дальние углы дома.

И тайного стебля не устыжусь, твердеющего от напора семени в нем, жаждущего прорасти новым человеком на старой земле.

А не устыдившись себя — стану ли со стыдом взирать на тело Богоданной жены моей?

Не устыжусь ни плеч ее прекрасных, сияющих в полумраке. Ни горячих грудей, за которые вступают в схватку мой рот с моей же ладонью. Ни бедер крутобелых под рукой моей, скользящей, как санки, вверх и вниз, с замиранием сердца. Ни чресел, открытых, как цветок для шмеля.

Кто как не Ты создал нас друг для друга?

Кто как не Ты свел нас, таких малых, в такой бескрайней Вселенной? Дал отыскать друг друга и стать как одна плоть?

Да славится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да сбудется оно в телах наших на земле, как и в душах на небе!

Аминь!

Глава 16. Гробы и колыбели

Владиславу Ольгирдису, в Вильнюс из Москвы, лето 1483

Досточтимый брат Владислав!

В предыдущем письме я уже сообщал Вам о главных переменах в своей жизни: женитьба и покупка собственного домика в московском посаде. Благодарю за присылку денег — они почти покрыли мой долг друзьям, одолжившим мне нужную сумму. Не буду утомлять Вас подробностями. Судьба скромного подьячего в Посольском приказе не должна засорять скрижали мировой истории, которые Вы собираете в своих сундуках. Даже если этот подьячий воображает, что Господь послал ему совершенно исключительное счастье, какого до сих пор не сподобился ни один смертный, лучше ему сидеть тихо в своем счастливом полузабытьи и время от времени напоминать себе, что ничто на этом свете не длится вечно.

Именно в таком расслабленном и философском настроении я сидел вчера поздним вечером на скамейке в нашем саду. Ноздри мои вдыхали аромат петуний, левкоев, роз, посаженных умелыми

пальцами моей жены, взгляд скользил по небесным клумбам расцветающих звезд, посеянных рукой Господней, уши ловили слабое журчание реки. И я почти не испугался, когда из-за забора выросла темная фигура и негромко окликнула меня по имени.

Все же, подходя к калитке, я на всякий случай прихватил топор, лежавший на поленнице.

Ночной пришелец откинул капюшон плаща. Я узнал знаменитого строителя Успенского собора, Аристотеля Фиораванти.

Но чтобы объяснить Вам цель его визита, я должен сначала поведать о тягостных событиях, происходивших в Москве в первой половине этого года. Когда переведете это письмо с эстонского, пожалуйста, спрячьте его от посторонних глаз. В сегодняшней Москве никогда не знаешь, за что тебя могут лишить такой важной части тела, как язык.

Все началось с того, что великий князь приказал своему главному лекарю, немецкому доктору Антуану Голленбергеру (русские не могли запомнить его фамилию и звали просто Антоном), заняться лечением служилого татарского царевича Каракучи. Не знаю, чем был болен этот татарский воин, не знаю, в чем состояло лечение.

Так или иначе, несмотря на все старания доктора Антона, пациент его скончался. Татарская родня пришла в ярость и заявила, что немецкий лекарь нарочно отравил их бесценного Каракучу, потому что тот выражал недовольство лечением. Они представили свидетеля, который подтвердил факт отравления. Доктор Антон был арестован, допрошен и признался в преступлении, после чего был выдан татарской родне для расправы.

Здесь нужно учесть два немаловажных обстоятельства.

Во-первых, все иностранные врачи сходятся во мнении о том, что лечить московитов — дело весьма трудное, неблагодарное и рискованное. Они не выполняют предписаний, лекарства принимают неаккуратно, лечебных пиявок срывают через пять минут, едят свои любимые кушанья вопреки запрещениям врача и в глубине души верят, что кубок крепкой водки, сопровождаемый хорошей баней с паром, должен излечить их от любых недугов. Если же этого не произойдет, надо искать злодея, наславшего порчу, и вырвать ему дурной глаз.

Во-вторых, что касается свидетельских показаний и признаний обвиняемого, нужно знать, как они добываются. Нет, московские палачи не

утруждают себя теми сложными орудиями, которыми пользуется инквизиция в Европе. Их метод весьма прост: они разбивают допрашиваемому ступни тяжелой дубиной и оставляют в камере на два дня. Через два дня раздробленные кости воспаляются до такой степени, что щелчок пальца по ним вызывает душераздирающие вопли. Любые нужные показания можно получить в пять минут.

Иностранная колония в Москве догадывалась, что показания против доктора Антона, да и его собственные признания добывались именно таким способом. Все были подавлены, испуганы, растеряны. В конце концов, решили вступить в переговоры с родней покойного Каракучи и предложить им выкуп за несчастного врача. Практичные татары решили, что деньги важнее, чем короткое удовольствие казни иностранца, и согласились. Был быстро собран солидный выкуп и вручен Аристотелю Фиораванти для передачи царевичу Даньяру.

Но тут об этих переговорах проведал великий князь.

Мы до сих пор не знаем, что вызвало у него такой гнев.

То ли он возмутился, что кто-то пытался тайно

обойти вынесенный им приговор. То ли давно был недоволен доктором Антоном и рад был предлогу избавиться от него. То ли решил, что пора нагнать страху на всех иностранцев, находящихся у него на службе.

Так или иначе, он повелел отнять у зодчего деньги, собранные для выкупа, а самого посадить под арест в доме несчастного доктора.

И, выполняя повеление великого князя, для пущего позора, татарская родня казнила немецкого врача не на площади, а зарезала под мостом, как овцу.

Вы могли заметить, любезный брат, что в своих письмах я избегаю осуждать или одобрять действия великого князя. Я обхожу эту тему не из одной лишь осторожности. Мне глубоко запали в память слова Федора Курицына о том, что мы, простые смертные, не можем быть судьями помазаннику Божьему. Его суд — только Всевышнего. А нам не дано понять и измерить, какие грузы упований и опасений, долга и страсти, стонов и крови качаются на весах его души.

Только неделю назад синьор Фиораванти был выпущен из-под ареста и вернулся к руководству Московским пушечным двором. Лицо его, в свете луны, показалось мне не просто исхудалым, но

изможденным. Шепот часто переходил в невнятное сипение. Я слушал его печальную повесть, и пиявки сострадания облепляли мое сердце.

— Чего они хотят от меня? — шептал старый мастер. — Чтобы я служил им до гробовой доски? Я построил им собор, который будет стоять века. Я научил их отливать такие пушки, которые пробьют стену любой крепости. Мне пошел седьмой десяток, я заслужил покой. Сына Андреа я не видел уже пять лет, родных и близких — еще дольше. Городской совет Болоньи несколько раз писал великому князю письма с просьбой отпустить меня на родину — тщетно. Каждый раз, когда я сам осторожно заговаривал с ним о возможности отъезда, лицо его наливалось кровью. Мне кажется, пробудить в нем сочувствие, понимание почти невозможно. А после истории с несчастным немецким доктором тоска и страх душат меня по ночам так, что я готов руки на себя наложить.

Как мог, я пытался утешить и ободрить старого мастера. Но он пришел не за утешениями. Одна идея, одна мечта обуревает его теперь: побег! Служа в Посольском приказе, я должен был изучить все порядки отправки и приема посольств. Он хорошо узнал меня за тот год, что я служил у

него толмачом, доверяет моей смекалке и честности. Готов щедро оплатить любую помощь. Неужели нет возможности тайно присоединить к посольству неприхотливого старика на должность писца, толмача или даже конюха? А как путешествуют паломники и богомольцы? Неужели каждый из них должен иметь грамоту для перехода из одного княжества в другое? Вот вы сами, если бы решили бежать обратно в Любек, — какой способ выбрали бы вы? Ведь как-то убежал из монастыря свергнутый митрополит Исидор и добрался до Рима.

Я стал отговаривать его от этой безумной затеи. В свое время ему пришлось спасаться бегством из Рима, и он легко ускользнул из города под покровом ночи. В Италии такое было возможно — но не здесь. Чтобы нанести мне этот ночной визит в Сокольниках, синьору Фиораванти пришлось сделать вид, что он ездил молиться в соседний монастырь. В Московии и других русских княжествах любой путешественник находится под постоянным придирчивым надзором властей, приставов, стражников. Даже псковские послы, направлявшиеся в Москву, постоянно должны были заранее испрашивать разрешение на проезд у новгородцев, у князя Тверского или у Литвы.

Десять лет назад венецианский посол Тревизан, будучи в Москве, попытался скрыть, что конечной целью его поездки был визит в Орду, и отсидел за это два года в московской темнице.

Но синьор Фиораванти стоял на своем: «Должен, должен быть какой-то способ!» Отчаяние его было таким неподдельным, что мне стало искренне жаль его. Как Вы думаете, нельзя ли что-то сделать для старого архитектора? Ведь литовские послы время от времени приезжают в Москву. Не найдется ли в их свите смельчака, который согласится уступить ему свое место в возке на обратном пути? Мастер предлагает в награду пятьдесят рублей.

Понятно, что риск здесь нешуточный. Я пишу эти строки и чувствую прикосновение дубины палача к моим ступням. Но все же, никому неизвестный и физически выносливый человек, хорошо знающий русский язык, имел бы шанс потом незаметно выбраться из страны. Для старого же мастера, которого все знают в лицо, которого акцент выдаст с первого же слова, это абсолютно невозможно.

Я обещал синьору Фиораванти, что попытаюсь осторожно расспросить нужных людей о возможности бегства. Но, честно признаться, под

«нужным человеком» я имел в виду только Вас. Вряд ли я рискну обратиться с таким вопросом-предложением к кому-то из местных. Буду ждать Вашего ответа, досточтимый брат, а пока шлю Вам пожелания здоровья и мира душевного.

Всегда Ваш,

С. З.

Фрау Грете Готлиб, в Мемель из Москвы, ноябрь 1483

Милая, милая Грета!

Всю жизнь я привык смотреть на тебя и думать о тебе как о младшей любимой сестре, которую надо опекать, поучать, охранять, наставлять. И как мне странно вдруг ступить на путь, которым ты прошла раньше меня и, наверное, могла бы сделаться полезной наставницей для меня. Но поверь: я нисколько не устыжусь этой смены ролей!

Если бы судьба свела нас сегодня лицом к лицу, я бы жадно кинулся расспрашивать тебя о многих вещах. И в первую очередь: как ты справлялась с опустошением, причиняемым сердцу даже короткой разлукой? У меня будто грудь

продувает насквозь, когда моей жены нет рядом. Испытывала ли ты такую опустошенность, когда мейстер Готлиб уезжал или просто уходил из дома в контору?

В первые месяцы эта пустота была для меня самым тяжелым испытанием. Необходимость отправляться каждый день в Посольский приказ, чуть ли не дотемна, оставляя Людмилу дома одну, — оказалось, что я совсем не готов к такому. Не то чтобы я опасался какой-то беды, которая могла случиться в мое отсутствие, — нападения разбойников, пожара, наводнения — нет. Наверное, если бы у меня вдруг отвалилась или потерялась рука или нога — вот на что была бы похожа эта внезапная пустота. Предупреждал ведь нас Господь: «Станете как одна плоть».

А вспыхивала ли у тебя потребность все-все рассказывать о себе супругу? Когда любого встреченного человека, любой разговор, любой мелькнувший в течение дня страх или лучик надежды взвешиваешь мысленно на весах: «Будет ей это интересно? Обрадует или испугает? Рассказать или нет?» В моем прошлом есть вещи, которые я пока страшусь открыть даже жене, и это тяготит меня и омрачает мое счастье. А ты? Есть ли у тебя тайны от супруга? Тяготят ли они тебя?

А сколько правды о супружеской жизни ты открываешь на исповеди?

В воскресные дни мы ходим на службу в местную церковь, а в главные праздники всей семьей отправляемся в Архангельский храм в Кремле, где служит отец Денис. Но исповедоваться местному попу нам обоим бывает нелегко. Он начинает требовать подробностей обо всех срамных сторонах жизни. «В баню ходите ли вместе?.. Пускаете ли в дело язык, когда целуетесь?.. Кто ложится сверху, кто снизу?..» Мы решили на все его непристойные вопросы говорить твердое «нет». Однако сами не можем удержаться и в интимные минуты, смеясь, шепчем друг другу: «Ох, за это ведь полагается семь дней поста… А за это двести покаянных поклонов… А за это — месяц еды всухомятку… Ох, кажется, мы сегодня набрали всяких наказаний-покаяний года на два…»

И наконец, оставляя в стороне шутки и непристойности, я должен спросить тебя о самом-самом главном: где ты брала силы, какими молитвами просила Господа укрепить сердце, чтобы можно было ему вынести вид беспомощного, беззащитного младенца, выброшенного в наш беспощадный мир?

Ибо — да, да, да! — Господь послал нам это

чудо!

Месяц назад Людмила родила здорового мальчика, которого мы нарекли Павлом — в честь моего любимого апостола. Сейчас он лежит, блестя глазками, в полумраке люльки, пускает пузыри, хватает прозрачными пальчиками край платка, а я, чем бы ни занимался, каждые пять минут пользуюсь любым предлогом, чтобы оставить дело и сбегать проведать его. Если он начинает недовольно пищать или плакать, я впадаю в такую панику, что Людмиле приходится утешать двоих: сначала меня, потом его. Но мужественное спокойствие, с которым она вставляет сосок в детский ротик, каждый раз изумляет меня.

Конечно, с одной стороны, она вдвое моложе библейской Сарры, которой Господь послал сына, когда Авраам уже почти утратил веру. Но мы живем не в библейские времена. Такие поздние роды — редкость в Московии. Возможно, мать Людмилы, знающая тайны лекарственных трав, давала ей какое-то снадобье. Однако такие вещи не рассказывают даже мужу. Ибо если это станет известно, священник должен наложить епитимью: три года поста.

Милая Грета, епитимья или нет, умоляю: если у тебя есть или ты можешь купить какие-то

книжки об уходе за детьми в первые годы, сделай копию и пришли мне. Все расходы я немедленно покрою. И все твои советы приму с благодарностью. Ведь ты вырастила двух здоровых детей! В моих глазах ты окружена таким же ореолом, как мудрый профессор университета — в глазах зеленого студента.

Другая важная новость: почти одновременно с Павлом Степановичем в Москве на свет появился еще один младенец, вокруг которого было гораздо больше шума, колокольного звона, пушечной пальбы. Молдавская принцесса Елена Стефановна родила своему мужу, принцу Ивану, мальчика, которого нарекли Дмитрием в честь его прапрадеда Дмитрия Донского.

Мне выпала честь видеть Его беззубое высочество близко-близко. Ибо по рекомендации великой княгини Софьи Елена Стефановна пригласила меня помогать ей в освоении русского и греческого языков. Занятия наши проходят весьма нерегулярно. Однако в Посольском приказе теперь знают, что меня могут вызвать в покои принцессы в любой момент, поэтому не поручают мне никакой срочной работы. А это большое облегчение для молодого отца, которому его собственный младенец не каждую ночь дает

выспаться.

На этом кончаю, дорогая сестра, и шлю тебе сердечный поклон от твоего новорожденного племянника, а от себя — молитвы и благословения.

Твой С. З.

Эстонский дневник

Господь Всевышний, Господь Всемогущий!

Есть одна тайна в Евангелии, которая давно не дает мне покоя. Почему Сын Твой возлюбленный, обращаясь к слушателям Своим, так часто говорит про Тебя не «Отец МОЙ Небесный», а «Отец ВАШ»?

Что Он хочет этим сказать?

Вот у Матфея в Пятой главе: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца ВАШЕГО Небесного… Да будете сынами Отца ВАШЕГО Небесного… Будьте совершенны, как совершен Отец ВАШ Небесный».

И в Шестой главе: «Помолись Отцу ТВОЕМУ, Который втайне; и Отец ТВОЙ, видящий тайное, воздаст тебе явно… Знает Отец ВАШ, в чем вы

имеете нужду, прежде вашего прошения у Него… А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ВАШ не простит вам согрешений ваших».

И у Луки в Главе шестой: «Будьте милосерды, как и Отец ВАШ милосерд».

Да и самая главная молитва, оставленная нам Сыном, с чего начинается? «Отче НАШ, НАШ, НАШ!» — взываем мы к Тебе миллионами голосов каждый день.

Не хотел ли Он сказать, что слушающие Его есть братья Его родные, тоже рожденные Тобой?

Да, тайна сия велика есть.

Но, какой бы ни был ответ, молю Тебя, Господи: сделай так, чтобы сын мой возлюбленный обрел веру в Тебя, чтобы называл Тебя Отцом Небесным, чтобы вырос он и сделался сыном в доме Твоем, а не рабом.

Аминь!

Глава 17. Миряне и церковники

Фрау Грете Готлиб, в Мемель из Москвы, лето 1484

Милая, дорогая Грета!

По себе знаю, как скучно бывает слушать или читать про что-нибудь хорошо и давно известное. Но ничего не могу с собой поделать: хочется писать и писать тебе про нашего младенца, про его нежные волосики на темечке, про умные глазки, про ямку под нижней губой, про складочки на ручках и ножках. Непостижима мудрость и милость Господня! Как это Он устроил, что такое беспомощное существо может бесстрашно и упрямо выживать в мире, полном бурь, молний, диких зверей, злых людей?

Нет, конечно, мы окружаем его всяческой заботой, хлопочем и трясемся над ним, кормим и моем, кутаем, когда холодает, прячем под крышу, когда идет дождь. Но разве смогли бы мы его уберечь без всех тех средств обороны, которыми снабдил его Всевышний?

Вот недавно, в теплый спокойный день мы все трое отдыхали в саду и незаметно задремали.

Проснувшись, я первым делом взглянул на бесценного Павла Степановича. И что же? У него на щечке набухала капелька крови! Здесь есть такие премерзкие слепни, которые умеют кусать незаметно. Ребенок даже не проснулся!

Теперь вообрази, какой премудростью должен был обладать Творец, предусмотрительно наполнивший наши тела лечебной красной жидкостью, которая всегда наготове, никогда не спит и готова в любой момент кинуться на починку повреждений, нанесенных нам зубами, шипами, когтями других тварей.

Уверен, что ты через это давно прошла, научилась не удивляться живучести детей и благодарить Господа каждый день за Его несказанную благость. Но с кем же мне еще поделиться, как не с тобой? Дьяки в Посольском приказе подняли бы меня на смех, если бы я попытался рассказать им о том, что стало самым главным моим переживанием.

Единственный человек во дворце, с кем я могу говорить о детях, принцесса Елена Стефановна, жена принца Ивана. Перед каждым уроком мы расспрашиваем друг друга о здоровье наших сыновей, и нам никогда не скучно слушать истории про каки и пуки этих высокопоставленных особ.

Потом приступаем к занятиям.

Для упражнений в чтении я выбрал книгу «Александрия» — ее знают здесь все образованные москвичи. Она повествует о подвигах Александра Македонского и о других событиях далекого прошлого. Видимо, в составлении книги участвовало много авторов, и каждый добавлял к ней что-нибудь свое. Если знаменитый Александр встретится с сочинителями на том свете, многим из них не поздоровится. Например, тому, кто описал историю рождения великого завоевателя. Он утверждает, что македонский царь Филипп вовсе не был его отцом. Будто жена Филиппа, в его отсутствие, сошлась с заезжим магом и зачала от него. А маг этот на самом деле был египетским фараоном, убежавшим из своего государства. Видимо, простодушный автор хотел таким образом оправдать завоевание Египта македонцами. Дескать, у Александра были законные права на египетский престол. А то, что его признанный отец, царь Филипп, при этом оказывался рогоносцем, а мать — прелюбодейкой, нашего выдумщика уже не волновало. О, безнаказанность сочинителей!

Елена Стефановна очень смеялась, когда мы читали, как остроумно молодой Александр отве-

тил персидскому царю Дарию. Тот прислал ему оскорбительные дары: детские игрушки — юлу и деревянный шар, два пустых сундука и два мешка с маком. В издевательском послании юному царю македонцев было предложено по малолетству его играть в игрушки, сундуки же наполнить данью за три года и отправить незамедлительно в Персию. Мешки с маком прилагались для того, чтобы, пересчитав все зерна, македонцы могли узнать, сколько у персидского царя воинов.

Александр велел сундуки разломать, мак съел и написал Дарию, что воины его оказались мелковаты и не очень хороши на вкус, а вот за деревянный шар благодарит: ведь он изображает земной шар, и македонцам будет полезно изучить то, что им предстоит завоевать. Смеясь, Елена Стефановна любовно поглядывала на люльку своего сына: видимо, мечтала о том, как царевич Дмитрий Иванович вырастет и тоже станет знаменитым на весь мир, как урвет у судьбы венок славы земной.

Еще мы читаем книгу «Измарагд». Там молодую принцессу очень заинтересовали наставления о том, как осторожно хозяевам дома нужно вести себя со служанками. Конечно, занятно, если служанка болтлива и приносит хозяевам все

сплетни и пересуды, которые она слышит на базаре, у церкви, на реке во время стирки. Но следует помнить, что такая и про свой дом и про своих хозяев станет болтать повсюду. Так что разумнее будет от таких языкастых избавляться как можно скорее.

«Лукавые люди глупого слугу подпоят, — предостерегает автор, — вызовут на откровенность и порасспросят о хозяине и о хозяйке, и этот дурак наболтает, что неприлично сказать, да еще и приврет лишнего. Вот от таких-то слуг и возникают всякие ссоры и насмешки, и укоры, и срамота… Нет ведь запрета стоять и болтать у реки при встрече. И хозяин, когда увидит, что стоят не с мужчиной, а с женщиной, успокоится… Так и сводни пролезают в дома, разговорившись со служанками, притворившись торговкой. Глядишь, ее уже приводят к хозяйке дома».

К сожалению, в этой книге ничего не сказано об опасностях, подстерегающих самих служанок. На них беда может упасть с чистого неба, и защиты им не найти. Особенно во дворце. В Посольском приказе мне шепотом рассказали о судьбе одной горничной великой княгини. Несколько лет назад ее стал обхаживать брадобрей великого князя. А она была женщина замужняя, добродетельная и

подарки не принимала. Он не унимался. Она пригрозила пожаловаться великой княгине. Тогда он испугался и оклеветал ее. Заявил, что она украла у него обрезки волос и бороды великого князя, чтобы продать их колдуну. А это здесь считается страшным преступлением. Московиты верят, что колдун, получив волосок или срезанный ноготь человека, может наслать на него любую порчу. Несчастную схватили и начали пытать. Конечно, под пыткой она «созналась». И ее ночью утопили в проруби на реке.

Каждый раз, являясь во дворец на урок, я стараюсь не привлекать к себе лишнего внимания, всем улыбаюсь и кланяюсь, рот открываю только когда меня спросят. Но понимаю, что полной безопасности в царских палатах не может быть ни у кого.

Меня тревожит, что великая княгиня стала часто вызывать меня к себе и расспрашивать, как идут занятия, кто бывает в покоях молодой принцессы, как чувствует себя младенец. Говорит тоном дружелюбным, приветливым, заботливым, но я понимаю, что все это — напускное. Рождение сына у принца Ивана большая угроза для ее сыновей. В Московии нет твердых законов, указывающих, кто должен наследовать престол.

Все будет зависеть от воли великого князя. Отдаст ли он скипетр потомкам от первой жены, Марии Тверской, или от второй — Софии Палеолог. И есть большая вероятность, что победитель, придя к власти, поспешит избавиться от соперников.

Однажды во время моего разговора с великой княгиней, я услышал детский смех и топот маленьких ног. В горницу вбежал мальчик лет пяти, катя перед собой кожаный мяч. Нянька ковыляла за ним, грозя пальцем. Княгиня подхватила сына на руки, стала тискать и целовать, приговаривая:

— К нам Гаврюшка прибежал и на матушку упал! Шарик он с собой катил и в объятья угодил.

— Почему — Гаврюшка? — спросил я. — Ведь княжича окрестили Василием, в честь деда.

— А я про себя часто называю его Гаврюшей. Он родился в день моего покровителя, святого Гавриила.

Я смотрел на мальчика, прижимавшего к груди мяч, и вспоминал Александра Македонского, мечтавшего завоевать земной шар. Как знать, как знать… Во всяком случае ясно, что этому принцу достанется княжество размером в десять раз больше, чем было у его деда. Если только,

конечно, борьба за трон не погубит его раньше времени.

В свое время, в одном из своих писем из Новгорода к нашей матушке я описал пир в доме бояр Борецких, на котором присутствовал основатель Соловецкого монастыря старец Зосима. Ходит легенда, будто, выйдя после этого пира на улицу, старец заплакал. «О чем ты плачешь, брат Зосима?» — спросил его спутник. «Жалею пировавших, — отвечал тот. — Было мне видение. Поднял я глаза и вдруг вижу: пятеро из них без голов сидят».

Конечно, такие истории обычно сочиняются задним числом, когда уже известно, кого из новгородцев казнил князь Московский после своей победы в 1471 году. Но, ты не поверишь, похожие страшные картины порой мелькают и передо мной. Иногда взгляну на потомков великого князя, играющих у наших ног, — и вдруг мне покажется, что по невинным детским лицам неведомо откуда начинает струиться кровь.

Как хорошо, что ни моему Павлу Степановичу, ни твоему Эдварду не надо будет сражаться ни за какие короны! Обязательно передай своим детям поклон от их дядюшки из далекой Москвы. А чтобы у них был какой-то сувенир на память,

прилагаю к этому письму двух расписных глиняных свинок, купленных для них в Охотном ряду. Да, в свинках спрятаны свистульки. Представляю, что в какой-то момент их свист начнет тебя раздражать и ты подумаешь: «Ох, Стефан, Стефан, за что ты наслал на меня такую напасть!» Но пусть даже так ты вспомнишь лишний раз про меня — мне и это будет отрадой.

Благословляю тебя и все семейство, преданный тебе брат

С. З.

Владиславу Ольгирдису, в Вильнюс, осень 1484 года

Досточтимый брат Владислав!

Благодарю Вас за участие, которое Вы приняли в судьбе Аристотеля Фиораванти. Старый мастер был очень утешен, узнав, что нашелся смельчак, готовый прибыть в Москву, нанявшись возницей в купеческий караван, и уступить ему место на обратном пути. То, что этот человек уже пересекал несколько раз русско-литовскую границу со всякой контрабандой, весьма обнадеживает. Видимо, ему нетрудно будет потом ускользнуть

из Московии незаметно. И очень хорошо, что Вы не открыли ему имени предполагаемого беглеца. Синьора Фиораванти поищут неделю-другую, а потом решат, что он утонул в реке или был похищен разбойниками. Остается только дождаться подходящего каравана.

Увы, мы должны быть готовы к тому, что ждать придется долго. После того, что крымские татары творили этим летом у вас в Подолии и в Киеве, нужно ждать нового ухудшения отношений между нашими государствами. Литовцы подозревают, что Менгли-Гирей не решился бы напасть без тайной поддержки и одобрения Москвы. С другой стороны, не следует закрывать глаза и на новые обстоятельства. Ваш король Казимир принял под свое покровительство Стефана Молдавского, послал ему подкрепление против турок. А Менгли-Гирей является давнишним вассалом турецкого султана. Он мог напасть на Литву по прямому приказу своего повелителя — султана.

Но где же воинская доблесть литовцев? Как могли ваши воеводы и князья пустить врага так далеко в свои земли? Правда ли, что нынче они являются на военные сборы в шикарном убранстве и вооружении, чтобы покрасоваться, а перед походом все это отправляют на сбережение до-

мой? Что ваши магнаты могут теперь откупаться от военной службы, посылая вместо себя всякий сброд, к тому же плохо оснащенный?

Отдельно должен поведать Вам о делах церковных. Вы знаете, что бывший архиепископ Новгородский — Феофил — долго сидел в тюрьме. Его понуждали отказаться от сана и уйти в монастырь, но он отстаивал свою невиновность и не соглашался. Год назад он уступил, и на его место был избран архиепископ Сергий. Но и он недавно решил — или его заставили — удалиться в Троице-Сергиев монастырь. Новым кандидатом на второй по значению пост в русской церкви был выдвинут архимандрит Чудова монастыря Геннадий.

Об этом человеке я должен рассказать Вам подробно.

Он прибыл в Москву летом для представления великому князю и митрополиту Геронтию. Великий князь попросил отца Дениса для начала побеседовать с новгородским священнослужителем. Я присутствовал при беседе в качестве секретаря.

Среди российских попов принято похваляться строгим соблюдением постов. И действительно, многие из них выглядят так, будто только что

пересекли Синайскую пустыню. Поэтому меня удивила болезненная полнота архимандрита Геннадия. Лицом он был весьма бледен, но в движениях быстр и энергичен. Позже мне рассказали, что бледность его искусственная: его научили окуривать лицо серным дымом, который хорошо скрывает красноту кожи.

Отец Денис вел беседу дружески доверительно и очень старался, чтобы она не стала похожа на экзамен. Рассказал архимандриту о своей молодости в Новгороде, о прежних новгородских архиепископах, которых ему довелось знать: Ионе, Феофиле, Сергии. Однако собеседник его держался настороженно, отвечал односложно, на шутки не улыбался. Порой возникало впечатление, что ему вообще тяжело согласиться со словами другого человека, независимо от того, что было сказано. Возможно, у себя в Чудовом монастыре он привык к тому, чтобы говорил только он, а все остальные лишь отвечали бы на вопросы, когда ему угодно будет их задать.

Рассказывая о делах монастырских, архимандрит упомянул, что последнее время многим его монахам было видение святого апостола Андрея Первозванного. Апостол говорил с ними ласково и обещал вновь явиться на берегах Волхова,

когда они будут совсем очищены от язычников и еретиков.

— Почему «вновь»? — спросил отец Денис. — Разве он уже бывал в ваших краях? Предание гласит, что апостол Андрей проповедовал в Скифии, потом поднялся по Днепру и водрузил крест на том месте, где теперь Киев.

Архимандрит гневно затряс головой и поднял глаза на икону, будто ища подтверждения своим словам свыше.

— Но дальше-то, дальше куда он направился? Дальше он продолжал путь на север — больше некуда. Достиг Ловати, по ней доплыл до Ильмень-озера, а оттуда, по Волхову — до самой Ладоги.

— Но ведь он принял мученическую смерть в Греции?

— Вернулся. Господним соизволением вернулся. Наверное, из Ладоги по Неве в Балтику, а оттуда — по рекам, по рекам, на юг, до самого Средиземного моря.

— По каким же рекам можно проделать такой путь?

— Да уж об этом не нам судить. Господь захочет — и по воздуху избранника Своего перенесет.

Отец Денис не стал спорить, сменил тему. Он

спросил, правда ли, что среди своих помощников архимандрит держит доминиканского монаха. Геннадий опять пришел в необычайное волнение и принялся сбивчиво и сердито объяснять, что да, брат Вениамин служит исправно, и вообще — из славян, хорват по происхождению, да, он знает свое место и роль, он отнюдь не пытается проповедовать католичество, а лишь помогает в собирании библиотеки латинских текстов, а также сообщает последние новости римско-католического мира, которые нам, православным, знать необходимо. Вот как раз недавно он сообщил о новом большом наступлении на еретиков, жидов и морисков, предпринятом королем и королевой гишпанскими. Ревностный слуга Господень, по имени Торквемада, назначен возглавлять трибунал инквизиции, так что есть надежда, что хотя бы одна страна в мире станет чисто христианской.

— Сбудется обещанное Господом, сбудется чаемое Христом: «Огонь пришел Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже разгорелся». Негоже нам, православным, отставать от гишпанцев. Если не выполним Евангельского завета, гнев Господень будет на нас.

Я посмотрел на отца Дениса. Лицо его приоб-

рело непривычную жесткость, из голоса исчезла теплота.

— Слова об огне земном находим мы только в одном Евангелии, у Луки, сказал он. — Лука не слышал Спасителя своими ушами, писал с чужих слов. Все остальные евангелисты передают только слова об огне вечном, загробном, о геенне огненной. Прочтите у Матфея 25–41, у Марка 9-43, у Иоанна 15-6. И в посланиях апостолов если речь идет об огне, то лишь о том огне, которым очищают золото. Огня веры в душах жаждал Искупитель наш, а не огня, сжигающего тела.

В горнице повисла тягостная тишина. Архимандрит Геннадий сжимал ручки кресла с такой силой, словно это были уже ручки мехов для раздувания костра — мехов, которые у него пытались отнять. Его бледно-серые щеки вздрагивали, дыхание вырывалось с трудом. Ему удалось сдержать гневные слова, клокотавшие в горле, но в оставшееся время он только сдавленно цедил на все вопросы «нет», «да», «конечно», «на все воля Господня».

После его ухода отец Денис долго молчал, смотрел в окно, листал Священное Писание. Потом вздохнул и сказал:

— Прав был Федор Курицын. Кто из нас сумеет

провести границу и сказать: здесь кончается ревность христианского служения и начинается похоть господствования? Что сказать мне великому князю о Чудовском архимандрите? Годится он для высокого поста? Я-то, во всяком случае, не гожусь. Слишком верю в заповедь Христову — «не судите, да не судимы будете». А он? Он, похоже, рвется быть судьей всему свету. Но, может быть, только такие и должны пасти непослушное стадо Христово?

Я не знаю, в каких словах отец Денис изложил московскому повелителю содержание беседы. Но через неделю мы узнали, что архимандрит Геннадий был утвержден на пост архиепископа Новгородского. Правда, ходит слух, что этому весьма способствовали две тысячи рублей, внесенные им в великокняжескую казну. В декабре он приступит к исполнению своих обязанностей. Чем это обернется для новгородцев, предсказать трудно. Но ясно одно: терпимости к чужой вере, которой так гордится ваша Литва, в Московии станет еще меньше.

Прощаюсь с Вами, досточтимый брат, и призываю ангелов мудрости и смирения на Вашу бессмертную душу.

С. З.

Эстонский дневник

Опять сомнения, вопросы, мысли — одна страшнее другой. Даже отцу Денису на исповеди не посмею признаться в них.

Господь Всемогущий, Господь Всемилостивый!

Снова молю о вере.

Дай мне уверовать в непорочное зачатие, в Деву Пречистую.

Взирает Она на меня с икон в каждом храме, в каждом доме светлым взором, обещает заступничество и прощение. Но дьявольское сомнение каждый раз сверлит мой мозг, не отпускает, покрывает испариной страха и стыда.

Почему Спаситель наш нигде, ни одним словом не выделил Избранницу Твою?

Почему не от Нее узнал Он о своей сыновности Тебе?

Почему Он отвергает близких своих, говоря: «Кто матерь Моя и братья Мои?»

Если решил Ты наполнить Духом Святым Сына своего, разве не мог Ты сделать это на любой минуте Его земного пути? И в юношу Христа, и в ребенка, и в младенца во чреве матери мог Ты дунуть дыханием своим. Чем могло Тебе помешать семя Иосифа в чреслах жены его? Ты ведь не Зевс-Юпитер какой-то. Это ему нужно было превращаться то в быка, то в лебедя, то в золотой дождь, чтобы приблизиться к избранницам своим. Но Ты! Ты ведь ВЕЗДЕ. ВСЕГДА.

Особенно теперь, после женитьбы и рождения сына, трудно мне молиться Пречистой Деве. Если Ее называют непорочной, значит каждое объятие с женой моей, Людмилой, должен я считать порочным? А для меня каждое соитие с ней это благословенный дар Твой, за который не знаю, какими словами и молитвами благодарить Тебя.

Ты дал нам стать как одна плоть, дал слиться в заботах друг о друге и о дитяти нашем. Единственное, в чем мы не едины, — и это страшит и мучает меня: жена моя не в силах разделить мою благодарность Тебе.

И не только Тебе.

Порой мне кажется, что даже подарки, и помощь, и похвалы от близких не радуют ее. Словно ей в тягость быть у кого-то в долгу — даже у Тебя.

Она повторяет вслед за мной благодарственную молитву перед каждой трапезой, но как-то невнятно, монотонно. Может быть, ужасная утрата, которую она пережила, до сих пор кровоточит в ее сердце? И ей стыдно отдаться радости, когда память о погибших муже и сыне так жива?

Господи, верую — Ты можешь все.

Но только если захочешь.

Если же не захочешь дать мне уверовать в непорочное зачатие, то хотя бы сделай так, чтобы к жене моей вернулся дар благодарности.

Ибо неблагодарность к Тебе сердце мое переживает как самый тяжкий порок и отчуждается от души, пораженной этим недугом.

Глава 18. На Тверь! На Тверь!

Фрау Грете Готлиб, в Мемель из Москвы, май 1485

Милая сестра моя, Грета!

Счастлив был узнать, что дети твои растут здоровыми и что им достался добрый отец, который не считает своим долгом лупить их за каждый пустяк, как это делали мои родители. Неужели семилетний Эдвард уже научился плавать? Расти на берегу моря — большая удача. Зрелище бескрайнего морского простора должно дать юной душе первое понятие о величии всего Творения.

Наш мальчик уже бодро топает по горнице и по двору. Но к реке его не пускают. Русские твердо верят, что из-под воды в любой момент может выскочить либо русалка, либо водяной и утащить ребенка на дно, чтобы играть там с ним в хоромах из стекла и водорослей.

Ровесник нашего сына, принц Дмитрий Иванович тоже научился ходить в положенное время, но пока не умеет говорить. Мать его, Елена Стефановна, очень обеспокоена этим, но муж ее, принц Иван, уверяет ее, что и он заговорил только в

три года.

Занятия наши продолжаются. Елена Стефановна уже довольно свободно объясняется на русском и теперь изъявила желание учить итальянский. Возможно, это связано с тем, что колония мастеров из Италии здесь все увеличивается и их манера общения гораздо свободнее и веселее, чем в русских домах.

Хотел бы я, чтобы тебе когда-нибудь довелось взглянуть на принцессу из Молдавии. В ней совершенно нет высокомерия и чванства — этих вечных спутников придворной жизни. Но внешне она старается соблюдать все правила поведения, предписанные русской женщине из знатного рода. В домашней обстановке хозяйка может снять тяжелые части головного убора — кику, кокошник, — но обязательно оставляет повойник. Волосы у замужних должны быть закрыты всегда. Считается, что они вредны для окружающих, особенно для мужчин. С ними также связываются все легенды о колдовстве. Верхняя рубашка обычна расшита узорами, которые называются «оберег». Есть узоры, оберегающие от болезни, от дурного глаза, от ведьм и домовых. Рубахи эти просторны, и женщинам разрешается быть в них даже при посторонних,

если только из-под них не видна нижняя сорочка — интимная часть туалета, доступная только взору мужа.

Последнее время Елена Стефановна проявляет большой интерес к русской истории, особенно ко всему, что связано с Тверским княжеством, расположенным к северу от Москвы. Дело в том, что ее супруг, Иван Молодой, по матери приходится внуком знаменитому князю Тверскому, Борису Михайловичу. Нынешний князь, Михаил Борисович, ему родной дядя. Детей мужского пола у Михаила Борисовича нет. Случись с ним что — и Иван Молодой окажется самым главным претендентом на Тверское княжение. Играя со своим сыном, Елена Стефановна порой ласково называет его «ах ты, княжич мой тверской».

В последние годы все чаще тверские бояре и воеводы стараются перейти на службу к великому князю Московскому. Он знает их воинские заслуги и щедро одаривает вотчинами, дает в управление города. Сам Данила Холмский в молодости служил князю Тверскому, пока не перешел на службу Москве. Михаил Борисович этими переходами весьма недоволен. Он чувствует, что влияние его падает, и, кажется, втайне ищет поддержки у литовского короля. Есть опасения,

что весь этот раздор и разлад может обернуться войной.

Еще новость: на наших занятиях с Еленой Стефановной стала появляться другая Елена — дочка великой княгини Софьи, Елена Ивановна. Ей сейчас одиннадцать лет, и она чем-то напоминает мне тебя в последний год моей жизни в Любеке: такая же приветливая, озорная попрыгунья, любящая рядиться во взрослые одежды и переполненная заковыристыми вопросами. К Елене Стефановне она относится как к родной сестре, и они часто шепчутся в углу о том, что мужчинам знать не положено. Елена Ивановна с матерью говорит по-гречески, с остальными — по-русски и очень хочет выучить итальянский. Зачем? Полагаю, лишь для того, чтобы понять наконец, о чем поют и над чем смеются молодые итальянские художники, расписывающие узорами стены в покоях ее матери.

Недавно один из наших уроков чуть не закончился бедой. В порыве веселья Елена Ивановна подхватила своего маленького племянника, княжича Дмитрия, и стала кружиться с ним по горнице. Вдруг подскользнулась на гладких досках, не удержалась, и оба они полетели под стол. Раздался стук, потом громкий детский рев,

и княжича извлекли из-под стола с рассеченным лбом. Кровь текла так густо, что все испугались — не глаз ли вытекает? Елена Ивановна, рыдая от страха и чувства вины, не замечала, что и у нее нос сильно разбит. Няньки только метались, голосили и вздымали иконы. Мне пришлось вспомнить уроки, полученные в новгородском лазарете, и срочно накладывать обоим повязки.

Потом из-за этого вышла серьезная ссора между отцом княжича, Иваном Молодым, и его мачехой, великой княгиней Софьей. Он обвинял ее в том, что она чуть ли не специально подослала дочь, чтобы та причинила вред юному наследнику. Княгиня Софья вызвала меня, чтобы расспросить подробно, как все произошло.

Мы сидели в ее покоях, украшенных коврами и иконами. Огоньки множества лампадок блистали на золотых окладах. Тяжелый взгляд, которым греческая принцесса когда-то смело встречала пылающие глаза римского легата Антония, с годами еще затвердел, складки в углах рта углубились. Казалось, этой женщине удалось добиться всего, о чем она могла мечтать, плывя тогда по глади Чудского озера. На ее глазах и при ее деятельном участии могущество и богатство Московского княжества возросло в несколько

раз. Пышность и ритуалы византийского двора расцветали в Московском Кремле, как мощно привитая ветвь. Господь послал ей здоровых детей, заботливого мужа, почет и поклонение церковных иерархов. Но на лице ее невозможно было отыскать ни одной черты, которая намекала бы на счастье и покой душевный.

Я заверил ее, что в падении двух княжеских отпрысков не было ничего злонамеренного. Что обвинять здесь абсолютно некого — разве что плотников, так старательно выстругавших доски пола и покрывших их таким гладким лаком. Юная Елена Ивановна привыкла к коврам в покоях родителей и не ожидала такого коварства под ногами. Впредь она будет более осторожной. Слава Богу, лобная кость княжича не пострадала. Это часто бывает, что рассеченная бровь дает неожиданно много крови. Кулачные бойцы, сходящиеся на льду Москвы-реки, могут подтвердить.

Княгиня вздохнула и вдруг заговорила о другом:

— Мне рассказывают, что принцесса Елена Стефановна часто беседует с архимандритом Денисом. Это правда?

— Насколько я знаю, она удостоила его быть ее духовным наставником.

— А правда, что у себя в Архангельском соборе он велел поставить решетки перед настенными изображениями святых?

— Не решетки, но легкие ограждения. Его тревожило, что прихожане пытались соскабливать краску и есть ее, веря, что это исцелит их от недугов.

— Много веков назад похожие дела начались в Константинополе. Император тогда повелел повесить иконы так высоко, чтобы до них было не достать. Ты помнишь, чем это кончилось? Началась кровавая междоусобица, захватившая всю страну.

— Да, и тянулась больше ста лет. Именно тогда арабы смогли отвоевать у Византии огромные территории.

— Вот именно. Со старинными верованиями нужно обращаться очень осторожно, какими бы нелепыми они ни казались нам сегодня. Люди могут смириться с утратой земли, дома, денег. Но заденьте их веру — и они пойдут на смерть.

Я не мог не согласиться с ней.

— Великому князю нужно знать обо всем, что происходит во дворцах и храмах на территории Кремля. Безопасность наследников — вот о чем мы должны думать и заботиться денно и нощ-

но. Я хочу, чтобы ты регулярно докладывал мне о разговорах, которые ведутся в покоях Елены Стефановны, и о нововведениях в Архангельском соборе. Будешь являться ко мне с докладом по пятницам, после обедни.

Это было уже не пожелание, а приказ. Мне ничего не оставалось, как приложить руку к груди и поклониться. Но ты можешь себе представить, с каким тяжелым сердцем я покидал покои княгини. Меня незаметно и против моей воли превращали в шпиона и доносчика. Елена Стефановна доверяет мне — как тяжело мне будет обмануть ее доверие. А если что-то и вправду случится с Дмитрием Ивановичем? Кто-то ведь должен быть объявлен виноватым. И сколько найдется «свидетелей», которые поцелуют крест на том, что своими глазами видели, как толмач из Посольского приказа отрезал локон волос у наследника для зловредного колдовства.

Кажется, мои письма к тебе все чаще кончаются на тревожной ноте. Но с кем же мне и делиться, как не с тобой, дорогая и любимая сестра?

Всегда сердцем с тобою, твой брат

С. З.

Эстонский дневник

Господи, молю Тебя: сделай так, чтобы она не плакала по ночам.

Каждый раз, когда я просыпаюсь и чувствую, что ее нет рядом, слух мой невольно напрягается и вскоре ловит это еле слышное, сдавленное рыдание, доносящееся из глубины дома.

Раньше я вставал, шел ощупью на звук, находил, пытался утешить. Теперь перестал. Что я могу сказать ей? Какими словами можно отогнать, вылечить горе, какими раскаленными щипцами извлечь стрелу скорби, пронзившую сердце? Но иногда мне кажется, что ее сердце болит не только о погибших. Есть в нем и более глубокий разлад, который я долго не мог разгадать.

Помнишь тех двух женщин, двух сестер, которые приютили Сына Твоего в своем доме в Вифании? И как одна сразу уселась у ног Его, чтобы слушать Его проповедь, а другая пожаловалась, что сестра не помогает ей готовить ужин и стелить постели?

Так вот, иногда мне кажется, что обе сестры живут в сердце моей жены Людмилы. Одна готова хлопотать с утра до вечера, пытается все

успеть: если печет хлебы, то тут же греет воду для стирки, а если просеивает муку в решете, то обсевки не выбросит, а станет из них жарить пирожки, и сама научилась красить полотно и кроить рубашки, и при всем при этом не спускает глаз с ребенка. А другая сестра тут же рядом, смотрит на все это с досадой и скукой, все хочет взлететь над повседневной суетой — молитвой, песнопением, мечтой, — и иногда ей это удается, и жена моя замирает, не вынув рук из корыта, и до меня доносится:

Ты купеческая дочь!
Не ходи гулять в полночь,
Не ходи гулять в полночь,
Мимо моего двора
Не прокладывай следа…

Я осторожно подкрадываюсь, подслушиваю и вижу это разгладившееся лицо с закрытыми глазами, поднятое к Тебе. Но тут хлопотливая сестра пробуждается, корит певунью, и жена моя умолкает и в наказание себе поспешно начинает давить и колотить белье с удвоенной силой.

Я люблю обеих сестер, иногда пытаюсь мирить их, но в глубине души радуюсь тому, что это невозможно. Ибо их вечный раздор — это, навер-

ное, и есть огонек души живой, угодный Тебе. Конечно, горе и годы почти смыли былую красоту Людмилы. Но велика же мудрость Твоя, отнимающая с годами женскую прелесть. Если бы они — умудренные и душевно богатые — сохраняли красоту и в старости, мы бы тянулись только к ним, пренебрегали бы молодыми, способными рожать, и род человеческий начал бы угасать.

«Влюбляться в немолодых — это только твой удел», — шепчет мне в уши коварный голос.

Возможно, и так. Однако был ведь и у меня, по крайней мере, один предшественник: греческий царь Эдип. Наверное, не внешней красотой прельстила его мать, на которой он женился, нарушив волю богов. Когда я совершаю что-то греховное, я готов принять наказание и раскаяться. Но добровольно изуродовать самого себя, ослепить? Нет, пусть это останется уделом язычников. Искупитель наш принес нам избавление и требует только одного: чтобы мы взирали на Творение Твое и на себя в нем открытым взором, не отводя его ни от ужасного, ни от укоряющего, ни от непостижимого.

Аминь.

Владиславу Ольгирдису, в Вильнюс из Москвы, осень 1485

Досточтимый брат Владислав!

Снова дымная туча войны затянула небо над этой многострадальной землей. И именно над той ее частью, откуда меньше всего можно было ждать беды. Вот уже полвека княжество Тверское безотказно выступает другом и союзником Москвы. В свое время князь Борис Александрович Тверской помог отцу нашего великого князя, Василию Темному, дал ему войско против его врагов в московской усобице. И во всех походах на Новгород, и в боях на Угре тверичи участвовали честно и смело.

Но где-то незаметно копились страхи, обиды, подозрения. А хитрые советники, в своих корыстных интересах, раздували их, нашептывая в княжьи уши ложь и клевету. В Москве стало известно о сношениях нынешнего князя Тверского, Михаила Борисовича, с вашим королем. Якобы велись уже переговоры о женитьбе Михаила Борисовича на дочери или внучке Казимира. Говорят, что на переговорах в Кракове поднимался уже вопрос и о переходе Михаила в католичество.

На что он рассчитывал? На то, что об этих сношениях не узнают в Москве? Если так, то его можно считать самым наивным правителем во всей земле русской. Великий князь Московский деньгами швыряться не любит (например, поставляя баранов иноземным послам для пропитания, он требует, чтобы шкуры возвращали кремлевскому приставу), но лазутчикам всегда платил щедро. А главное, он умеет и не брезгует заступаться за тех, кто пришел к нему на службу, во всех их тяжбах.

Между приграничными тверскими и московскими боярами всегда шли споры о межах. Если вотчины лежат рядом, пойди отыщи в старинных грамотах, где проходит граница — по оврагу или по ручью? И тиуны князя Московского из кожи будут лезть, чтобы отстоять своих. А Михаил Тверской больше хлопотал о литовской подмоге, чем о своих собственных верных слугах. Так и вышло, что они потянулись один за другим на московскую службу.

Наконец, в начале лета был перехвачен тверской гонец с посланием к королю Казимиру. В этом послании прямо говорилось о возможности совместных военных действий Твери и Литвы против Москвы. Таковые сношения можно было

объявить нарушением последнего договора и прямой изменой. В июле великий князь послал своему тверскому шурину разметную грамоту, а в августе большое московское войско выступило на север. Также и новгородцам было приказано вторгнуться в тверские владения с запада.

Восьмого сентября Тверь была окружена со всех сторон. Запылали посады, началась осада. Но длилась она недолго. Один за другим тверские бояре и воеводы являлись в стан осаждавших и просились в службу к великому князю Московскому. Он принимал их милостиво. Михаил Тверской, видя себя оставленным и обессиленным, решился на бегство. Каким-то образом ему удалось ускользнуть ночью из города. Да еще захватить с собой всю казну тверских князей.

За ним немедля была учреждена погоня. На границе со Смоленской землей преследователи почти настигли беглеца. Только бросив повозку с драгоценностями, удалось свергнутому властителю Твери ускользнуть в Литву.

Великий князь повел себя с обычной осмотрительностью. Он настрого запретил грабежи в городе. (Какой смысл грабить то, что уже принадлежит тебе?) Послал бояр и дьяков во все концы Тверского княжества описывать земли и

распределять их между своими новыми и старыми предводителями войска. Пятнадцатого сентября въехал в город и отстоял литургию в храме Преображения. Тут же торжественно объявил своего сына Ивана Молодого — по матери внука князя Бориса Александровича Тверского — новым правителем Твери. Почти без пролития крови удалось ему добавить к своим владениям территорию, равную всем владениям его отца. Могло ли такое случиться без вмешательства Высшей воли? Не думаю.

Владения великого князя увеличиваются и за счет присоединения уделов его братьев. Всеми силами он препятствует их вступлению в брак, чтобы у них не было в будущем наследников. Подспудный семейный раздор бурлит из-за этого постоянно. Мать великого князя, инокиня Марфа, всегда выступала с пальмовой ветвью, умела смирять его гнев на непокорных братьев. Но этим летом она умерла, и все здесь, затаив дыхание, ждут, чем это обернется.

Насколько мне известно, князь Михаил Борисович Тверской нашел приют в Вашем городе и проживает сейчас у православного архиепископа в Вильнюсе. Как хорошо было бы, если бы Вам, досточтимый брат, удалось встретиться с

высокородным тверским беглецом и записать его рассказ о событиях последних лет. Уверен, что в российских летописях это повествование будет подвергнуто тщательной подчистке и многочисленным, многократным исправлениям. Единственная надежда сберечь историческую истину — закрепить на пергаменте голоса всех главных участников событий. Только тогда наши потомки сумеют извлечь из этого многоголосья какой-то важный урок. Ветхий Завет сохранил для нас голоса многих пророков и царей израильских. Судьбами царств и княжеств учит нас Господь, приоткрывает Свой замысел о нас. Будем же прилежными учениками.

Все артиллерийское дело во время тверского похода было поручено Аристотелю Фиораванти. Он отливал новые пушки и мортиры, заготавливал порох и ядра, обучал канониров. Великий князь оказал ему много милостей и наградил щедро. Сейчас он окружен таким вниманием, что должен на время оставить мысли об отъезде. Тайный побег был бы невозможен, а отпустить такого нужного мастера — на это Москва никогда не согласится.

Между тем тревожные вести доходят из Новгорода. Как мы и опасались, новый архиепископ

Геннадий повел себя как настоящий деспот. Ему всюду мерещатся еретики. По малейшему доносу он вызывает священников, монахов, мирян для суровых дознаний. Те клянутся, что исповедуют христианство точно так, как учит православная церковь.

«Запираются!» — говорит архиепископ и многих бросает в темницу, чтобы они «одумались и сознались».

Во всех своих действиях Геннадий старается следовать примеру испанской инквизиции и возглавившего ее Торквемады. «Вот у кого нужно учиться твердости в борьбе с еретиками!» — восклицает он.

Так же и в делах судебных. Теперь на церковный суд отдаются всякие дела, которые раньше разбирал княжеский наместник. Женитьба на кровной родственнице, блуд и прелюбодеяние, содомия, осквернение могил, разводы, даже внутрисемейные свары мирян — все должно с трепетом ожидать приговора архиепископа. Надоест жена мужу, он подкупит двух свидетелей, и они поцелуют крест перед его престолом в том, что видели ее прелюбодейство. Жену отправят в монастырь, и муж может начинать новую развеселую жизнь. Конечно, судебные дела и тяжбы

накапливаются, и невинные люди томятся в тюрьмах месяцами, если не годами в ожидании разбирательства.

Отец Денис, получая вести из Новгорода, только хватается за голову. «Что я наделал! Зачем не остановил!» Но вряд ли это было в его власти. Архимандрит Геннадий в свое время не выступил против конфискации церковных земель в Новгороде — за это и был награжден высоким постом. Слава Богу, что пока ни митрополит Геронтий, ни великий князь не придают большого значения доносам, идущим из дворца новгородского архиепископа.

Еще нас тревожит долгое отсутствие Федора Курицына. По нашим расчетам, его посольская миссия к венгерскому королю давно должна была закончиться. Мелькнул слух, будто на обратном пути он был захвачен турками. По поручению великого князя Кара Бешмет подготовил и отправил послание крымскому хану Менгли-Гирею с просьбой выяснить местонахождение московского посла. На сегодняшний день единственный безопасный путь — через Кафу и Азов. Но для этого нужно, по крайней мере, добраться до Черного моря. А оно теперь оказалось почти целиком внутренним морем Турецкой империи.

Досточтимый брат, верите ли Вы в близкий конец света?

В Московии многие убеждены, что 1492 год будет последним. Исполнится ровно 7000 лет от сотворения мира — и Господь пошлет грозного судью на землю. Даже день Пасхи здесь рассчитан по календарю только до 1492-го. Подсчитывать дальше, считают местные, — напрасный труд.

Страшные войны наших дней, победное наступление мусульман, изобретение огнестрельного оружия — во всем мне мерещатся знаки приближающегося конца. Я вчитываюсь в «Откровение» Иоанна Богослова и пытаюсь прикладывать его видения к тому, что происходит сегодня. Семь чаш гнева Божьего — разве не излились уже на нас? Жестокие и отвратительные раны чумы — не первая ли это чаша? А кровь, которая текла в реках — Шелонь, Угра, Великая, Днепр, — не из третьей ли чаши? А огонь, вылетающий из пушечного жерла и сжигающий тысячи людей, — не из четвертой ли? Не остается ли нам ждать страшного землетрясения и града с небес — тогда мы узнаем, что излилась седьмая чаша и конец близок.

Готовы ли мы к концу, готовы ли к Суду? Кто может сказать про себя, что готов?

Никто.

Поэтому будем бодрствовать, будем держать светильники полными масла и чресла препоясанными, ибо не знаем, когда придет Господин наш.

Аминь.

Глава 19. Две Елены

Владиславу Ольгирдису, в Вильнюс из Москвы, Пасха 1486

Любезный брат Владислав!

Не правда ли, есть что-то непостижимое в пасхальных торжествах. Каким образом день мучительной казни Спасителя нашего мог превратиться в Праздник, полный радости и надежды? В этом году природа решила принять участие в ликовании. Небо безоблачно, теплый ветерок несет запахи проснувшейся земли, колокольный звон плывет над крышами домов. Царские врата в церкви остаются открытыми всю неделю, голоса хора поднимаются вдоль ликов святых под самые своды, и я без труда выделяю волшебный голос моей жены, и душа моя наполняется истомой и восторгом. «Христос воскресе! — Воистину воскресе!»

На Пасху в Московии принято выпускать преступников из темниц, так что бывалые москвичи, крестясь одной рукой, другой крепко придерживают кожаную калиту на поясе. Осторожность особенно необходима еще и потому, что среди

воров существует поверье: удачно украсть в Светлую неделю — будет богатый промысел весь год.

Дети обходят дома с пением, их одаривают крашеными яйцами и пряниками. Красное яйцо у русских — важный символ в празднике Пасхи. Ведь, родившись от птицы, оно не остается тем, чем родилось; оно дает птичке жизнь сперва внутри себя, а потом производит ее на свет. Так и Иисус Христос, восстав из мертвых, дарует жизнь сперва духу, а в конце времен воскресит и наши тела. Для чего же дарят друг другу красное яйцо? В воспоминание крови Христа Спасителя, пролитой Им за нас на кресте.

Священники тоже подрабатывают, совершая молебны в домах горожан. Я заметил, что мать Людмилы перед приходом священника украдкой посыпала солью то место на столе, куда кладется Евангелие, а после молебна унесла эту соль и подбросила ее в коровий корм. Суеверие? А может быть, и глубокая вера в то, что все живое должно принять участие в чуде Воскресения.

Но у кого есть подлинный повод ликовать и благодарить Господа — это у Курицыных. Брат Федор объявился в Москве цел и невредим! Оказалось, что, возвращаясь от венгерского короля вдоль берега Черного моря, русское посольство

попало в плен к туркам. Местные турецкие власти не знали, как им поступить с московскими послами, и отправили гонца в Стамбул. Оттуда прислали важного бея произвести дознание — не лазутчики ли? Пришлось просить посредничества и помощи у крымского хана Менгли-Гирея.

Пока тянулись все эти переговоры, с пленниками обращались почтительно, поместили их в отдельном доме, снабжали всем необходимым. Дом этот находился на главной улице города Аккермана, недавно отвоеванного турками у молдавского властителя. Генуэзские купцы, имевшие здесь торговый двор, едва успели уплыть обратно в Италию.

Курицын рассказал, что он не терял времени даром. В сопровождении двух турецких воинов и местного священника он бродил по старинным развалинам, срисовывал с камней греческие надписи. Здесь, в устье Днестра, в незапамятные времена греки основали крепость Тирас. Священник рассказал ему, что впоследствии город захватили скифы, потом болгары, славяне, валахи и, наконец, турки. Федор говорил, что прикосновение к ушедшим в прошлое векам помогало ему легче переносить вынужденное безделье, наполняло душу каким-то торжествен-

но-приподнятым настроением.

Курицын привез принцессе Елене Стефановне подарки и послание от ее отца. Увы, послание устарело почти на год. Пока русское посольство сидело у турок в плену, положение молдавского господаря изменилось к худшему. Его маленькое государство было истощено борьбой с огромной Империей Полумесяца, и он вынужден был признать себя вассалом турецкого султана. Елена Стефановна, со свойственной ей горячностью, послала страшные молдавские проклятья на головы неверных, потом обняла сына Дмитрия и прошептала над его головкой:

— Вырастай скорее, княжич мой золотой! И пусть даст тебе Господь руку крепкую, сердце храброе, дружину сильную, чтобы мог ты ударить на проклятых турок, да так, чтобы бежали они без оглядки до самой Африки.

Все семейство Курицыных тоже получило заморские подарки. Кроме того, Федор привез прелюбопытную книгу, повествующую о жестоком карпатском правителе по имени Дракула. Он уверяет, что, сидя в аккерманском плену, переводил эту книгу на русский с помощью венгерского толмача. Но брат Иван, то ли в шутку, то ли всерьез, высказал предположение, что Федор

не переводил, а сам сочинил ее.

Об этой книге я должен рассказать подробно, потому что из-за нее между братьями произошел — кажется, первый в их жизни — серьезный разлад.

Представьте себе правителя, соединившего в себе худшие черты Нерона, Калигулы, Домициана, как их описал Светоний, — и Вы получите портрет воеводы Дракулы из Мунтьянской (или Румынской) земли. Только он не просто любит изобретательно мучить всех окружающих, но еще примешивает к своим злодействам какие-нибудь изощренные издевательства над жертвами или читает им нравоучения.

Например, пришли к нему послы от турецкого султана и начали кланяться, не сняв колпаков. Ведь по нашему обычаю обнажить перед кем-то голову — знак почтения, а по мусульманскому — страшное неуважение. Они даже молиться должны с покрытой головой. Но Дракула этому не внял, а заявил послам: «Раз вы решили вести себя не по нашему обычаю, а по своему, я хочу, чтобы вы этого своего обычая держались крепко всю жизнь». И велел своим слугам схватить послов и прибить им колпаки к головам гвоздями.

Гвозди в голову — это особая честь. Обычно

же Дракула за малейшую провинность — а часто и без всякой вины — сажает людей на кол. И любит обедать среди трупов, посаженных на колья. Однажды слуга, подававший ему блюда, не выдержал трупного зловония и зажал нос. «В чем дело?» — спросил Дракула. «Прости, государь, не могу выносить этого запаха», — ответил несчастный. «Ах так, — сказал Дракула. — Ну-ка, насадите его на самый высокий кол, чтобы запах не долетал до его нежных ноздрей».

Говорят, что из-за свирепых казней за мельчайшую кражу в государстве Дракулы совсем исчезло воровство. Что у источника не перекрестке двух больших дорог им поставлена золотая чаша, и каждый путник, напившись, аккуратно ставит чашу на место. Дракуле удалось избавить свою страну от нищих и увечных. Куда же они подевались? А вот хитрый воевода созвал их всех на пир, угощал и одаривал в богатых хоромах, а потом запер и хоромы поджег. Да еще похвалялся: «Я их освободил — пусть в моей стране никто не страдает от нищеты и болезней».

Хотите послушать, как он охраняет женское целомудрие? Выписываю из книги:

«Если какая-либо женщина изменит

своему мужу, то приказывал Дракула вырезать ей срамное место, и кожу содрать, и привязать ее нагую, а кожу ту повесить на столбе, на базарной площади посреди города. Так же поступали и с девицами, не сохранившими девственности, и с вдовами, а иным груди отрезали, а другим сдирали кожу со срамных мест и, раскалив железный прут, вонзали его в срамное место, так что выходил он через рот. И в таком виде, нагая, стояла, привязанная к столбу, пока не истлеет плоть и не распадутся кости или не расклюют ее птицы».

Ивану Курицыну книга эта показалась вредной и опасной, и он горячо укорял брата за то, что тот привез ее в Московию.

— Не важно, сам ты ее сочинял или только собрал карпатские байки и перевел. Что полезного может узнать русский человек, прочитавший такую историю? Узнает, какие на свете бывают кровожадные тираны? И что дальше? Что и таким надо подчиняться, ибо всякая власть от Бога? Чему ты хочешь научить людей?

Федор пытался отшутиться:

— Уж так все учить да учить? И позабавить людей порой не грех.

— Ничего себе — забава! Кровь и стоны на каждой странице. Конечно, христианам было бы отрадно, если бы какой-то их повелитель так сумел обмануть турецкого султана, как Дракула: заявил, что хочет служить ему, пришел с войском в турецкую землю, а потом начал все жечь и губить кругом. Но не могу я поверить, что такой человек может быть хорошим полководцем. Тоже мне — мудрец! Обошел раненых после боя и всех раненных в грудь наградил, а раненных в спину велел посадить на кол. Как будто мы с тобой не видели, как в настоящем бою к лучшему смельчаку враги стараются подкрасться именно сзади и нанести удар.

— А по-моему, есть и смешные места. Ведь Дракула все время делает вид, будто цель у него добрая и хорошая. Разве не смешно, как он пытался помочь крестьянину, которому ленивая жена не собралась соткать рубашку?

— Хороший смех! Приказал отрубить руки ленивой жене и труп посадить на кол. То-то крестьянин был ему благодарен! Зачем такую историю вставлять в книгу? Чтобы наши жены не ленились за ткацким станком?

— Нет, но затем, чтобы люди не спешили верить благим намерениям.

— Для этого незачем было делать Дракулу государем целого царства. Вполне хватило бы сделать его наместником, воеводой. А государь должен быть примером своим подданным, должен первый соблюдать законы, которые он выпускает, а не казнить людей по капризу и произволу.

Улыбка как-то неохотно утекла с лица Федора. Он вздохнул и заговорил серьезно.

— Да, здесь у нас с тобой давнишний спор, давнишнее несогласие. Двадцать раз мы уже мудрствовали об этом: что лучше — одному править или всем сообща — вечем, советом? И я тебе в двадцатый раз скажу: нет и быть не может одного правила для всех народов во все времена. Взгляни на древний Израиль: долго жили они под властью пророков, и судей, и левитов; но теснили их вражеские полчища со всех сторон, и не было у них воинской силы достаточной, чтобы устоять. Тогда они пришли к пророку Самуилу и говорят: дай нам царя. Самуил предупреждал их о всех притеснениях, какие придется терпеть от царя. Как он отнимет поля, и виноградники, и масличные сады, чтобы отдать слугам своим. Как заберет себе в рабство сыновей и дочерей

израильских, как заставит служить себе всех и платить подати. А народ все равно говорил: «Нет, дай нам царя, и мы будем как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить пред нами, и вести войны наши». И сам Господь сказал Самуилу: «Дай им царя».

— Если бы послал Господь вечный мир на землю, — вступил тут отец Денис, — цари были бы не нужны. А так… Вот и первый царь израильский, Саул, — ведь это он спас свой народ от аммонитян. Те уже считали себя победителями, окружили израильтян, обещали пощаду. Сдавайтесь, говорят, мы вас пощадим, только выколем каждому правый глаз. Не такую ли же «пощаду» готовил нам и Ахмат?

— Две силы давят на душу человека, — продолжал Федор. — Изнутри гордость, снаружи — страх. Если в государстве есть много людей, в которых гордость сильнее страха, они легче подчинятся закону и совету, чем воле одного повелителя. А если гордых людей мало, а враги теснят со всех сторон, приходится звать на помощь страх. Тогда только полновластный самодержец сможет управлять народом.

— Но если страх раздувать и накачивать, тогда гордых людей совсем не останется.

— Верно. И некому будет защищать царство. Придется звать кого-то на помощь. Когда сто тысяч турок штурмовали Константинополь, знаешь, кто сражался на стенах? Десять тысяч наемников, в основном — итальянцы.

Огромная Византийская империя, а защитников уже не набрать — так все задавлены. Приходилось покупать храбрость за деньги, а это товар недешевый.

— Вот именно! Разве я тебе не о том же самом толкую?

— О том же. Только ты веришь, что гордых людей можно выпекать в печке законов, как хлеба, а я не верю. Они либо есть и растут числом, как, скажем, в Пскове, и отбивают всех врагов вот уже двести лет, либо их нет, и тогда государство становится легкой добычей для соседей. Но если гордости слишком много, тогда гордые начинают драться между собой, как в Новгороде. И люди устают от собственных храбрецов и их раздоров и хотят, чтобы пришел один повелитель и вернул им покой.

— Но разве повелитель не может править по закону?

— Может — только долго не усидит на троне. Если люди чувствуют, что закон главнее пове-

лителя, страх слабеет. Можешь ты представить себе Сергия Радонежского на троне? Пафнутия Боровского? Долго бы они могли сохранить мир в стране? Да к тому же, и полновластье — большой соблазн для владыки. Не всякая душа выдержит его. И если кому досталось жить под властью самодержца, он каждый день должен благодарить Господа за то, что повелитель его пока не сделался Дракулой.

— В городе трудно гордость сохранить, — сказал Кара Бешмет. — В степи легче. Пока я вольный кочевник, меня страхом на войну не загонишь. Ускачу далеко — и пойди меня сыщи. Татарские воины — гордые, съезжаются к своим ханам сами, на зов их.

— Пока наш государь умеет ценить и награждать воинскую гордость, к нему на службу стекаются со всех сторон, — сказал Федор. — И литовцы, и татары, и тверяне, и немцы, и вятчане.

— Не было на свете больших гордецов, чем древние римляне, — упрямо сказал Иван. — Четыре века прожили без царей — что же с ними потом стало? Зачем поставили над собой императора?

— Государство стало слишком велико. Купол на Успенском соборе стоит крепко. Но попробуй увеличить ширину храма — и никакой Фиораванти

не сумеет построить так, чтобы держался. Тогда останется единственный выход: шпиль. Никто же не говорит, что законы не нужны. Но нельзя ждать, чтобы законы могли описать всю жизнь человеческую и на все дать правило.

— А вот мне пришло в голову, — сказал отец Денис. — Не может статься, что тот, кто сочинял «Дракулу», хотел того же, чего пророк Самуил: объяснить людям, какая судьба ждет их под полновластным правителем?

— Отчего бы и нет, — согласился Федор. — Вот ты, Иван, когда закончишь свое «Мерило праведного», когда соберешь все русские «Правды» в один свод, может быть, к тому времени народится в Москве достаточно гордых, чтобы этим законам добровольно подчиниться. А пока… Я тебе так скажу: столь велика стала русская земля, что один лишь страх перед Державным может сохранять в ней мир. И еще: полновластие государя есть великое бремя для него самого и великое искушение. Потому должны мы молиться денно и нощно, чтобы Господь и впредь давал ему силы одолевать это искушение, чтобы не стал он простым душегубом, как карпатский Дракула.

— Если все в руке Господней, если все от Него, может быть, нам и душегуба проклинать не

подобает?

— Господь повелевает дождю литься, огню гореть, ветру дуть, деревьям расти. А нас Он — зовет. И не всегда ясно — к чему, куда. Мы проклинаем душегуба, потому что верим: неправильно он услышал зов Господень. Или услышал — и не подчинился. «Господствуй над грехом, Каин!» — уговаривал Господь. Но Каин ослушался, поддался искушению зависти и убил брата своего. И мы ведь все — Каиново отродье. Авель-то погиб бездетным. А знаешь, чем для меня Россия, Москва не похожи на другие страны? Здесь зов Господень сильнее всего. Здесь все — недаром, все — всерьез. Гибель, злодейство, кровь всерьез. Но и храм, и книга, и мост через реку, и дорога в лесу, и вспаханное поле, и звон колокольный. Все всерьез. Высокий зов слышен. Видел, как Фиораванти возводил стены? Испытывал кирпичи, закалял их в огне. Так и Господь испытывает нас. Большая человечья постройка задумана у Него здесь, большой посев. И не нам увидеть конец ее. Объяснить не могу, но чувствую сильно: в такой постройке не жалко и костьми лечь в фундамент. Чтобы пшеничному зерну принести много плода, должно ему умереть в земле, учил Искупитель наш. Распахана в России земля — дело за нами.

Вот такие дебаты, любезный брат Владислав, кипят в нашем тесном кружке.

А что думаете Вы? Тревожит ли Вас мысль о переменах на литовском престоле? Король Казимир уже немолод. Кого из его сыновей ваши вельможи выберут королем? Пройдет ли эта смена мирно или опять разразится междоусобная война?

Кстати, доводилось ли Вам читать трактат бессмертного Данте Алигьери «О монархии»? Правда, эта книга была в свое время сожжена по папскому указу. Правоверному католику ее читать не положено. Да и достать нелегко. Но здесь, в итальянской колонии, она имеется. Данте там необычайно красочно и убедительно расписывает преимущества единовластия. Но его можно понять: ведь именно политические раздоры, порожденные республиканским правлением во Флоренции, превратили его в изгнанника до конца жизни. Монарх, описанный им, — это какой-то непогрешимый, идеальный человек, почти ангел. Данте не довелось пожить под властью какого-нибудь Дракулы, которых в тогдашней Италии было великое множество. Правда, многих из них он описал в «Божественной комедии» и разместил по соответствующим кругам ада.

В России последним оплотом народного прав-

ления остается Псков. Однако внешние угрозы со стороны Ливонии, Ордена и Литвы, как мы видим, все чаще и чаще заставляют эту республику прибегать к помощи Москвы. Вряд ли такое положение может длиться бесконечно.

Из печальных новостей: тихо и незаметно скончался Аристотель Фиораванти. Умер в своей постели, в своем доме. Его племянник и приемный сын Андреа вернулся в Москву весной, был при нем. Он привез из Италии письма, новости, гравюры с новых работ молодых знаменитостей. Когда я последний раз навещал старого мастера, он с волнением называл имена Боттичелли, Микеланджело, Леонардо, показывал копии с их картин.

Отпевание и похороны прошли очень скромно, в итальянском квартале, на левом берегу Москвы-реки. Великий князь, видимо, не мог простить своему строителю его попытки вернуться на родину, не удостоил его никаких прощальных почестей. Русские мастера, обученные Фиораванти, уверенно управляются на Пушечном дворе. Недавно я видел отличную пищаль, отлитую ими, с красивым орнаментом и с надписью: «По велению Благословенного и Христолюбивого Великого князя Ивана Васильевича, Государя

всея Руси, сделана бысть сия пищаль в лето 6993, месяца Сентября 30, в лето Господарство его 23, лил Яков».

Стреляет пищаль двухфунтовыми ядрами, которые летят с большой силой и весьма далеко. С грустью и тревогой я думаю о том, что рано или поздно одно из этих ядер может ударить в стену Вильнюса. Не дай Господь увидеть нам кровавый раздор между нашими странами — самыми могучими царствами на всем просторе от Вислы до Уральских гор.

Вести из Новгорода делаются все мрачнее с каждым месяцем. Старые друзья отца Дениса пишут ему, что от архиепископа Геннадия никому нет житья. Кто посмеет возразить ему хотя бы в малости, немедленно будет объявлен еретиком. Если сошлешься в беседе на Ветхий Завет, обзовет «жидовствующим». Оправдаться перед ним невозможно. Если неугодный ему человек будет клясться и крест целовать в том, что исповедует истинное православие точно так, как сам архиепископ, Геннадий обвинит его в запирательстве. «Это еще мессалиане и богомилы учили от всего отпираться, — говорит он. — Но от святого креста не скроетесь. Всех выведу на чистую воду!»

До сих пор митрополит и великий князь не при-

нимали его доносы всерь-ез. Но если Геннадию удастся вовлечь других епископов и иерархов в свою истерию, в Московии могут запылать костры не хуже, чем в Испании.

На этой печальной ноте прощаюсь с Вами, любезный брат, и да сохранит Вас Господь от пастырей, подобных новгородскому архиепископу,

С. З. й

Фрау Грете Готлиб, в Мемель из Москвы, август 1486

Милая, милая Грета!

Лето у нас в этом году выпало теплое и спокойное, на радость местным землепашцам и садоводам. Один за другим прокатились сельские праздники. День мученицы Акилины здесь называют «Акилиной-гречишницей» — потому что он указывает время посева гречихи. В конце июня отмечают день святого Петра его именуют «Петром-рыболовом». Рыбаки молятся ему об улове и об избавлении от бурь, складываются сообща и ставят ему большую восковую свечу в церкви. Двадцатого июля — день Ильи Громоносного.

По местным поверьям, гром небесный означает проезд по небу пророка Ильи в колеснице. Оттуда он посылает огненные стрелы, которые убивают черта. Многие уверяют, что находили окаменевшие стрелы на земле. Считается, что в этот день происходит смена времен года. «На Илью до обеда — лето, а после обеда — осень», — гласит пословица. В Ильин день — начало жатвы, и поселяне накануне закалывают быков и телят, пируют и веселятся в предвкушении урожая.

Но мне в этом году сердечная горечь не позволила присоединиться к ним. Гром небесный поразил меня как раз за три дня до праздника святого Ильи.

Вот что произошло.

С утра мы занимались греческим и итальянским в покоях Елены Стефановны. Дочь великой княгини, Елена Ивановна, тоже была с нами. Помогая себе кончиком высунутого языка (точь-в-точь, как это делала ты в ее возрасте), двенадцатилетняя княжна переписывала строчки Петрарки из книги, недавно отпечатанной в Венеции и доставленной сюда итальянскими чеканщиками. Время от времени заглядывая через ее плечо, я ронял одобрительные замечания, и она краснела от удовольствия.

Вообще, должен тебе сознаться, меня в последние месяцы тревожило поведение Елены Ивановны. Помнишь, ты в одиннадцать лет влюбилась в своего учителя музыки? Настолько, что наша добрая матушка сочла необходимым прервать ваши занятия? Что-то похожее происходит и у нас. Поверь, я не позволял себе никаких жестов, взглядов, слов, которые могли бы быть истолкованы превратно. Скромный подьячий, знающий свое место, готовый услужить любому члену великокняжеского семейства. Но сердце юной девицы порой возгорается само собой, без всякого знака и повода со стороны. И, как ты помнишь, это возгорание довольно трудно скрыть. Ваши нежные щеки покрываются то краской, то испариной, губы трепещут от вздохов, глаза вдруг без всякой причины увлажняются слезой.

Что мне оставалось делать?

Я только старался всегда садиться подальше от княжны, не прикасаться к ее пальцам, когда мы вместе листали книгу, не встречаться с ней взглядом. Елену Стефановну все это только забавляло. Но угрюмые няньки, сидящие по стенам, поджимали губы и явно выражали свое неодобрение. По их понятиям, вообще не бабье это дело — книги читать да учить басурманские языки.

Видимо, какая-то из них и решила вмешаться. А оружие у них всегда одно — верное, опробованное, вековое. Клевета.

Уж не знаю, какие слухи они распускали о наших занятиях. Только в тот день мы внезапно услышали громкий стук сапог на лестнице. Дверь распахнулась под тяжелым ударом то ли ноги, то ли кулака. На пороге появился принц Иван Молодой, супруг Елены Стефановны. Заметно хромая, он вышел на середину горницы, обвел наши лица гневным пронзительным взглядом.

— Кто велел? — крикнул он.

— О чем ты, Иван Иванович? — испуганно спросила Елена Стефановна.

— Вот это все — кто велел?!

Он подошел к столу, схватил том Петрарки.

— Это что за книга? Жидовская?

— Господь с тобой! Вот же тут ангелы Божьи нарисованы и крест. Ты же сам разрешил мне выучить итальянский и греческий. Вот Степан Юрьевич нам здесь помогает…

— Ты кто? — Принц резко повернулся ко мне.

— Посольского приказа подьячий, Степан Бородин-Червонный, ваша милость.

— А вот мы сейчас посмотрим, какой ты подьячий!

Принц сделал несколько шагов ко мне и схватил за ворот. Другой рукой залез мне за пазуху и выдернул цепочку с нательным крестом.

— Латинский?

— Боже упаси, ваша милость. Православный, в Архангельском соборе освященный.

Но принцу нужно было на ком-то разрядить свой гнев. Взгляд его упал на забившуюся в угол Елену Ивановну.

— А ты здесь что делаешь? Опять затеяла моему сыну башку разбить? Нечего тебе здесь торчать — поняла?

Княжна от страха не могла ничего сказать, только всхлипывала и тихо скулила.

Елена Стефановна сделала шаг вперед, положила ладонь на плечо мужа.

— Раз уж ты зашел, Иван Иванович, не взглянешь ли на сыночка? Какое-то у него пятнышко на шее, мы не можем понять, что такое: то ли родинка новая появилась, то ли что-то худое.

— Где он?

— В соседней горнице, спит в колыбельке. Уже и святой водой кропили, и икону из Троицкой лавры привозили — не помогло. Взгляни-ка ты отцовским глазом, может, совет какой дашь. А то мы, бабы, только кудахчем, а толку мало…

Постепенно ей удалось успокоить мужа и увести.

Можешь себе представить, в каком тягостном настроении я вернулся в тот день домой. Ведь я привык смотреть на Ивана Молодого как на героя боев на Угре, как на спасителя отечества. Я почти преклонялся перед ним, радовался, что у нас будет такой повелитель. Как же тяжело мне было вызвать его непонятный и неоправданный гнев!

Главное же: нет сомнения, что гнев этот мог быть вызван только ядом клеветы. Но какое обличье приняла змея в этот раз? Латинство? Жидовство? Это словечко все чаще выползает из палат новгородского архиепископа Геннадия. Любая цитата из Ветхого Завета может быть заклеймена жидовством. А латинство? Сейчас многие в Москве недовольны наплывом итальянских мастеров, а зависть неразборчива в способах мести. Но самое страшное — обвинение в колдовстве. За это сразу один путь: темница, пытки, казнь. Господи, сохрани, обереги и помилуй!

Хромота у принца Ивана из-за болезни, которую здесь называют «камчуг». От нее нога воспаляется так, что даже прикосновение гусиного пера кажется невыносимым. Знахари лечат ее настоем цветка иван-да-марья, что соответствует

латинскому Viola tricolor. Однако вряд ли Иван Молодой решится ослушаться запрета церкви и призвать знахарей. Говорят, что сильный камчуг может обернуться потом каменной болезнью почек, и тогда человек умирает.

Не дай Бог, чтобы такое случилось! Тогда кинутся искать колдунов по всей Москве — то-то прибавится работы палачам.

Не помню, как я дотянул тот тягостный день в приказе, как добрался домой. Но когда сели обедать, я вдруг понял, что не могу донести ложку до рта. Рука так тряслась, что я только проливал щи на бороду. Жена моя вскочила, бросилась ко мне.

— Степанушка, что ты?! Что с тобой? Неужто лихоманка-трясун напала? И с лица побелел, как плат!

Она прижимала мою голову к груди, гладила по волосам. Углом рушника утирала мокрое лицо. Под ее ласками дрожь понемногу утекла из моих пальцев. Но она все продолжала хлопотать и причитать. Стала кормить меня с ложки, как младенца.

Только ночью, когда легли, смог я ей связно рассказать о случившемся. И она снова, как уже было не раз в последний год, стала уговаривать меня оставить службу в Посольском приказе.

— Не для тебя это дело, Степанушка, нет у тебя тех зубов и когтей, какие нужны для дворцовой жизни. Твое дело — книжное, умственное. Помнишь, как хорошо было в Пскове, как тебя засыпали заказами. И в Москве найдутся желающие, книги нынче всем нужны. Завели бы переписочное дело, завели бы лавку рядом с базаром. Там бы приказчик сидел, заказы принимал и выдавал. А ты бы дома все переписывал и переводил. И ходить никуда не надо. То-то славно было бы, то-то душевно!

Она гладила меня по щекам и плечам, мечтала вслух, тешила себя надеждами. И у меня не повернулся язык вернуть ее с облаков на землю. Напомнить, что говорили мы об этом двадцать раз. И двадцать раз я объяснял ей, что Москва — не Псков. Что здесь все книжное и переписочное дело отдано монастырям. И что они не потерпят, чтобы какой-то подьячий завел свою лавку и начал переманивать у них заказчиков.

Дорогая сестра, я почему-то верю, что Господь и ангелы Его слышат твои молитвы лучше, чем мои. Помолись за меня, чтобы миновало меня обвинение в ворожбе и чтобы дано нам было свидеться на этом свете после двадцати лет разлуки.

Твой любящий брат,

С. З.

Эстонский дневник

Болит сердце за детей, не проходит. И не только за своего, за бесценного Павла Степановича, и за далеких племянников в Мемеле. Княжеские отпрыски — Димитрий, Елена, Василий Иванович, — когда вижу их, одна мысль сверлит: что ждет их всех? Какая страшная судьбина заготовлена впереди? Сегодня они шалят, веселятся, смеются — но где-то уже ждут их каменные темницы, железные оковы, секира палача.

Братья великого князя жалуются, что он всеми силами препятствует им вступать в брак. То невеста не та, то время не подошло, то на войну пошлет. А если бы разрешил, если бы народились у них детки — что тогда? Прямо вместе с колыбелью упрятать их в подземелье? Чтобы не было у главных наследников опасных соперников?

Со времен Давидовых бьются цари в этой ловушке — и не находят выхода. Вот висит сын Давида, Авессалом, запутавшись волосами в ветвях дуба, три стрелы в сердце его. Вот и дру-

гой сын, Адония, убит своим младшим братом Соломоном, хотя он уже склонился перед ним и признал его царем. И в наши времена несутся к Тебе стоны и мольбы убиваемых королевских отпрысков на датском, английском, французском, испанском, итальянском, немецком языках. Неужели пришла пора и русскому языку влиться в этот хор, неужели дошла очередь до Московского Кремля?

Господи, не за Иродов ли грех наложил Ты это страшное проклятье на все царствующие роды? Не за избиение ли младенцев в Вифлееме нынче каждый царственный младенец должен жить под занесенным мечом?

Глава 20. Разлука

Фрау Грете Готлиб, из Москвы в Мемель, август 1487

Милая и далекая сестра моя!

Снова в Москве звонят победные колокола, снова полковые трубы гремят на улицах, образа плывут над морем голов. На великокняжеских знаменах Иисус Навин останавливает солнце — и настоящее солнце с удивлением застывает над Кремлевскими башнями. Из Казанского похода вернулся наш прославленный полководец, Данила Холмский. Три недели русское войско осаждало город, три недели отбивало вылазки и контратаки татар. Но расчет у осаждавших был не только на военную силу. В их лагере находился хан Мухаммед-Эмин, объявивший себя вассалом великого князя Ивана и имевший много сторонников среди жителей казанских.

Наконец, 9 июля город не выдержал и открыл ворота победителям. В плен были взяты сам Али-хан со всей семьей и множество его военачальников. Однако грабеж и насилия были настрого запрещены. Москва год от года улучшает

это искусство, столь хорошо освоенное древними римлянами: превращать побежденных в подданных. Управлять Казанским царством был оставлен хан Мухаммед-Эмин, под присмотром московского боярина. Есть надежда, что безопасность восточной московской границы будет на ближайшие годы обеспечена.

В Москве знатных пленников заставили принять участие в торжественной процессии. Алихан, его мать, две жены, братья, сестра шли, звеня цепями, за сверкающей вереницей всадников — великим князем и его воеводами. Московские жители, всю свою жизнь трепетавшие перед злым татарином, ликовали при виде этого унижения своих извечных врагов. После празднеств пленников разослали по тюрьмам северных городов.

Мои занятия с двумя Еленами продолжаются. Правда, Елена Стефановна, не желая огорчать супруга своего, теперь принимает меры к тому, чтобы княжич Димитрий не забежал в это время в горницу. Как птицы чувствуют приближение непогоды, так и она умеет ловить признаки бури, назревающие в ком-нибудь из членов обширного великокняжеского семейства. Не раз ей удавалось мягким словом, улыбкой, а порой и

оброненной слезой отвести грозу. Великий князь весьма благоволит к ней, часто расспрашивает о здоровье внука, о вестях от отца из Молдавии. Остальные, если и ревнуют, стараются не показывать своих чувств.

Хочешь «уличный» портрет Елены Стефановны?

Первое впечатление: этой женщине был обещан какой-то подарок, и она приближается к тебе с радостным ожиданием и молчаливым вопросом — не ты ли гонец с подарком? Очень быстро понимает, что не ты, но не впадает в разочарование, а как бы возвращается к своей обычной уверенности, что не сегодня, так завтра, но подарок будет.

Это отнюдь не значит, что она всегда бодра и весела. Например, ее очень тревожит болезнь мужа. Когда ему случается при ней неловко наступить на больную ногу, лицо ее искажается болью сострадания. Но зато нужно видеть, с каким радостным доверием она выслушивает советы очередного медицинского светила, приглашенного для лечения, или рассказы священника о новой чудотворной иконе, излечившей похожую болезнь. Следуя заветам Евангельским, она всегда ищет лилию надежды в окружающих ее полях, а

не найдя — не впадет в уныние, а укроется в дупле терпения, чтобы переждать бурю, холод, ночь.

Вчера Елена Ивановна не пришла к началу занятий, и мы начали без нее. Продолжали переводить сонеты Петрарки с итальянского на русский. В одном из сонетов он благословляет сердечную боль, рожденную в нем любовью к Лауре. Начинается он примерно так:

Благословляю день, и месяц, и годину,

И час божественный, и чудное мгновенье,

И тот волшебный край, где зрел я, как виденье,

Прекрасные глаза, всех мук моих причину.

Но в следующей строфе поэт вводит персонаж, который может вызвать резкое неодобрение строгих блюстителей православия: языческого бога Амура. В Москве бесполезно объяснять, что Петрарка — верующий христианин и Амур для него — чисто поэтическая фигура. Так что мы решили спрятать сыночка Венеры с его луком в строчках расплывчатых и безымянных, примерно таких:

Благословенна боль, что в первый раз

Я ощутил, когда и не приметил,

Как глубоко пронзен стрелой, что метил

Мне в сердце бог, тайком разящий нас!

Однако на этом трудности не кончились. В следующей строфе поэт взывает к Мадонне! А это уже попадает под обвинение в кощунстве и латинстве. О таком здесь даже и подумать невозможно: вмешивать Богоматерь в свои любовные делишки. Мы вывернулись так:

Благословляю все те нежные названья,

Какими призывал ее к себе, — все стоны,

Все вздохи, слезы все и страстные желанья.

Благословляю все сонеты и канцоны,

Ей в честь сложенные, и все мои мечтанья,

В каких явился мне прекрасный облик донны!

Но тут в горницу вбежал карлик — посыльный великой княгини — и объявил, что она срочно

требует меня к себе. Я поспешил за ним, на ходу заражаясь его испугом и тревогой. Что там могло случиться? Что-нибудь с юной княжной, с Еленой Иоанновной?

Предчувствие не обмануло. Княгиня Софья встретила меня сердитым и испытующим взглядом. Оказалось, что у княжны ночью начался сильный жар. Сейчас она в бреду, никого не узнает и произносит только одно имя.

— Чье имя, ты хочешь знать? Твое! «Степан Юрьевич, Степан Юрьевич!..» Чем ты ее напугал, говори? Ворожил, колдовал, грозил? Знаешь, что тебе может быть за такие дела?

От страха иконы и лампады начали кружиться передо мной, слились в огненно-золотой круг.

— Я… Да Господь свидетель… Ни в помыслах, ни в словах…

— Иди туда!.. Иди и ответь ей!.. Может, она хоть тебя узнает.

Меня провели в горницу, где лежала больная. Великая княгиня шла за мной, тяжело дыша, запахнувшись в парчовый платок. Священник из Успенского собора держал икону над головой княжны, выпевал слова молитвы.

Я подошел ближе. Лицо Елены Ивановны пылало. Взгляд метался по потолку, но ловил лишь

что-то тайное, видимое только ей одной. Дыхание вырывалось из губ с трудом, вперемешку с несвязным бредом. И вдруг, действительно, я ясно-ясно разобрал свое имя!

— Степан Юрьевич, как дальше?.. Степан Юрьевич, что там?..

Я оглянулся на великую княгиню. Она повелительно мотнула головой. Я приблизился, взял пальцы больной. Они были мокры от пота и дрожали.

— Здесь я, вот я… Елена Иоанновна, голубушка, очнитесь… Вот морсу глотните, тогда полегчает…

— Нет, как дальше?!

Она начала бормотать что-то по-итальянски.

— Benedetto sia 'l giorno…

— Что? Что она бормочет? — Княгиня Софья придвинулась, склонилась над больной дочерью.

— Это начало итальянского стиха… Мы начали его переводить вчера, и она запомнила…

Пальцы княжны больно и настойчиво стиснули мою руку.

— Как дальше, Степан Юрьевич, как дальше?!

— Benedetto sia 'l giorno el' mese el' anno… — забормотал я.

Лицо больной вдруг разгладилось, она откинулась на подушку в изнеможении.

— Эль месе, эль анно, — повторяла она с облегчением. — Эль месе, эль анно… Благословен день, месяц, лето, час…

На лице ее даже появилось подобие улыбки, дыхание стало спокойнее.

Я оглянулся на княгиню Софью.

Она с недоверием качала головой, всматривалась в лицо дочери.

— Посылали за врачом? — осторожно спросил я.

— Был он уже, был. Убежал к себе делать микстуру. Да не больно я верю этим немецким лекарям.

— Помню, меня матушка в детстве при лихорадке сразу поила настоями. — Я говорил тихо, так чтобы не услышал священник. — У нее всегда был запас сушеных цветов липы и ромашки. А еще, я слышал, настой ивововой коры тоже помогает. Залить кипятком, добавить меда для вкуса и все время подносить к губам.

Я понимал, что сильно рискую, предлагая знахарские приемы во дворце, полном доносчиков. Но сострадание к больной пересиливало страх. Кроме того, я знал, что великая княгиня не разделяет местных суеверий.

Разгоревшееся лицо княжны было таким прелестным на расшитой шелком подушке, что любой художник немедленно схватился бы за кисти и краски. Увы, я мог только взглядом пытаться запечатлеть его на холсте памяти.

Вскоре вернулся лекарь. Узнав, что я владею немецким, он стал тихо и сердито жаловаться мне.

— Переведите им… Они делают вид, что не понимают моего русского. Я прекрасно говорю по-русски, они просто притворяются… Переведите им, что я учился в лучших медицинских школах в Салерно и Монпелье. Что прочел всего Галена, Авиценну и Маймонида. Что я переводил на немецкий знаменитый салернский «Путеводитель здоровья». Правда, он написан в стихах, а мы переводили прозой. Но одну — может быть, главную — заповедь перевели с рифмой: «Пусть помнят все, кто хочет быть здоров: Покой, Веселье, Пост — нет лучше докторов». Скажите им, что они должны слушать меня, а не этого попа с его иконами и кадилами…

Я шепотом объяснил великой княгине, что немец просто перечисляет прочитанные им медицинские труды и университеты, в которых он учился. Но счел за лучшее поскорее удалиться.

Однако мокрая жаба тревоги уже успела вновь усесться на сердце. Права, права Людмила! Пора мне как-то ускользнуть из дворца, от всех завистливых глаз, от жадно раскрытых ушей. Но как? Куда?

Порой я готов бежать за советом к гадалке или прорицателю, к какому-нибудь черному магу, чтобы узнать, что ждет меня впереди. Вопреки церковным запретам, в Московии гадают и стар и млад. Гадают по зеркалу и блюду, по снегу и полотенцу, у ворот и у проруби, по курицам и петухам, по башмакам и снопам, по березовой лучине и яичному желтку.

О, если бы дано нам было проникнуть в тайну завтрашнего дня! От скольких бед могли бы мы уберечься! Но, с другой стороны, разглядев в черной проруби Грядущего беду неизбежную, а еще дальше — нашу неминучую смерть, мы заранее лишились бы того единственного, что делает нашу жизнь выносимой, заветного цветочка надежды.

На этой философской ноте прощаюсь с тобой, любимая сестра.

С. З.

В Вильнюс из Тарусы, сентябрь 1487

Любезный брат Владислав!

Полагаю, Вы удивлены и обеспокоены моим затянувшимся молчанием. Увы, я боюсь, что наша переписка прервется теперь надолго. Это письмо доберется до Вас лишь в том случае, если смоленский купец, случайно встретившийся мне здесь, в Тарусе, сдержит свое слово и передаст пакет по назначению. Само собой разумеется, что в таких обстоятельствах я должен воспользоваться нашей тайнописью — эстонским языком. Неделю назад злая судьба нанесла мне свой очередной удар. Или это Господь послал очередное испытание? Ах, не нашему слабому уму пытаться отличить одно от другого.

Вот что случилось.

Когда я утром явился для занятий с Еленой Стефановной, мне сказали, что княгине нездоровится и она предпочла остаться в постели. В Посольском приказе меня никто не ждал, и я решил улизнуть домой, чтобы помочь моей жене в домашних хлопотах, поиграть с сыном, залатать прорехи в заборе и крыше.

Весь день прошел у нас в мирных занятиях. Я рубил капусту для квашения, чинил кадки для

моченых яблок и соленых грибов, стучал топором и молотком. Вечером, по своему обыкновению, уселся в саду отдохнуть и полюбоваться на закат. И вот, когда солнце совсем зашло и утянуло с собой все семь цветов радуги (так купец уносит из лавки на ночь самые дорогие товары), оставив ненадолго лишь серую муть, над моим забором возник силуэт человека в меховой шапке. На минуту сердце мне ожгло испугом: не призрак ли это Аристотеля Фиораванти явился — да, в том же самом месте, — чтобы покарать меня за нерасторопность, за то, что не помог ему убежать на родину. Но нет — тихий голос, окликнувший меня, был вполне человеческим и хорошо мне знакомым.

Я отворил калитку и впустил во двор Федора Курицына. Кафтан на нем был темный, простой, сапоги черные, так что по виду его можно было принять за небогатого приказчика — никак не за кремлевского дьяка.

— Что? Что-нибудь случилось? С братом Иваном? С княжной Еленой? — начал было я.

Он приложил палец к губам, подвел меня к скамейке. Мы уселись, склонили головы друг к другу.

— Нет, не с братом, — зашептал он. — И не с

княжной. С молодой княгиней, Еленой Стефановной. Знаешь, отчего она осталась в постели утром? Ночью выкинула плод. Девочку. Целый день убивалась.

— Господь Всемогущий, помилуй рабу Твою Елену Стефановну, пошли ей скорое исцеление…

— А в полдень к нам в Посольский приказ явились гости. Два пристава. По твою душу.

— По мою?! Как же это? Почто я им сдался?

— Кто-то нашептал князю Ивану Молодому, что тут не обошлось без злого колдовства. И указал на тебя. И он поверил. Велел провести сыск и дознание.

Сердце у меня сжалось предсмертной тоской. «Вот и кончилась жизнь, подумал я. — Значит, это я в последний раз видел закат. Недаром была такая на душе кручина». Мрак ночи затекал мне в глаза, сливался с мраком в груди.

— Хорошо, что я был на месте, — продолжал шептать Курицын. — И хорошо, что ты улизнул домой, никто тебя в приказе не видел.

— Чего хорошего? Разве от них укроешься? Не нашли сегодня, найдут завтра.

— А вот и не найдут. Уедешь потихоньку ночью — и через неделю забудут про тебя. Отыщут себе другого колдуна для расправы.

— Как? Куда я уеду? Поймают на первой же заставе.

— Слушай меня… Слушай, Степан, внимательно. Помнишь, два дня назад мы отправляли Кара Бешмета с посланием от великого князя в Крым, к Менгли-Гирею?

— Ну?

— Когда приставы явились, я им сказал, что Кара Бешмет взял тебя с собой толмачом. Что он турецкого не знает, а при дворе Менгли-Гирея сейчас полно турок. И что если подьячий Бородин так уж нужен, придется кому-то ехать за ним в Крым. Мол, ты уехал еще до их прихода. Поэтому не подведи меня — отправляйся сразу вдогонку за посольством. Моя лодка тебя довезет до Бронниц. Это верст сорок вниз по Москве-реке. Слыхал про тамошних кузнецов? Делают лучшую броню, крепости необычайной. Кара Бешмету велено там задержаться на несколько дней, отобрать и купить шлемы и кольчуги для хана и его телохранителей. Ты как раз поспеешь. Вот тебе подорожная грамота, помеченная вчерашним числом. Вот деньги. Лишнего не бери с собой, Кара Бешмет тебе все даст. Вот письмо для него. Только больше никому не говори про наш сговор, понял?

— Но как же я?.. А жена, сын?.. Что я жене скажу?

— Так и скажешь: срочное и тайное поручение от великого князя. Когда вернешься — не знаешь. Может, через полгода, может, через год. Деньги я ей буду выплачивать за тебя все время, об этом не тревожься. Все понял? Иди, собирайся. Жду тебя в лодке.

— Федор Кузьмич… Благодетель… Избавитель мой… Как же я?.. Чем, когда смогу?.. Век буду служить вам верой и правдой…

— Ах, Степан, Степан… Думаешь, я только для тебя стараюсь? Это я и свою шкуру пытаюсь спасти.

— Как это?

— Ты полагаешь, что это за тобой неведомые злыдни затеяли охоту?

— А за кем же?

— Уверен, что за твоим начальником. То бишь за мной. Знают, что прямую клевету про меня великий князь и слушать не станет. Я у него весь на виду. А вот зацепить моего приказного, да притащить в пыточную, да задать ему вопрос: «Научал ли тебя твой начальник, Федор Курицын, злым колдовством погубить плод в чреве княгини Елены Стефановны?.. Нет?.. А ну-ка, вгоните

ему раскаленный гвоздь под ноготь, освежите память...» На втором, на третьем гвозде все подтвердишь, что от тебя потребуют.

— С нами крестная сила!.. Святые угодники... Господи, пронеси чашу сию...

— Ступай, только быстро. Жду тебя на берегу через полчаса. И полушубок возьми. Ночи уже холодные.

Досточтимый брат, я не стану описывать Вам испуг и слезы моей жены Людмилы. Обладая ярким воображением, Вы легко можете представить себе, что должна была испытать женщина, которую будят среди ночи и говорят, что муж должен покинуть ее. Особенно женщина, которой уже довелось потерять первого мужа и сына.

Я солгал ей, сказав, что уезжаю на два-три месяца. Она прижималась щекой к моей груди, обнимала и, глотая слезы, повторяла только одно: «Буду ждать живого... Буду ждать живого...» Я поцеловал ее, поцеловал спящего сына и покинул дом родной — на сколько дней, месяцев, лет? То ведомо одному лишь Господу и ангелам Его.

Дальше все прошло гладко, как было задумано Федором Курицыным. Мы достигли Бронниц уже к вечеру следующего дня. Лодочники были немногословны, видимо, им было приказано

не спрашивать, кого они везут и с какой целью. Московское посольство кончало отбор и закупку доспехов для крымского хана. Кара Бешмет обнял меня и с двух слов понял, что произошло, устроил постель для меня в своей горнице на постоялом дворе. Наутро мы поплыли дальше, на трех больших ладьях. Достигли Коломны, где Москва впадает в Оку, и поднялись по Оке до Тарусы.

Реки остаются до сих пор главными путями сообщения в Московии. Только короткий участок пути нам предстоит проделать посуху: от Тарусы до Епифани. Там мы снова погрузимся на ладьи и поплывем вниз по Дону до самого Азова и дальше морем до Кафы, где нас будут встречать воины Менгли-Гирея, чтобы проводить к своему повелителю.

Любезный брат, вспоминаю, что в одном письме Вы написали, что завидуете многообразию моей жизни и обилию путешествий, выпавших на мою долю. Увы, не вольной птицей, выбирающей свой путь, довелось мне носиться по нашей грешной земле, а как осеннему листу, влекомому непредсказуемым ветром. Не исключено, что при других обстоятельствах я с радостью предвкушал бы возможность оказаться на берегах Черного моря, овеянных такими легендами, населенных

призраками древних героев и путешественников. Но когда судьба вдруг налетает на тебя, как холодный сентябрьский шквал, отрывает от дома и семьи, под страхом неминуемой гибели гонит в неведомые дали — о, поверьте: тут нечему завидовать.

Если обстоятельства позволят, я постараюсь в Крыму продолжить свои отчеты и сохранить до возвращения в Москву, откуда смогу переправить их Вам. Нравы и обычаи татарского племени еще не были достаточно изучены изнутри и описаны беспристрастным наблюдателем. Допускаю, что здесь может открыться широкое поле для усилий любознательного ума, радостное прикосновение к неизвестным дотоле причудам венца Творения. Но на сегодняшний день я не нахожу в душе ничего, кроме грусти, тоски, страха и глубочайшей обиды на судьбу и людей.

Если мне причитаются какие-то деньги за прошлые труды, очень прошу Вас изыскать возможность переправить их моей жене Людмиле. Лучше посылать их отцу Денису в Архангельский собор, а не на Посольский приказ, где мое имя хотелось бы задернуть пеленой забвения.

Прощаясь с Вами, досточтимый брат, хочу перефразировать римских гладиаторов на арене

цирка: «Идущий навстречу Неведомому приветствует тебя!»

С благословением и молитвами,

С. Б.-Ч.

Эстонский дневник

Господи, Боже мой — Святый, Всесильный, Всевидящий!

Верую в воскресение из мертвых. Верю, что воскресишь нас в день Последнего суда и воздашь каждому по грехам его, по страданиям, по вере его.

Плывут перед моим взором картины Суда, вижу праведников, поднимающихся на небеса, вижу грешников, идущих в ад. Вижу грозного Судию и ангелов и огненный хвост кометы на черном небе.

Чего не вижу — какими Ты воскресишь нас? Молодыми, полными сил, или одряхлевшими стариками на пороге смерти? Суду должна подлежать вся жизнь человека — это я понимаю. Наверное, будет много таких, кто в старости искупил добродетельной жизнью грехи юности. Но если не смог, не сумел, не успел? Неужели Ты

воссоздашь эти одряхлевшие кости, засунешь в мешок из морщинистой кожи, наполнишь старческими хворобами только для того, чтобы отправить это жалкое существо в ад? За злодейства, совершенные когда-то крепким румяным молодчиком?

И еще одно смущает мне душу. Дано ли нам будет свидетельствовать друг против друга? Все наши дела Тебе известны и так — это я понимаю. Но ведь мы умеем мучить друг друга не только злыми делами. Мы умеем пугать, унижать, оскорблять, издеваться, лишать надежды — одними только словами, а порой даже и молчанием. Дано ли мне будет рассказать, как корчилась моя душа под бичом страха, кипятком унижений, морозом одиночества, топором разлуки? О, дай, дай мне прокричать обо всем этом моим гонителям! И дай услышать Твой приговор им!

Услышав его, я буду готов принять свой приговор с той же верой и любовью к Тебе, с которой прожил всю свою жизнь.

Аминь!

Последнее письмо

Сыну моему, Павлу Степановичу Бородину, из Вильнюса, в лето 1496 года

Дорогой и любезный сын!

Когда полтора года назад княжна Елена Иоанновна, сосватанная за великого князя Литовского Александра, уезжала в Вильнюс и упросила своего батюшку включить меня в свою свиту, она уверила его — да и меня тоже, — что это лишь на два-три месяца, чтобы помочь ей освоиться на новом месте, среди чужих людей. Но потом каждый раз, когда я — во время наших занятий литовским языком — заговаривал с нею о моем возвращении из Вильнюса в Москву, она умоляла меня отсрочить отъезд, говорила о том, как мало вокруг нее людей, которым она может доверять, как трудно ей оставаться и послушной дочерью, и послушной женой, когда между Литвой и Россией все нет и нет настоящего замирения. Я поддавался ее просьбам — и наша разлука с тобой опять растянулась на тягостно долгий срок.

Но теперь настало время для меня оставить свиту великой княгини Литовской.

Это письмо будет вручено тебе не раньше, чем через пять лет, когда тебе исполнится восемнадцать. Его сохранит для тебя мой литовский друг, настоятель монастыря, Владислав Ольгирдис. Но написать его я должен сейчас, ибо не знаю, будет ли у меня впереди другая возможность. В ближайшие два дня я должен принять важное решение, которое определит мою судьбу.

Неделю назад сюда, в Вильнюс, прибыло посольство из Москвы. Великий князь Иван Васильевич прислал большие послания своему зятю, литовскому великому князю Александру, своей дочери, княгине Елене Иоанновне, а также всевозможные распоряжения московским слугам и придворным, которые были приставлены к невесте-княжне при отъезде из Москвы. Среди этих распоряжений был и прямой приказ мне: «Дьяку Посольского приказа Бородину-Червонному службу у княгини оставить и вместе с посольством воротиться в Москву».

Сильная душевная смута одолевает меня и говорит, что ничего доброго не сулит мне этот приказ. Есть опасения, что, служа здесь, чем-то я сумел не угодить сильным мира кремлевского. Отец Владислав уговаривает меня ослушаться приказа, не возвращаться, а поступить к нему в

монастырь на службу — хранителем большого собрания русских летописей, покрывающих чуть ли не два века русской истории. Конечно, мне страшно, что за мое ослушание покарают тебя. Но он справедливо указывает на то, что о тебе могут и не вспомнить; если же я, вернувшись в Москву, подвергнусь опале или даже суду, это уж точно ляжет на тебе черным пятном до конца жизни. А так, в будущем, мы найдем возможность вызволить тебя сюда, чтобы ты мог наконец расти рядом с отцом, а не под крылом у деда и бабки.

С другой стороны, княгиня Елена Иоанновна не только не пытается на этот раз удержать меня, но возлагает большие надежды на мой приезд в Москву. Она верит, что мне удастся открыть глаза ее отцу. Великий князь Иван Васильевич почему-то не верит ее письмам, в которых она описывает, как добр и внимателен к ней венценосный супруг Александр, как тщательно оберегает ее православную веру, дает возможность соблюдать все обряды. Видимо, кто-то из членов ее свиты рисует другую картину в посланиях великому князю, потому что тот засыпает своего зятя попреками за притеснения, якобы чинимые им супруге, за попытки обратить ее в католичество и тому подобное. Елена Иоанновна надеется, что живой

свидетель сможет убедить великого князя в том, что это не так.

Ехать или оставаться — вот судьбоносное решение, которое я должен принять за эти два дня.

Скоро мне исполнится пятьдесят лет. Я пожил довольно и не очень боюсь смерти. Чего я боюсь — попасть в руки палача и под пытками подтвердить обвинения против невинных людей, в первую очередь — против братьев Курицыных, у которых так много врагов. И еще одной вещи страшусь, может быть, даже сильнее: не разгадать Господень замысел обо мне. Твердо верю, что есть у Господа свой замысел о каждом из нас, но Он не открывает его нам, чтобы замысел не превратился в приказ, не лишил нашу душу свободы, самовластья. И чтобы понять, разгадать, раскрыть, я попытаюсь в этом письме вспомнить последние десять лет своей жизни. Если даже не раскрою, по крайней мере, у тебя в руках будет письмо, из которого ты узнаешь, чем и как жил твой отец — столь часто исчезавший из дома, вечно пропадавший в каких-то далях и нетях, когда он, наверное, так нужен был тебе — растущему, созревающему, делающему первые шаги на жизненном пути.

Те три года, которые мне пришлось прожить

вдали от семьи в Крыму, при дворе хана Менгли-Гирея, потребовали бы отдельной книги. Если судьба будет милостива ко мне, я постараюсь ее написать. (Отец Владислав настаивает, почти умоляет меня сделать это.) Пока же хочу поделиться с тобой лишь главным своим наблюдением, созревшим в те годы: нельзя принимать всерьез слова сильных мира сего, когда они объявляют себя защитниками веры и святынь. Вся история дружбы великого князя с крымским ханом подтверждает это. Именно под давлением и после многочисленных просьб Москвы мусульманин Менгли-Гирей напал в 1484 году на христианскую Литву, захватил и сжег Киев, наполовину населенный православными. Из награбленной добычи хан послал в Москву золотую чашу и блюдо с алтаря Софийского собора. И великий князь принял эти святотатственные дары и благодарил Менгли-Гирея. Видимо, сберегать право, правду, правоту — удел и занятие одних только праведников. А сильным мира сего важна только сила. Запомни это, сын мой.

Со мной хан обращался милостиво, много раз беседовал, жадно расспрашивая о европейских народах и нравах, о Новгороде и Пскове, о речных и морских путях. Его любознательность прости-

рается не только в пространстве, но и во времени. По его поручению я принял участие в раскопках скифских могильных курганов, которых довольно много в Крыму. Из этих захоронений часто удается извлечь золотые изделия очень тонкой работы, которые обогащают ханскую казну. Но меня Менгли-Гирей просил составить подробную опись всех предметов и оружия, которые будут обнаружены в могилах.

Его очень занимает история могучей империи кочевников-скифов, которых не могли победить ни шумеры, ни персы, ни греки, ни римляне. Он с большим интересом слушал мои рассказы о других кочевых народах, достигших славы и могущества: гуннах, арабах, монголах, турках-сельджуках. Ведь и его народ сейчас на распутье. Менгли Гирей понимает, что, если крымские татары последуют примеру казанских и начнут строить себе города, очень скоро могучие соседи — Литва, Москва, Турция — попытаются завоевать их. Но соблазн покончить с трудной кочевой жизнью все глубже проникает в сердце его подданных, и неясно, как долго они сумеют противостоять ему.

Конечно, все эти три года я очень тосковал вдали от семьи. Но Федор Курицын в каждом

письме ясно давал мне понять, что возвращение в Москву было бы слишком опасным шагом. Лишь летом 1490 года я получил от него сообщение о том, что опасность миновала и что Посольский приказ отзывает меня домой. Однако добраться до Москвы мне удалось только осенью.

Тебе исполнилось уже семь лет, когда я вернулся, и ты, наверное, помнишь, как я был счастлив снова обнять тебя и твою мать, снова вкусить хлеб насущный у домашнего очага, войти вместе с вами под своды православного храма. Увы, счастье возвращенья оказалось возможным для меня лишь потому, что весна того года была омрачена в Москве событиями трагическими и кровавыми.

Надеюсь, к тому моменту, когда ты получишь это письмо, не только летописи, но и память москвичей будут еще хранить воспоминания о безвременной кончине наследника трона, героя Угры, принца Ивана Молодого. В свое время он поверил клевете на меня, поэтому я не мог вернуться в Москву, пока он был жив. Однако у меня нет уверенности, что москвичам будет разрешено помнить о всех обстоятельствах его кончины. Постараюсь вкратце изложить для тебя то, что мне довелось услышать по прибытии в Москву.

Зимой того года из Италии вернулись московские послы, ездившие нанимать заморских мастеров. Кого только они не привезли! Итальянских архитекторов и художников по росписи стен, пушечных литейщиков, чеканщиков по серебру и ювелира из Любека, органиста-музыканта и еврейского врача из Венеции. Вот этот-то врач, именем Леон, увидев, как мучается Иван Молодой своей хромотой, заявил великому князю, что он знает, как лечить эту болезнь, что берется вылечить наследника и готов отвечать за свое лечение головой.

Знакомый итальянский камнерез, давно живший в Москве, рассказывал мне потом, как несчастный доктор прибегал к ним в итальянский квартал и в ужасе и отчаянии восклицал:

— Что мне делать?! Что? Молодой князь не слушается меня, не выполняет никаких предписаний! Я знаю, отчего опухают его ноги, я лечил десятки людей. Вот! — вот список того, чего нельзя есть при этой болезни. Никакой баранины, говядины, жирного сыра, острых приправ, а особенно — печени, мозгов, мясных супов и наваров. И про пиво и мед нужно забыть — хотя бы на время лечения. Но он швырнул мне список в лицо! «Будет какой-то жид мне приказывать, что мне

есть и пить! Ты лечи, подлец, да знай свое место!» Как же так?! Я думал, больной будет слушаться, потому что он хочет жить. А оказалось — ему все равно. Но я-то, я-то — я хочу жить! Что мне делать?

Несчастный врач пытался ставить больному банки, давал микстуру из шафрана. Но принцу становилось все хуже. Видимо, болезнь зашла уже слишком далеко. Ходили слухи, что наследник давно уже жаловался на боли в почках, на то, что моча часто выходит с песком, кровью и гноем. Вскоре моча перестала выходить совсем, и принц умер в страшных мучениях. И по прошествии сорока дней доктору Леону, магистру медицинских наук из Венеции, московский палач отрубил голову на площади с подходящим названием: Болванка.

Смерть Ивана Молодого стремительно меняла всю картину скрытого дворцового противоборства. Партия, поддерживавшая княгиню Софью и ее сына, Василия Ивановича, тихо ликовала и готовилась расправиться со своими соперниками. Молодая вдова Елена Стефановна и ее сын Димитрий враз потеряли свое высокое положение, судьба их сторонников и приближенных повисла на волоске. И первой жертвой пал духовник

Елены Стефановны, отец Денис.

Архиепископ Новгородский Геннадий давно уже раздувал истерическую охоту за еретиками. Он рассылал грамоты епископам во все русские города и в монастыри. Его злобная фантазия работала без удержу. Он уверял, что еретики на своих тайных собраниях злословят Христа и Богоматерь, плюют на кресты, называют иконы болванами, грызут их зубами, кидают в нужники, не верят в Троицу, пляшут бесовские танцы, развратничают. Откуда он все это знает? Верные люди тайно доносят ему, но боятся выступить открыто, потому что могущественные еретики страшно отомстят. А внешне, на людях, это сатанинское отродье соблюдает все православные обряды и делает вид, что исповедует христианскую веру точно так, как велит православная церковь.

Великий князь никогда не верил этим бредовым обвинениям. Но он хотел, чтобы в русской церкви царило согласие, поэтому осенью 1490 года созвал в Москве собор, которому следовало разобрать вопрос о ересях. И собор постановил еретиков осудить и отправить тех, на кого указал архиепископ Геннадий, к нему в Новгород для примерной расправы.

Ты спросишь меня, сын мой, как могли умудренные пастыри стада Христова поверить этим кровожадным наветам?

А как они могли не поверить?

Любого смельчака, который посмел бы усомниться, возразить вслух, рьяные «обличители» тут же объявили бы защитником еретиков и тайным приверженцем ереси.

А еще ты спросишь, откуда вскипает в темной душе такая ненависть и ярость? На это отвечу только одно: похоть господствовать. Кого новгородский инквизитор выбирал своими жертвами? Только тех, кто смел всей душой любить Господа, не спросясь у него. Дух, обделенный любовью, ненавидит тех, кто наделен ею сверх меры, как Каин ненавидел Авеля.

Мирские князья ревнуют к владениям друг друга и вечно пытаются оторвать кусок для себя. А что делают князья духовные? Ведь их владения — это знание тайн Творения и души человеческой, священных догматов и их толкований, проповедей святых подвижников и книжной премудрости. Отнять это невозможно, и завистнику остается только пытаться погубить того, чья духовная держава кажется ему обширнее и богаче. Объявить еретиком — что может быть

проще и вернее?

Среди других осужденных был отправлен в Новгород и отец Денис. А там у горячего поклонника гишпанских инквизиторов все уже было приготовлено по советам его католического помощника, доминиканца Вениамина. На несчастных надели шутовские одежды, на головы нахлобучили остроконечные колпаки из бересты. Их посадили верхом на лошадей, лицом к хвосту. На шею повесили доску с надписью: «Се сатанинское воинство». Процессия двигалась по улицам, и люди швыряли в них грязь и камни, плевали в лицо. В завершение берестяные колпаки были сожжены у них на головах.

Когда мне рассказывали об этом, я все пытался представить себе, как это было. Ведь береста горит не быстро. Осужденный начнет трясти головой и попытается сбросить колпак. Значит, что же? Их должны были привязать к столбам? И как-то закрепить голову? Веревкой через рот? И тогда береста догорала до конца? Так что горели волосы и лопалась кожа на черепе? А новгородский Дракула в архиепископском облачении сидел и любовался?

В следующем году довелось Москве увидеть другие жестокие и злые дела.

Давно уже зрело нелюбье и недоверие между великим князем и его братьями. Тем летом он приказал им послать свои дружины в помощь войску, наступавшему в степи на наследников хана Ахмата. Борис Васильевич послушался и отправил свой полк, а Андрей Васильевич Углицкий подчиниться отказался. Возможно, он опасался, что, оставшись без дружины, окажется совсем беззащитным перед своим старшим братом.

Великий князь сделал вид, что ничуть не прогневался, клятвенно заверил брата Андрея, что не умышляет никакого зла против него, и пригласил в Москву. Целый день братья пировали и веселились. В какой-то момент великий князь встал и покинул залу. Вскоре в нее вошел князь Семен Ряполовский и со слезами на глазах объявил Андрею Васильевичу, что, по приказу старшего брата, должен взять его под стражу. Арестованного заковали в цепи и посадили в кремлевскую темницу. В Углич был послан большой отряд с приказом арестовать сыновей Андрея. Углицкий удел был присоединен к Москве.

Событие это посеяло такую смуту в душах, что группа бояр вместе с митрополитом Зосимой решилась бить челом великому князю и просить

его смилостивиться над братом и отпустить его. В ответ Иван Васильевич сказал челобитчикам такую речь:

— Не думайте, что было легко мне сотворить такое насилие над братом моим. Много раз я прощал ему его злые и изменные дела. Простил десять лет назад, когда он поднялся со всей дружиной и двинулся в Литву, вместо того чтобы помочь нам отбивать татар на Угре. Простил сношения с королем Казимиром, простил, что слуг моих ратных переманивал к себе. Простил бы и нынешнее непокорство. Но то возьмите себе в разум: умри я завтра — кто получит великое княжение? Нет теперь на свете Ивана Молодого. Думаете, не захочет брат Андрей воссесть на престоле в Кремле? И не попытается погубить внука моего Димитрия и сына Василия? И не начнется тогда в Русской земле смута великая и кровопролитие, как при моем отце? Все, что я строил всю свою жизнь, будет порушено в одночасье. А видя такое неустроение, не нагрянут на нас и татары, и литовцы, и немцы? Хотите вы этого?

И челобитчики, выслушав его, в смущении и молчании удалились.

А потом настал грозный 1492 год.

Многие верили в неизбежный конец света, спе-

шили покаяться в грехах, примириться с врагами. Во всем мерещились людям страшные предзнаменования. В Пскове выпал град размером с яйцо. Во Владимире большой пожар спалил полгорода и церковь Пречистого Рождества. Над Рязанью видели, как солнце выпустило четыре луча и на них — светящийся круг. Гром гремел вдруг зимой над Вяткой. Хвостатая комета пронеслась по небу. А над Новгородом посреди ночи возникло сияние и полыхало так сильно, что из Юрьева монастыря глядели и думали, что горит весь город.

Но мир, как мы знаем, был пощажен милостью Господней.

Зато для меня свет померк, и горе безутешное вошло в сердце мое.

С зимы уже стали мы замечать, что твоя мать заметно ослабела, часто должна была отдыхать от домашних хлопот, прикладывалась на лавку даже в середине дня. Кашель одолевал ее и озноб, испарина покрывала лоб и щеки. А однажды она закашлялась в платок и потом долго смотрела на красное пятно, окрасившее полотно.

Мать Людмилы пробовала все целебные настои, какие знала, — ничего не помогало. Болезнь съедала супругу мою изнутри, как будто в груди ее поселился зубастый и ненасытный змей.

Тебе тогда уже было девять, ты, полагаю, видел и помнишь, как тихо и просветленно она расставалась с жизнью, как любовно смотрела на цветы и деревья в саду, как тихо радовалась, если ты оставлял свои игры и прибегал посидеть рядом с нею. Но вряд ли ты мог разглядеть то, что творилось в моей душе. Теперь я понимаю, что все десять лет я прожил с твоей матерью, даже мысли не допуская, что мы можем умереть порознь. Господь дал нам поистине стать как одна плоть — значит, конец одного неизбежно будет означать конец другого. Так мне казалось. Но вышло не так.

Если ты спросишь меня, на что была похожа моя любовь к твоей матери, я скажу тебе так: представь себе, что ты бредешь в глухом лесу. Все люди вокруг тебя — как деревья. Есть среди них мягкие, чистые, плодоносные, но большинство — твердые, холодные, с острыми суками, с нависшими ветвями, которые вот-вот упадут и раздавят тебя. Кроны их сплетены над твоей головой в непроницаемый свод. Но вдруг ты замечаешь впереди просвет. И бежишь туда. И выбегаешь на дорогу, покрытую мягкой травой. Которая ведет в далекий негасимый свет. Вот чем была для меня жена Людмила: светлой дорогой

посреди темного леса. А после ее смерти я снова оказался в непролазной чаще.

В том же году Иван Курицын ездил с московским посольством ко двору немецкого императора Максимилиана. Вернувшись, он привез из Европы подарки, книги и новости. Среди этих новостей было сообщение, что король гишпанский Фердинанд выбил мусульман из Гренады и приказал изгнать из своей страны всех нехристиан. Так что, по крайней мере, пророчество о конце света сбылось для испанских евреев. Но не так ли же кончился прежний мир и свет для новгородцев, когда их выселяли из родных мест в 1478 году?

А в Польше умер король Казимир. И это тоже было для кого-то концом прежнего — известного и понятного — мира. В Литве великим князем сделался один сын Казимира, а в Польше королевский трон занял другой. Конечно, Москва сразу попыталась воспользоваться таким ослаблением соседа и снова стала отгрызать по кусочкам восточный край Литвы. Православные князья, имевшие там свои владения, один за другим переходили на службу к великому князю московскому, присоединяя свои вотчины к его государству. Но кто, когда умел проводить точные

границы между царствами и княжествами? Из-за пограничных споров вспыхивали новые и новые кровавые стычки, и оба великих князя литовский и московский — засыпали друг друга жалобами, обвиняли в притеснениях и неправдах.

Только в 1494 году забрезжила надежда на мир между двумя странами. Молодой литовский князь Александр посватался к дочери великого князя Московского, Елене Иоанновне. Думал ли я тогда, что это сватовство так перевернет и мою жизнь?

После возвращения из Крыма я только изредка и мельком видел во дворце обеих Елен. Наши занятия иностранными языками не возобновились, и я был рад этому. Даже когда начались переговоры о сватовстве и Федор Курицын ездил с московским посольством в Литву, мне удавалось держаться в тени. Я готовил нужные документы, переводил письма, составлял описи приданого. И каково же было мое удивление, когда мне было сообщено, что, по настоянию княжны-невесты, я включен в свиту, которой предстоит сопровождать ее в Вильнюс к венценосному жениху.

Отказаться, прикинуться больным? На это я не решился. Судьба снова отрывала меня от тебя, любезный сын. Но, по крайней мере, на этот раз

мне не грозила немилость сильных мира сего.

Свадебный поезд медленно двигался по зимним дорогам, и в каждом городе нас встречали толпы разодетой литовской знати. Стоя за спиной Елены Иоанновны, я переводил для нее любезности и поздравления литовских дам. Великий князь Александр встретил нас за три версты до Вильнюса. От копыт его коня до полозьев топканы раскатили красное сукно, а у самой дверцы возка постелили камку с золотом. Невеста и сопровождавшие ее боярыни вышли на камку, а Александр спешился, подошел к ним и подал руку своей суженой. Мне довелось поймать первый взгляд, которым обменялись обрученные. Сквозь маску вежливой невозмутимости в нем явно мелькнула искра радостного и благодарного удивления. Ведь эти двое должны были связать свои судьбы, не имея возможности хоть раз увидеть друг друга! Наверное, для каждого из них было огромным облегчением увидеть перед собой молодое приветливое лицо, не успевшее окаменеть под морозом придворного лицемерия.

Венчание состоялось в тот же день, в католической церкви. Вопреки возражениям епископа и жениха, русские посланцы добились, чтобы присланный из Москвы священник Фома читал

православные молитвы, а княгиня Марья Ряполовская держала венец над невестой. Свадебный пир во дворце блистал шелками, золотом, драгоценностями. Мать князя Александра приняла невесту ласково, и все вельможи и их жены подходили представиться ей. Но, выполняя наказ своего отца, Елена Иоанновна не допустила к себе русских князей, перебежавших недавно в литовскую службу.

Так началась моя жизнь в Вильнюсе. Дружеское и доверительное отношение ко мне великой княгини очень скрашивало мое существование. Десять лет назад я учил ее, тогда еще совсем юную, иностранным языкам, и она не забыла наши уроки. Московские бояре, включенные в ее свиту, вели себя как надсмотрщики, доносили о каждом ее шаге великому князю Ивану Васильевичу. На людях она старалась не оказывать мне знаков внимания, чтобы не возбудить зависть придворных. Но во время уроков литовского языка мы порой оказывались в комнате с двумя-тремя фрейлинами, не говорившими по-русски, и тогда она делилась со мной своей главной душевной смутой.

— Что я могу написать батюшке в ответ на его последнее послание? — тихо говорила она. — Он

требует от моего супруга построить для меня православную церковь прямо на территории дворца. Но он не понимает, что князь Александр не является в своей стране таким самодержцем, как он. Литовский князь должен соблюдать все постановления Рады, в том числе и запрещение строить новые православные храмы в больших городах. Я писала отцу несколько раз, что хожу в православную церковь, которая в пяти минутах ходьбы от дворца, и что меня это вполне устраивает. Но отец стоит на своем и огорчает моего мужа всякими придирками и невозможными требованиями.

Присланного священника Фому она не переносила и сознавалась, что не может исповедоваться ему с открытым сердцем.

— Я уверена, что он все доносит батюшке, тайна исповеди для него не указ. А мне так нужно порой поделиться с кем-то своими тревогами. Вы уж простите, что обременяю вас, Степан Юрьевич, не отпускаю в Москву к сыну. Но порой я заснуть не могу, вспоминая последний год в Кремлевских палатах. Вы ведь тоже замечали, что там творилось. Каким взглядом батюшка смотрел на вдову своего сына, какие подарки ей делал. А жену свою, мою мать, открыто ругал при

людях за какие-то фамильные драгоценности. Конечно, такое уже бывало в Московии: надоест мужу старая жена, он ее упрячет в монастырь и женится на молодой. Но Елена Стефановна ни за что не согласится, мы-то с вами ее хорошо знаем. И церковь не допустит такого брака.

Откровенность Елены Иоанновны пугала меня. Из печального опыта я уже знал, как опасна излишняя осведомленность в придворной жизни. Но что оставалось делать? Молодая княгиня была так одинока, у нее не было ни одного верного друга на чужбине.

Душой я отдыхал только в те дни, когда мне удавалось вырваться в монастырь отца Владислава, провести с ним вечер в сердечной беседе. Порой мы так увлекались, что засиживались далеко за полночь, и я оставался ночевать в монастырской келье. Старинные манускрипты и новейшие печатные издания, раскопки древностей и последние открытия испанских и португальских мореплавателей, болезни тела и терзания души, движение небесных светил и распускание цветка — казалось, не было такой темы, которая не могла бы дать пищу нашему любомудрию. Отыщут ли алхимики философский камень? Выбьют ли русские шведов из Выборга? Заокеанские земли,

открытые гишпанцем Колумбом, окажутся ли восточным берегом Индии или чем-то другим? Удержится ли у власти во Флоренции монах Савонарола? Эти и другие горячие события заполняли наши беседы, прежде чем уплыть в прошлое и застыть скупыми строчками летописей.

Летом 1495 года пришла печальная весть из Мемеля. Внезапно скончался муж моей названой сестры Греты, мейстер Готлиб. К счастью, их старший сын был уже достаточно взрослым и смог унаследовать и возглавить торговое дело отца. Я выпросил у Елены Иоанновны недельный отпуск и поехал навестить сестру, скрасить ей дни траура.

Плавание по Неману заняло два дня. У меня с собой было несколько последних писем от Греты, и я перечитывал их по нескольку раз, любуясь песчаными берегами реки, зарослями цветущего люпина на склонах, бархатными копьями камышей.

Странное чувство охватило меня на улицах Мемеля. Впервые за тридцать лет я снова слышал вокруг себя немецкую речь, читал немецкие надписи на лавках, разглядывал платья немецких модниц, сдувал пену с кружки немецкого пива. И все казалось мне чужим. Был ли это голос моей

славянской крови? Или тридцать лет жизни в России смыли память о моей немецкой юности, превратили в настоящего русака?

Наша встреча с Гретой — о, на это стоило посмотреть!

Мы упали друг другу в объятия и не могли оторваться, не могли наглядеться. Траурное платье не старило ее, наоборот, возвращало какую-то грустную моложавость. Ее сын и дочь смотрели на наши нежности с завистливым изумлением. Им пришлось чуть ли не силой отлеплять нас друг от друга, чтобы отвести к накрытому столу.

Сознаюсь тебе: латинские слова благодарственной молитвы о хлебе насущном слетали с моих уст с такой же искренней верой, как и русские. В сердце было так много братской любви, что она легко размывала границу, разделившую земную церковь Христову, заставляла ее оборваться у дверей этого дома. Сознаюсь и в том, что любовь эта незаметно, но быстро окрашивалась новыми, не вполне братскими цветами. Я вглядывался в милые черты родного лица и слышал коварный шепот собственного сердца:

«А что? Вы оба овдовели, оба свободны. Кто сказал, что влюбленность обязательно должна приходить первой и отворять ворота сердечной

и душевной привязанности? Как часто бывает, что, наоборот, влюбленность вспыхивает там, где мужчине и женщине дано было сначала слиться сердечно, без всяких греховных помыслов? Может быть, таков уж мой удел и где-то в книгах судеб записано про меня: дано ему будет познать только сорокалетних вдов?»

Конечно, во время того визита я не мог нарушить семейный траур и выразить Грете свои новые чувства. Но мне показалось, что и она испытала нечто похожее, и в ее сердце открылось новое окошко, для одного меня. Всю обратную дорогу я думал только о ней, мечтал, составлял планы новой жизни. Если я решу остаться в Литве…

Должен прервать это письмо — меня срочно вызывает к себе великая княгиня Елена Иоанновна. Закончу завтра.

Ну вот, вот и свершилось то, чего я втайне ждал все последние дни.

Господь послал мне свой знак!

Когда я вошел в покои княгини, она отослала всех слуг и подала мне запечатанный конверт.

— Вот письмо к моему батюшке, — сказала она. — Умоляю доставить и вручить ему в собственные руки. Я не верю, что мои прежние

письма достигали его. Никому не могу доверять. Кланяются низко, улыбаются до ушей, но думают только о своей выгоде и корысти. Если же письмо у вас выкрадут или оно пропадет каким-то иным путем, я хочу, чтобы вы передали мои слова батюшке: больше так жить я не могу. Выходя замуж за князя Александра, я мечтала о том, что этот брак принесет мир нашим народам. Что Литва и Россия смогут оставить свой долгий раздор и стать твердо, плечом к плечу, против мусульманского нашествия. А что оказалось? Меня, наоборот, делают яблоком раздора. Батюшка шлет моему супругу нелепые и несправедливые обвинения. Он делает вид, что вступается за меня, и литовские придворные думают, что это я шлю ему ложные жалобы, нагнетаю вражду. Как я могу оправдаться перед ними, перед супругом моим, перед вдовами и сиротами литовских воинов, гибнущих каждый день в пограничных стычках?

— Ваша светлость, Елена Иоанновна, голубушка! — взмолился я. — Да как же я посмею вслух повторить такое великому князю?! Разве не знаете вы, что делают во дворцах с посланцами, которые приносят нежеланные известия?

— Нет, я не верю, не могу поверить, что мой

отец знает правду и обрекает свою дочь на такую повседневную муку!

— А можете вы поверить, что кто-то осмелился бы обмануть великого князя, не доставить ему ваше письмо?

Она растерянно умолкла, глядя на портрет княгини Ядвиги — прабабки ее супруга, принесшей христианство в Литву. Потом потянулась к Библии, открыла ее на заложенной странице.

— Вот что я прочла вчера в Притчах Соломоновых: «Мерзость перед Господом — уста *лживые*, а говорящие истину угодны Ему». И рядом: «Коварство — в сердце злоумышленников, радость — у миротворцев». Я хотела, хочу помогать миротворцам, — но где же моя радость?

— Искупитель обещал нам воздаяние в будущей жизни. «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божьими».

Она все смотрела куда-то поверх высокого лба и сияющих глаз княгини Ядвиги. И вдруг произнесла слова, отозвавшиеся во мне дрожью мгновенного узнавания, — будто она угадала, повторила, вычитала их в моей душе:

— Для каждого из нас у Господа есть свой замысел. Как страшно не разгадать его, не откликнуться.

Эти слова вдруг загорелись передо мной, как та светящаяся надпись в Вавилонском дворце. Я вдруг понял, что Господу нет нужды всегда являться перед нами неопалимой купиной, громом из тучи, кометой между звезд. Если захочет, Он заговорит с нами устами своих созданий — посылаемых нам людей. И мы узнаем, угадаем Его голос, Его зов по безотказной примете: вот по этому мгновенному счастливому сжатию сердца.

— Конечно, я исполню ваше повеление, — сказал я, вставая и склоняясь в поклоне. — Письмо ваше будет доставлено в Москву. Обещаю употребить все усилия, чтобы оно попало прямо в руки великого князя Ивана Васильевича. И да сбудется по слову Спасителя, и да утешатся миротворцы в жизни вечной.

Так решилась моя судьба, любезный сын.

Завтра я отправляюсь вместе с посольством обратно в Москву. Не знаю, дано ли мне будет свидеться с тобой и обнять тебя. Смиренно готов принять все, что уготовила мне судьба. Прав был Федор Курицын: силен зов Господень в Московии, трудно устоять. И если суждено мне, по Его замыслу, лечь костьми в большой российский котлован — быть по сему.

Надеюсь и верю, что ты вырастешь достойным

мужем и это письмо доплывет до тебя через океан времени. И может быть — как знать? — прочитав его в момент трудного выбора, ты испытаешь такое же счастливое сжатие сердца и узнаешь, что Господь говорил с тобой устами — строчками — словами — твоего смиренного, любящего тебя отца.

Аминь.

Говорят историки

1497

В конце октября — начале ноября 1497 года Иван Третий предпринял странную, на первый взгляд, акцию: публичное покаяние в тяжком грехе братоубийства. «Князь великий, став перед отцом своим митрополитом и архиепископом и епископами, начал бить челом перед ними с умилением и великими слезами, прося у них прощения о своем брате Андрее Васильевиче, за то что своим грехом и неосторожностью его уморил в скорби… Митрополит же и архиепископ, и епископы долго увещевали его и простили, наказав впредь, как ему свою душу исправить перед Богом».

Иван понимал, что по существу правы были те, кто называл гибель Андрея убийством и упрекал его в повторении «древнего Каинова зла». Впрочем, раскаяние Державного нельзя было назвать полным. Ведь в темнице продолжали томиться ни в чем неповинные сыновья Андрея Большого — Иван и Дмитрий. Первому в момент ареста было четырнадцать лет, второму — не более семи. Им обоим суждена была страшная участь: пожизненное тюремное заключение.

Николай Борисов

Дьяк Федор Стромилов известил Василия Иоанновича, что отец хочет пожаловать великим княжением внука Дмитрия, и вместе с другими детьми боярскими начал советовать молодому князю выехать из Москвы, захватить казну в Вологде и на Белоозере и погубить Димитрия; главные заговорщики набрали себе и других соумышленников, привели их тайно к крестному целованию. Но заговор был открыт в декабре 1497 года; Иоанн велел держать сына на его же дворе под стражею, а приверженцев его велел казнить… Многих других детей боярских пометали в тюрьмы. В то же время рассердился князь и на жену свою, великую княгиню Софью, за то, что к ней приходили ворожеи с зельем; этих лихих баб обыскали и утопили в Москве-реке ночью, после чего Иван стал остерегаться жены.

Сергей Соловьев

1498

Елена Стефановна торжествовала: Великий князь немедленно назвал ее сына своим преемником и возложил на него венец Мономахов… В назначенный день 4 февраля государь, провождаемый всем двором, боярами и чиновниками, ввел юного пятнадцатилетнего Димитрия в Успенский собор, где митрополит с пятью епископами, многими архимандритами, игуменами, пел молебен Богоматери и Чудотворцу Петру. Среди церкви возвышался амвон с тремя седалищами: для государя, Димитрия и митрополита. После молебна Иоанн и митрополит сели: Димитрий стоял пред ними на вышней ступени амвона.

Николай Карамзин

Великий князь начинает такую речь: «Отче митрополит, по Божественной воле, по древнему соблюдавшемуся доселе нашими предками, великими князьями, обычаю великие князья-отцы назначали своим сыновьям-первенцам великое княжение, и как по их примеру родитель

мой, великий князь, при жизни благословил меня великим княжением, так и я при всех благословил великим княжением первенца моего Иоанна. Но как по воле Божией случилось, что оный сын мой скончался, оставив по себе единородного Димитрия, которого Бог даровал мне вместо сына, то я равно при всех благословляю его, ныне и после меня, великим княжением владимирским, новгородским и прочая, на которые я благословил и отца его».

После этого митрополит велит внуку приблизиться к назначенному месту, благословляет его крестом и велит дьякону читать молитву, а сам меж тем, сидя возле него и также склонив голову, молится: «Господи Боже наш, Царь царей, Господь господствующих, через Самуила-пророка избравший Давида, раба твоего, и помазавший его во царя над народом твоим Израилем, услыши ныне моления наши, недостойных твоих, и воззри от святости твоей на верного раба твоего Димитрия, которого ты избрал возвысить царем над святыми твоими народами, которого ты

искупил драгоценнейшею кровью сына твоего единородного, и помажь его елеем радости, защити его силою вышнею, возложи на главу его венец из драгоценных камней, даруй ему долготу дней и в десницу его скипетр царский, поставь его на престол правды, окружи его всеоружием справедливости, укрепи его десницу и покори ему все варварские языки, и да пребывает сердце его всецело в страхе Твоем, дабы смиренно внимал он Тебе; отврати его от неправой веры и яви его истым хранителем заповедей Твоей святой вселенской церкви, да судит он народ в правде, и да дарует правду бедным, и да сохранит сыновей бедных, и да наследует затем царствие небесное».

Сигизмунд Герберштейн

1499

Иван Третий сперва назначил своим наследником внука Димитрия и венчал его на великое княжение, а потом развенчал, назначив преемником сына своего от второй жены — Василия. В этом семейном столкновении боярство стало за внука и противодействовало сыну из нелюбви к его матери и к принесенным ею византийским понятиям и внушениям, тогда как на стороне Василия оказались все малые, худые служилые люди. Столкновение доходило до сильного раздражения с обеих сторон, вызвало шумные ссоры при дворе, резкие выходки со стороны бояр, кажется, даже что-то похожее на крамолу… Через год после венчания Димитрия пострадали за противодействие Василию знатнейшие московские бояре: князю Семену Ряполовскому-Стародубскому отрубили голову, а его сторонников, князя И. Ю. Патрикеева с сыном Василием, знаменитым впоследствии старцем Вассианом Косым, насильно постригли в монастырь.

Василий Ключевский

Разгром клана Патрикеевых в январе 1499 года означал ликвидацию того правительства, которое должно было обеспечить воцарение Дмитрия. Дальнейшие шаги государя стали естественным продолжением этого мучительного решения. В четверг 21 марта 1499 года Иван Третий «пожаловал сына своего князя Василия Ивановича, нарек его государем Великим князем, дал ему Великий Новгород и Псков в великое княжение». В итоге на Руси появились сразу три великих князя: отец, сын и внук. Такого ко многому привыкшая страна еще не видала…

Николай Борисов

1500

Литовское войско под начальством гетмана князя Константина Острожского приближалось к Дорогобужу и 14 июля 1500 года, в годовщину Шелонской битвы, встретилось с московским на Митькове поле, на речке Ведроше. Благодаря тайной засаде, решившей дело, московские

воеводы одержали совершенную победу: гетман князь Острожский и другие литовские воеводы попались в плен. 17 июля получил великий князь весть о победе, и была радость большая в Москве, говорят летописцы.

Войска новгородские, псковские и великолуцкие под начальством племянников великокняжеских, Ивана и Федора Борисовичей, и боярина Андрея Челяднина взяли Торопец; новые подданные московские, князья северские Можайский и Шемячич — одержали победу над литовцами под Мстиславлем, положив тысяч семь неприятелей на месте. Этим окончились значительные действия московских войск в областях литовских.

Сергей Соловьев

1501

Княгиня Елена Иоанновна, супруга литовского князя, прислала от себя канцлера своего, Ивана Сапежича, который привез Ивану Третьему такое письмо от дочери:

«Господин и государь батюшка!

Вспомни, что я служебница и девка твоя, а отдал ты меня за такого же брата своего, каков ты сам; знаешь, что ты ему за мною дал и что я ему с собой принесла; но государь муж мой, нисколько на это не жалуясь, взял меня от тебя с доброю волею и держал меня во все это время в чести и в жаловании и в той любви, какую добрый муж обязан показывать подружию, половине своей. Свободно держу я веру христианскую греческого обычая: по церквам святым хожу, священников, дьяконов, певцов на своем дворе имею, литургию и всякую иную службу Божью совершают передо мною везде, и в Литовской земле, и в Короне Польской. Государь мой король, его мать, братья-короли, зятья и сестры, и паны радные, и вся земля — все надеялись, что со мною из Москвы в Литву пришло все доброе: вечный мир, любовь кровная, дружба, помощь на поганство; а теперь видят все, что со мною одно лихо к ним вышло: война, рать, взятие и сожжение городов и волостей, разлитие крови христианской,

жены вдовами, дети сиротами, полон, крик, плач, вопль!

Таково жалование и любовь твоя ко мне!

По всему свету поганство радуется, а христианские государи не могут надивиться и тяжко жалуются: от века, говорят, не слыхано, чтоб отец своим детям беды причинял. Если, государь батюшка, Бог тебе не положил на сердце меня, дочь свою жаловать, то зачем меня из земли своей выпустил и за такого брата своего выдавал? Тогда и люди бы из-за меня не гибли, и кровь христианская не лилась. Лучше бы мне под ногами твоими в твоей земле умереть, нежели такую славу о себе слышать, все одно только и говорят: для того он отдал дочь свою в Литву, чтоб тем удобнее землю и людей высмотреть. Писала бы к тебе и больше, да с великой кручины ума не приложу, только с горькими и великими слезами и плачем тебе, государю и отцу своему, низко челом бью: помяни, Бога ради, меня, служебницу свою и кровь свою, оставь гнев неправедный и нежитье с сыном и братом своим и первую любовь и дружбу свою к нему соблюди, чтоб кровь христианская больше не лилась».

Сергей Соловьев

1502

Уже с августа 1501 года Василий Иванович именуется в грамотах «великим князем всея Руси». Опала и арест Елены Волошанки и Дмитрия произошли в апреле 1502 года.

Мотивировка этой опалы нам не известна: на настойчивые запросы соседних государей (отца Елены, Стефана Молдавского, Александра Литовского, крымского хана Менгли-Гирея) о причинах смены наследника Иван Третий отвечал только: «Который сын отцу служит и норовит, отец того боле и жалует, а который не служит и не норовит, того за что жаловать?!»

Н. А. Казакова, Я. С. Лурье

Некоторые летописи глухо сообщают, что мать и сын были арестованы «за некое их прегрешение». Через три дня Державный «пожаловал своего сына Василия, благословил и посадил на великое

княженье Володимирское и Московское и всея Руси самодержцем, по благословению Симона, митрополита всея Руси».

Царственным узникам были определены самые жестокие (по существу убийственные) условия содержания. Устюжская летопись сообщает: «Внука своего князя Дмитрия Ивановича посадил в каменную темницу и цепи на него положил». Вероятно, столь же тяжким было и заточение Елены Волошанки.

Николай Борисов

1503

Посол от папы и венгерского короля, выступавший посредником между Литвой и Москвой, жаловался в Москве на то, что московский государь захватывает вотчины у Литвы, на которые он не имеет никакого права. Московское правительство возражало на эту жалобу: «Короли венгерский и литовский объявляют, что хотят стоять против нас за свою вотчину; но они что называют своей вотчиной? Не те ли города и волости, с которыми

русские князья пришли к нам служить или которые наши люди у Литвы побрали? Папе, надеемся, хорошо известно, что короли Владислав и Александр вотчичи Польского королевства да Литовской земли от своих предков, а Русская земля от наших предков — из старины наша вотчина. Папа положил бы себе то на разум, гораздо ли короли поступают, что не за свою вотчину воевать с нами хотят».

Это же заявление повторено было Москвой и по заключении перемирия с Александром в 1503 году, когда литовский великий князь стал жаловаться на московского за то, что тот не возвращает ему захваченных у Литвы земель, говоря, что ему, Александру, жаль своей вотчины. «А мне, — возражал Иван, разве не жаль своей вотчины, Русской земли, которая за Литвой, — Киева, Смоленска и других городов?»

Василий Ключевский

Недомогание не помешало Ивану Третьему в августе-сентябре 1503 года провести знаменитый церковный собор, на котором Великий князь, при поддержке некоторой части духовенства (так называемых «нестяжателей»), поставил вопрос о секуляризации церковных земель. Новгородский опыт наглядно показал Ивану, что, завладев монастырскими и владычными землями, он может разместить на них сотни и тысячи верных слуг дворян. Это способствовало бы укреплению армии и государства.

Николай Борисов

На соборе 1503 года обсуждался вопрос: «достоит ли монастырям владеть селами?». Иван Третий и его соправитель Василий пытались распространить новгородский опыт конфискации церковных земель на Москву. Однако притязания властей натолкнулись на сопротивление митрополита Симона, архиепископа новгородского Геннадия, троицкого игумена Серапиона и других иерархов. Архиепи-

скоп Геннадий, забыв об осторожности, с такой горячностью защищал неприкосновенность церковных имуществ, что Иван Третий оборвал его самым грубым образом: «Многим лаянием уста ему заградил, зная его страсть сребролюбную».

Собор 1503 года ограничился тем, что принял решение запретить иерархам взимать плату за поставление на престол.

Руслан Скрынников

1504

Сразу по возвращении в Новгород архиепископ Геннадий «начал брать мзду у священников за поставление на престол хуже прежнего». Власти использовали благоприятный случай для расправы с Геннадием. В 1504 году посланцы Москвы опечатали софийскую казну в Новгороде и 1 июня того же года увезли Геннадия в столицу. 26 июня владыка отрекся от архиепископского сана «поневоле» и был отправлен в Чудов монастырь.

Руслан Скрынников

В декабре 1504 года в Москве собрался собор, на этот раз специально посвященный еретикам. Заседаниями его впервые наряду с Иваном Третьим руководил новый «великий князь всея Руси» Василий Иванович. Оба великих князя «с отцом своим Симоном митрополитом обыскаша еретиков и повелеша лихих смертною казнью казнити». Федор Курицын на соборе не фигурировал; к смертной казни был приговорен его брат Иван Курицын, Митя Коноплев и Иван Максимов; Некрас Рукавов был казнен в Новгороде. Некоторое время спустя в том же Новгороде казнили юрьевского архимандрита Кассиана, его брата и других еретиков. Доживавший свои дни в Чудовом монастыре новгородский инквизитор Геннадий мог быть удовлетворен — его последователи пошли еще дальше, чем он в 1490 году, предав огню не только колпаки на головах осужденных, но и самих еретиков.

Н. А. Казакова, Я. С. Лурье

1505

Огненное крещение еретиков странным образом совпало с темной кончиной заточенной в темницу великой княгини Елены Стефановны. «В субботу преставися великая княгиня Елена Волошанка, и положили ее в церкви у Вознесения на Москве».

Николай Борисов

Говорят, по настоянию жены Великий князь заключил внука Дмитрия в тюрьму и держал его там. Только перед смертью он призвал к себе Димитрия и сказал ему: «Дорогой внук, я согрешил перед Богом и тобою, заключив тебя в темницу и лишив законного наследства. Поэтому молю тебя, отпусти мне обиду, причиненную тебе, будь свободен и пользуйся своими правами». Растроганный этой речью, Димитрий охотно простил деду его вину. Но когда он вышел от него, то был схвачен по приказу своего дяди, князя Василия Ивановича, и брошен в темницу.

Сигизмунд Герберштейн

Болезнь Иоаннова усилилась; подобно великому своему прадеду, Дмитрию Донскому, он хотел умереть государем, а не иноком; склоняясь от престола к могиле, еще давал повеления для блага России и тихо скончался 27 октября 1505 года. Тело его погребли в новой церкви Святого Архистратига Михаила.

Иоанн Третий принадлежит к числу

весьма немногих государей, избираемых Провидением решить надолго судьбу народа. Силою, устройством, мужеством рати и воевод побеждая от Сибири до Эмбаха и Десны, он лично не имел духа воинского. «Сват мой, — говорил о нем Стефан Молдавский, — есть странный человек: сидит дома, веселится, спит спокойно и торжествует над врагами. Я всегда на коне и в поле, а не умею защитить земли своей». То есть Иоанн родился не воином, но монархом; сидел на троне лучше, нежели на ратном коне, и владел скипетром искуснее, нежели мечом.

Иоанн казался иногда боязливым, нерешительным, ибо всегда хотел действовать осторожно. Сия осторожность есть вообще благоразумие: оно не пленяет нас подобно великодушной смелости; но успехами медленными, как бы неполными, дает своим творениям прочность. Что оставил миру Александр Македонский? Славу. Иоанн оставил государство, удивительное пространством, сильное народами, еще сильнейшее духом правления, то, которое ныне с любовию и гордостию именуем нашим любезным отечеством.

Николай Карамзин

1506

В августе 1506 года литовский король Александр умер. Василий хотел воспользоваться смертью бездетного зятя для мирного соединения Литовской Руси с Московскою: он послал сказать сестре, чтоб она «пожелала и говорила бы епископу и панам, всей Раде и земским людям, чтоб пожелали иметь его, Василия, своим государем и служить бы ему пожелали; а станут опасаться за веру, то государь их в этом ни в чем не порушит, как было при короле, так все и останется, да еще хочет жаловать свыше того». Но Елена отвечала, что Александр назначил преемником себе брата своего, Сигизмунда.

Сергей Соловьев

1509

Условия содержания Димитрия после кончины Ивана Третьего стали предельно суровыми. Ему была назначена тесная камера, в которой он сидел в железных оковах. Там, во мраке и отчаянии, он и скончался 14 февраля 1509 года, в возрасте 25 лет. Его поспешно погребли в Архангельском соборе Московского Кремля. Мало кто присутствовал на отпевании державного узника. Ни родных, ни друзей на этом свете он уже не имел.

Николай Борисов

1510

С объявлением воли великокняжеской приехал в Псков дьяк Третьяк Далматов, который сказал на вече от имени Василия: «Если отчина моя хочет прожить в старине, то должна исполнить две мои воли: чтоб у вас веча не было и колокол вечевой был бы снят; если же этих двух волей не исполните, то как государю Бог на душу положит: много у него силы готовой, и кровопролитие взыщется на тех,

кто государевой воли не сотворит».

Отговоривши свою речь, дьяк сел на ступени. Псковичи ударили челом в землю и не могли слова промолвить, потому что глаза у них наполнились слезами, только грудные младенцы не плакали; наконец, собравшись с духом, отвечали дьяку: «Посол государев! Подожди до завтра: мы подумаем и обо всем тебе скажем»; тут опять все горько заплакали. «Как зеницы не выпали у них вместе со слезами? Как сердце не оторвалось от корня своего?» — говорит летописец.

Думать псковичам было нечего; день прошел в плаче, рыданиях, стонах; бросались друг другу на шею и обливались слезами. Задержанные в Новгороде посадники и бояре писали к ним, что дали Василию крепкое слово своими душами за себя и за всех псковичей исполнить государево приказание; писали, что общая гибель будет следствием сопротивления великому князю, у которого многочисленное войско.

13 января 1510 года сняли вечевой колокол у Святой Троицы, и начали псковичи,

смотря на колокол, плакать по своей старине и по своей воле, и в ту же ночь Третьяк повез вечевой колокол к Великому князю в Новгород.

Лучшие псковичи стали собираться в Москву с женами и детьми, взяли с собой только что полегче, а прочее все бросили и поехали наспех с большим плачем и рыданием; поехало всего тогда 300 семей. Отнялась слава псковская, говорит летописец; по его словам, беда постигла псковичей за самоволие и непокорение друг другу, за злые поклепы и лихие дела, за кричанье на вечах; не умели своих домов устраивать, а хотели городом управлять.

Летописец жалуется на первых московских наместников. «У тиунов их и дьяков правда взлетела на небо, а кривда начала между ними ходить; были они немилостивы к псковичам, а псковичи бедные не знали суда московского; наместники пригородные торговали пригорожанами, продавали их великим и злым умышлением, подметом и поклепом; приставы наместничьи начали брать от поруки по 10, 7 и 5 рублей, а кто из псковичей сошлется на уставную грамоту Великого князя, как там определено, почем брать с поруки, того они убьют; от их налогов и насильства многие разбежались по чужим городам, бросивши жен и детей; иностранцы, жившие в Пскове, и те разошлись в свои земли».

Сергей Соловьев

1526

Хотя государь Василий был очень несчастлив в войне, его подданные всегда хвалят его, как будто он вел дело со всяческой удачей. И пусть домой иногда возвращалась едва ли не половина воинов, однако московиты делают вид, будто в сражении не потеряно ни одного. Властью, которую он имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира. Он довел до конца также и то, что начал его отец, именно: отнял у всех князей и у прочей знати все крепости и замки. Даже своим родным братьям он не поручает крепостей, не доверяя им. Всех одинаково гнетет он жестоким рабством.

Сигизмунд Герберштейн

1530

Ничто не удивляло так иноземцев, как самовластие государя российского и легкость употребляемых им средств для управления землею… Два государя, Иоанн Третий и Василий Третий, умели навеки решать судьбу нашего правления и сделать самодержавие как бы необходимой принадлежностью России, единственным уставом государственным, единственной основой целости ее, силы, благоденствия. Сия неограниченная власть монархов казалась иноземцам тиранией: они в легкомысленном суждении своем забывали, что тирания есть только злоупотребление самодержавия, появляясь и в республиках, когда сильные граждане или сановники утесняют общество. Самодержавие не есть отсутствие законов: ибо где обязанность, там и закон; никто же и никогда не сомневался в обязанности монархов блюсти счастие народное.

Николай Карамзин

Несмотря на сопротивление бояр и церковных иерархов, вскоре был объявлен развод Великого князя с Соломонией, которую постригли под именем Софьи в Рождественском девичьем монастыре и потом отослали в суздальский Покровский монастырь. В январе 1526 года Василий женился на Елене, дочери умершего князя Василия Львовича Глинского, родной племяннице знаменитого литовского князя Михаила Глинского; выбор замечательный, ибо действительно Елена, воспитанная иначе, чем тогдашние московские боярышни, имела более средств нравиться. Через три года, 25 августа 1530 года, Елена родила первого сына, Иоанна, которому суждено было стать царем Иваном Четвертым.

Сергей Соловьев

Говорит благодарный автор

В работе над этой книгой огромную помощь автору оказали профессора кафедры истории Московского государственного университета: Николай Сергеевич Борисов, Елена Александровна Рыбина, Валентин Лаврентьевич Янин. Чтение их книг и беседы с ними помогли лучше понять и почувствовать столь удаленную от нас эпоху российской истории.

Книгами из своих личных библиотек щедро делились Симур Беккер и Алла Зейде, Владимир и Алла Гандельсманы, Яков и Наталья Гордины, Александр и Ирина Грибановы, Александр и Рена Мильштейны, Марк Раев, Александр и Ирина Рейфманы, Лев и Ирина Самаровы, Эдуард и Ирина Служевские. Специалист по истории Пскова Александр Гордин был первым, кто откликнулся на смутно созревавший замысел романа и подарил книгу А. Комеча «Каменная летопись Пскова».

Историческая память народа — понятие расплывчатое, ненаучное, переменчивое. Тем не менее, историческое прошлое оказывается часто

предметом самых яростных дебатов, неизменно влияет на политические баталии в стране.

Осенью 2001 года автор осматривал исторические памятники Новгорода и окрестностей. Несколько раз обошел вокруг Памятника тысячелетию России (скульптор М. О. Микешин, 1862 год), вглядывался в украшающие его фигуры царей, князей, полководцев, митрополитов, святых подвижников, писателей, художников, композиторов. Не поверив своим глазам, спросил у экскурсовода: «Правда ли, что среди ста тридцати скульптурных изображений нет фигуры царя Ивана Грозного?». — «Правда, — сказала она. — Проект обсуждался специальным комитетом, состоявшим из представителей двора, духовенства, историков, юристов. Они постановили, что было бы неуместно ставить в Новгороде фигуру царя, без всякого повода и вины залившего кровью этот город».

Чтобы вернуть Ивану Грозному героический ореол, к власти в стране должен был прийти другой Дракула — Сталин. Мне хочется в заключение выразить благодарность всем ныне живущим россиянам, которые боролись за то, чтобы в самосознании народа памятники Сталину в России стали выглядеть таким же попранием истори-

ческой справедливости, каким выглядел бы памятник Ивану Грозному посреди Новгорода.